

ISSN 2307-6119

Томский журнал
лингвистических
и антропологических
исследований

**Tomsk Journal
of Linguistics
and Anthropology**

3 ' 2022

Выпуск 3 (37)

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)**

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 3 (37) 2022

**ТОМСК
2022**

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

*О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент Назарбаев Университет
(зам. главного редактора);*

*Н. А. Тучкова, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея Природы и Человека
(г. Ханты-Мансийск) (редактор раздела антропологии,
(зам. главного редактора);*

С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор НовГУ;

А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);

*Б. Вагнер-Надь, Dr. habil., профессор Института финно-угроведения/уралистики, университет
Гамбурга (Германия);*

Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);

Ф. Сигл, Ph. D. Linguistics, Университет Хельсинки (Финляндия);

Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);

Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

З. Надь, доктор антропологии, профессор университета г. Печ (Венгрия);

Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;

Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония);

М. П. Чёрная, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 31-14-64.

Адрес редакции:

пр. Комсомольский, 75, оф. 319, Томск, Россия, 634041.

Тел. (3822) 52-06-17, факс (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ:

ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013 г.

Подписано в печать: 28.12.2022 г. Дата выхода в свет: 30.12.2022 г. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 16,8. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 1239/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: Ю. А. Ворошилова.

Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Г. В. Кругликова.

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2022. Все права защищены.

**THE MINISTRY OF EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 3 (37) 2022

**TOMSK
2022**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

*O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
Nazarbayev University (Deputy Editor in Chief);*

*N. A. Tuchkova, Doctor of Science in History, senior research fellow of the Department of History
and Ethnography of the "Museum of Nature and Human" (Khanty-Mansiisk)
(Deputy Editor in Chief, Editor of the Anthropology section);*

S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

*A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);
Fujuki Ebata, Niigata University (Japan);*

E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);

E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;

N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;

Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);

L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;

*V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);*

Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);

Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);

N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;

L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University;

M. P. Chernaya, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 31-14-64.

Address for Correspondence:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061.

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)

PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 28.12.2022. Publication date: 30.12.2022. Formate: 60×90/8.

Paper: offset. Printing: screen. Edition: 1 000. Price: not settled. Order: 1239/H.

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: Yu. A. Voroshilova.

Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: G. V. Kruglikova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2022. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
ЛИНГВИСТИКА	
Агранат Т. Б. Номенклатура Ингерманландии: этнонимы, лингвонимы и топонимы DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-9-19	9
Додыхудоева Л. Р. К номинации миноритарных иранских языков Горно-Бадахшанской автономной области DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-20-30	20
Дьячковский Ф. Н., Данилова Н. И., Тазранова А. Р. Аффиксальный способ образования якутского, алтайского языков в сопоставлении с бурятским (на материале лексики частей тела животных) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-31-41	31
Жамсаранова Р. Г. Геноним Луникерский нерчинских тунгусов: до-этнонимное и собственно-этнонимное значения и языковое происхождение онима DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-42-54	42
Куцаева М. В. К вопросу о номенклатуре марийских идиомов DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-55-68	55
Мордашова Р. Т. Стратегии выражения желания в горномарийском языке DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-69-87	69
Муратова Р. Т. Цветообозначение буз 'сивый, серый' в башкирском языке: историко-этимологический и лексико-семантический анализ DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-88-96	88
АНТРОПОЛОГИЯ	
Барсуков Е. В. Озера на «Чертеже земли Нарымского города» С. У. Ремезова: география, археология, этнография DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-97-109	97
Галиева Ф. Г. Традиции домашнего пивоварения и употребления пива на примере современных чувашей Башкортостана DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-110-116	110
Головнева Е. В., Головнев И. А. «Киноатлас СССР»: учебный фильм «Восточная Сибирь» (1935) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-117-127	117
Медведев В. В. Северное измерение ногайцев DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-128-141	128
Сагалаев К. А. Ритуальное употребление мухоморов у современных коряков DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-142-148	142
Цыбикова Б.-Х. Б. Образ Чингисхана в фольклоре бурят DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-149-159	149
Шитова Н. И. Хтонические образы в традиционной культуре русских горного Алтая: трансформация и локальные особенности DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-160-170	160
СООБЩЕНИЯ	
Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. V Международная научная конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-171-176	171
НАШИ АВТОРЫ	177
AUTHORS	179

CONTENTS

From the Editors	8
LINGUISTICS	
Agranat T. B. Ingrian nomenclature: ethnonyms, linguonyms and toponyms DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-9-19	9
Dodykhudoeva L. R. On language naming in the mountainous Badakhshan autonomous region DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-20-30	20
Diachkovskiy F. N., Danilova N. I., Tazranova A. R. Morphological derivation in Yakut and Altai in comparison to Buryat (illustrated by animal body parts vocabulary) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-31-41	31
Zhamsaranova R. G. Tribal name of Lunikersky of the Nerchinsk Tungus: pre-ethnonymous and proper ethnonymic meanings and linguistic origin of the onyma DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-42-54	42
Kutsaeva M. V. On the problem of nomenclature of Mari idioms DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-55-68	55
Mordashova D. D. Strategies of encoding volition in Hill Mari DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-69-87	69
Muratova R. T. Color term buđ 'gray' in the Bashkir language: Historical-etymological and lexico-semantic analysis DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-88-96	88
ANTHROPOLOGY	
Barsukov E. V. Lakes on "The Drawing of the Narym city territory" by S. U. Remezov: geography, archeology, ethnography DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-97-109	97
Galieva F. G. Traditions of home brewing and beer consumption on the example of modern Chuvash people of Bashkortostan DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-110-116	110
Golovneva E. V., Golovnev I. A. "Cinema Atlas of the USSR": educational film "Eastern Siberia" (1935) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-117-127	117
Medvedev V. V. On identification of the Nogais DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-128-141	128
Sagalaev K. A. Ritual use of fly agarics by modern Koryaks DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-142-148	142
Tsybikova B.-Kh. B. The image of Genghis Khan in the folklore of the Buryats DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-149-159	149
Shietova N. I. Chthonic images in traditional culture of the Russians of Gorny Altai: transformation and local features DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-160-170	160
REVIEWS	
Borgoiakova T. G., Guseinova A. V. The 5th International Scientific Conference "Preservation and development of Siberian indigenous languages and cultures" DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-171-176	171
AUTHORS (In Russian)	177
AUTHORS (In English)	179

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором(ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

**Издание включено в объединенный каталог «Пресса России»,
подписной индекс 82719.**

*Linguistics without anthropology is
sterile, anthropology without
linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973.
P. 675

From the Editors

'Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology' was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and worldwide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

Т. Б. Агранат

НОМЕНКЛАТУРА ИНГЕРМАНЛАНДИИ: ЭТНОНИМЫ, ЛИНГВОНИМЫ И ТОПОНИМЫ

Рассматриваются номинации трех близкородственных малых прибалтийско-финских языков, распространенных в Ингерманландии – исторической части Ленинградской области, находящихся в длительном контакте друг с другом. Описываются как синхронные, так и исторические названия, прослеживается их происхождение и причины вытеснения одних названий другими и/или сосуществования различных названий одновременно. Исследуются пути изменения и дрейфа названий этносов и их языков. Анализируются исторические источники, словари, фиксирующие разные синхронные срезы, тексты, записанные ранее исследователями этих языков, а также собственные данные автора, полученные при полевой работе с носителями этих идиомов. Помимо номинаций языков, уделяется внимание топонимам Ингерманландии, ситуация с которыми нетривиальна, – все деревни в Ингерманландии имеют по два названия с четким дополнительным распределением: одно употребляется при разговоре на автохтонном языке, другое – при разговоре по-русски. Проводится классификация соотношений прибалтийско-финских и русских топонимов, которые можно разделить на несколько групп: кальки, полукальки, в некоторых парах топонимов к одинаковым топоосновам присоединяются разные топоформанты, часть топонимов заимствована без изменений как в русский, так и из русского языка, в некоторых из них при заимствовании адаптируется фонетика, в некоторых – меняются топоформанты, имеется большая группа пар топонимов, вообще никак не соответствующих друг другу. Делается вывод о том, что сосуществование параллельных топонимов – на автохтонных и русском языках – демонстрирует сохранение этнического самосознания, несмотря на препятствующие этому условия. Малые языки, благодаря неизбежным контактам с соседями, дают обширный материал для исследования путей изменения и дрейфа названий этносов и их языков, позволяют проследить типологию таких изменений.

Ключевые слова: малые языки, этнонимы, лингвонимы, топонимы, водский язык, ижорский язык, язык ингерманландских финнов.

Введение

Ингерманландия (Ижорская земля) – историческое название западной части современной Ленинградской области, между Нарвой и Невой, где в контакте между собой и с русским населением проживают три малочисленных автохтонных этноса: водь, ижорцы и ингерманландские финны – носители близкородственных прибалтийско-финских языков. Речь пойдет об экзо- и эндоэтнонимах и лингвонимах в разные исторические периоды, об их происхождении и причинах вытеснения одних названий другими и/или сосуществовании различных номинаций одновременно. Параллельная номинация характерна и для населенных пунктов Ингерманландии, что также будет обсуждаться в данной работе.

1. Языки и этносы Ингерманландии

1.1. Водь

Древнейшим известным населением этой территории является водь. В прошлом она населяла северо-запад Восточно-Европейской равнины (от южного берега Финского залива на севере до верховьев рек Луга и Плюсса на юге¹ и от р. Нарва на западе до р. Нева на востоке) (Шлыгина, 1994: 126). В XII в. в Ингерманландию пришли ижорцы, а в XVII в. – финны.

¹ Южная водь, обитавшая в районе Гдова, ассимилировалась со славянским населением раньше других, какие-либо сведения об идиоме, на котором она говорила, отсутствуют.

В летописи под 862 г. Нестор называет именем *чудь* прибалтийско-финские племена, в число которых, как считается, входит и *водь*. Тем не менее Е. А. Рябинин пишет, что, по археологическим данным, граница Водской земли с Чудью проходит по реке Систе и ее притоку Суме, а значит, *водь* и *чудь* нельзя отождествлять (Рябинин, 2001: 13).

Впервые *водь* упоминается в Новгородской летописи под 1069 г. Однако Е. А. Рябинин считает, что это упоминание «не может быть интерпретировано ни с географической (отсутствует указание на район проживания), ни с археологической (отсутствуют достоверные синхронные древности) точек зрения. “Вожане” XI в. остаются пока исторической загадкой» (Рябинин, 2001: 11).

Земля, принадлежавшая *води*, вошла в состав Новгородской республики под названием Водская пятина.

Водь участвовала в многочисленных битвах на стороне Новгорода, и в 1445 г. после сражения часть *води* была уведена Ливонским орденом в плен в Курляндию для постройки Бауского замка. Далее никаких сведений о *води* в Латвии не имеется. Ф. И. Видеман выдвинул, а затем и доказал гипотезу о том, народ, просуществовавший в Латвии вплоть до начала XIX в. под этнонимом *кревины*, – «потомки именно тех «попленных» Вотов, о которых говорит летопись и которых около 1445 г. Ливонские войска «приволокли» в свои земли после похода в Новгородские владения» (Видеман, 1872: 114).

Ф. И. Видеман в 1871 г. предпринял поездку на места, где в прошлом проживали *кревины*, и обнаружил, что *кревинский* язык уже окончательно вымер. Пожилые люди помнили несколько слов; в прошлом, когда язык был еще жив, миссионеры сделали небольшие записи. От *кревинского* языка остался корпус из 108 предложений, позволивший Видеману ответить на вопрос, кто такие *кревины*, откуда они попали в Курляндию, кто их ближайшие родственники.

Первым о *води* написал нарвский пастор Трефурт в XVIII в., который называет этот народ *чудью* (Trefurt, 1783; 1785). Трефурт записал водскую песню из восьми строк. Позднее эстонский исследователь Хупел предпринял лингвистический анализ приведенной Трефуртом песни и сделал вывод, что «ингерманландская *чудь* и эстонцы – братья» (Hupel, 1785). Немного позднее еще один пастор – Цетреус – называет *водь* по-шведски *Watländare*. Публикует его труд финский просветитель Портан (Porthan, 1802).

А. Шёгрэн, непродолжительно изучавший водский язык в одной из водских деревень, называет *водь* южной *чудью*, а *вепсов*, чей язык он считает родственным водскому, – северной *чудью* (Sjogren, 1833).

В 1856 г. А. Аלקвист, автор первого грамматического описания водского языка, писал: «В нескольких деревнях Ораниенбаумского и Ямбургского уездов Петербургской губернии живет малый народ, который по языку, обычаям и национальным костюмам отличается от своих финских и русских соседей. Сами они называют себя *Wadjalaiset*, финны называют их *Watjalaiset*, русские – *чудь* (*чудья*) и (в летописях) *водь*, а в финской и шведской истории они известны как *Woter*, *Watländare* (Ahlgqvist, 1856: I). Сам же он называет свой труд по-шведски «*Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning*».

В 1922 г. уроженец водского села Краколье, расположенного в самой западной части ареала распространения водского языка, Д. Цветков написал «Первую грамматику водского языка» (Д. Цветков не знал о существовании труда А. Аלקвиста, поэтому считал свою грамматику первой, см. Агранат, 2017). Никаких других лингвонимов он не использует. Этот же автор писал, что в начале XX в., если в водскую семью приходила молодая жена ижорка, все члены семьи, включая самое старшее поколение, начинали говорить по-ижорски. Это в конечном итоге приводило к вытеснению водского языка ижорским. Уже в начале XX в., по свидетельству Д. Цветкова, *водь* по-русски называла себя ижорцами, хотя по-водски самоназвание *vad'd'alaizõd* сохранилось. Водские девушки не поют о себе, что они –

“vad’d’ōlaizōd – on lustiD” (букв. ‘води красивые’), а поют по-русски: «Все ижорочки красивенькие» (Tsvetkov, 1925).

По данным словаря (Nirvi, 1971), материал для которого автор начал собирать задолго до его выхода, ижорцы, носители сойкинского диалекта, называли воду ‘vadelain’ и ‘vadikkain’. Этот диалект в меньшей степени контактировал с водским языком. В нижнелужском диалекте тот же словарь фиксирует названия ‘vadjalane’, ‘vad’d’alaine’. На нижней Луге водский и ижорский языки находятся в тесном контакте, нижнелужский диалект подвергся очень сильному водскому субстратному влиянию.

В 1929 г. Я. Я. Ленсу записывал тексты почти во всех деревнях ареала распространения водского языка. В деревне Ицепино им был, в частности, записан такой текст: “med’d’ie vātšēa kutsuas – vad’alaizet, a tara ili nurmi rannas on lüütüü raia-vad’a” (Ленсу, 1930: 286), букв.: «наш народ называется вожане, а на краю огорода или поля вбит межевой (пограничный) кол». Перевод в книге неточный и не отражает сути: «наш народ называется вадьялайзет, а на краях огорода и поля вбит пограничный кол – vad’ia» (Ленсу, 1930: 288). Очевидно, автор высказывания хотел показать омонимию: vad’ia – название народа и его языка, а также слово, означающее ‘кол’, ‘клин’². Существует версия, что этноним восходит к слову «клин», поскольку в древности вода в сражениях наступала клином.

В деревне Пумалицы, расположенной немного восточнее, Я. Я. Ленсу записал: “miä em ou virolaiset eikä tšudiat, miä õm talapantsit” – ‘Мы не эстонцы и не вода, а мы талапанцы’ (Ленсу, 1930: 271). Перевод также неточный, букв.: «мы не эстонцы и не чуди, а мы талапанцы». Последнее, конечно же, в прошлом уничижительный экзоэтноним, который стал со временем эндоэтнонимом.

Водский язык всегда оставался бесписьменным. Ижорский язык обрел письменность в начале 1930-х гг., в период языкового строительства. Его стали преподавать в школе и преподавали до 1937 г., когда учебники уничтожили, а авторов букваря расстреляли. Водских детей вместе с ижорскими обучали на ижорском как на родном языке. Происходило это только в крайне западных деревнях, где вода называла себя ижорой, а свой язык – ижорским. К востоку от этих деревень водских детей не обучали ижорскому языку.

Сейчас самые последние носители водского языка живут в западной части ареала, у впадения реки Луги в Финский залив, в других местах язык исчез в середине XX в. Когда в конце XX в. я впервые приехала к воде, все они по-русски называли себя ижорцами, а свой язык – ижорским, при этом они демонстрировали свое отличие от собственно ижорцев по языку, предъявляя в качестве диагностического контекста поговорку на обоих языках с различием в фонетике. По-водски прежнее самоназвание и название языка сохранялось. Только в самое последнее время с легкой руки исследователей некоторые, но не все, и на русском языке вернулись к самоназванию «вода».

В начале XX в. я была в деревне Пумалицы, где жила одна ижорская семья, переселенная после Второй мировой войны из прибрежного района вглубь материка. Они называли себя талапанцами, как и водские информанты Я. Я. Ленсу. В то время, когда там работал Ленсу, ижорцев в этой деревне не было. Этноним они переняли у воды, которой больше в этом ареале нет.

1.2. Ижорцы

Предки современных ижорцев на рубеже I–II тыс. н. э. ушли с Карельского перешейка, отделившись от других карел, и отправились на запад вдоль южного побережья Финского

² Ср. вода из водск. Vad’d’a «клин» (Фасмер 1986: 331) и чудь «саам. кольск. čutte, čut ... ср. Э. Итконен..., чье собственное сближение саам. слов с фин. suide «затычка, клин» не представляется мне убедительным» (Фасмер 1987: 379).

залива. К XII в. достигли сегодняшних мест проживания, где уже жила водь. Ижорцы расселились чересполосно с водью.

Старое самоназвание ижоры – *karjala* ‘карелы’ – сохранялось до середины XX в.; в текстах, записанных в то время от носителей, встречается только такой этноним (см., например, коллекцию текстов (Ariste, 1960)). Там же: раньше называли себя карелами, теперь, как правило, – ижорцами (Ariste, 1960: 57). Свой язык, как и другие прибалтийские финны, ижорцы называли *maa keeli* ‘язык земли’, а также *karjala* ‘карельский’. Именование ижорцами своего языка *karjala* фиксирует и словарь (Nirvi, 1971).

Водь в прошлом также называла ижорский язык *karjala* и *karjakko*, а ижорцев – *karjalainō*, это зафиксировано повсеместно, что отражено в словаре (Vadja, 2013). Этот же словарь фиксирует *izorilainō*, *izora*, но в очень ограниченном количестве населенных пунктов.

Сейчас этноним *karjala*, как и прежние названия языка, не используется. Наши информанты себя называли по-разному: *inkeriläin* ‘ингерманлонец’, *suomalain* ‘финн’, талапанцы. Свой язык они также называют по-разному: *izorin keeli* ‘ижорский язык’, *inkerin keeli* ‘ингерманландский язык’, *oma keeli* ‘собственный язык’, *suomen keeli* ‘финский язык’.

Начало исследованию ижорского языка положил в XIX в. финский лингвист в. Поркка (Porkka, 1885). Свой труд он назвал “Ueber den ingrischen Dialect mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte” («Об ижорском диалекте в сравнении с ингерманландско-финскими диалектами»), хотя ижорский диалект в заглавии в единственном числе, тем не менее дается обзор всех четырех еще живых на тот момент ижорских диалектов. Другого названия этого идиома В. Поркка не использует.

Еще в середине XX в. финские лингвисты не признавали за ижорским статус самостоятельного языка и пользовались термином «ижорские диалекты», правда, не уточняли, какого языка. Исследовавший этот идиом с 1960-х гг. эстонский лингвист А. Лаанест, настаивал на том, чтобы считать его самостоятельным языком; такая точка зрения утвердилась в науке.

На происхождение этнонима «ижора» и названия Ингерманландия есть несколько точек зрения.

В 1220 г. в хрониках Генриха Латыша эта территория впервые называется Ингария, а ее жители – ингарос. Позже земля стала называться Ингерманландия; у русских Ижора, Ижера – в летописях 1240–1241 гг.; у шведов и немцев – Ингерманланд.

Р. А. Агеева считает, что современный этноним связан с названием притока Невы – реки Ижоры (прибалтийско-финское название реки – Инкерийоки, букв.: река Инкери), на которой они жили раньше (Агеева, 2002: 75). Она опирается на мнение археолога В. В. Седова о том, что в XIII в. ижорцы стали продвигаться от реки Ижоры на запад (Седов, 1953). По этой гипотезе, Ингерманландия получила свое название от имени племени ижора, которое, в свою очередь, получило наименование от реки Ижоры. Некоторые исследователи (например, Сарессало, 2003) считают, что объяснение, связанное с названием реки, является более достоверным.

По другой версии, выдвинутой А. Шёгреном, киевский князь Ярослав Мудрый, женившись в 1019 г. на дочери шведского короля Олофа Скотконунга Ингегерде, подарил ей на свадьбу район Старой Ладogi с окрестностями. Таким образом, сначала именем его владелицы были названы окрестности этого города, а впоследствии, с расширением территории, так стала называться и вся местность (Sjogren, 1833). М. Фасмер поддерживает точку зрения А. Шёгрена как наиболее аргументированную (Фасмер, 1986: 119). В пользу второй версии, видимо, говорит и тот факт, что этноним *karjala*, как показано выше, сохранялся вплоть до недавнего времени, а более позднее название (и самоназвание) – ‘ижорцы’, судя по всему, и означает «жители Ингерманландии». То есть не область получила название по этнониму, а наоборот. Еще один аргумент в пользу этой последней версии – название ингерманландских финнов, о которых речь пойдет ниже.

Помимо исторически засвидетельствованных ижорских диалектов, распространенных на территории Ингерманландии, недавно стало известно, что до середины XX в. по-ижорски говорили в нескольких деревнях на побережье Чудского озера. В литературе до сих пор не упоминалось, что ижорский язык был распространен в Псковской области. Установить диалектную принадлежность этого уже вымершего идиома вряд ли возможно. Автору удалось сделать небольшое количество аудиозаписей от последнего информанта, который в детстве покинул родные места и с трудом вспоминал язык (Агранат, 2019). Свой язык он называл ижорским, и собранный языковой материал это подтверждает.

1.3. Ингерманландские финны

После заключения в 1617 г. Столбовского мирного договора южное побережье Финского залива отошло к Швеции, и шведский король предпринял попытку обратить население завоеванной территории в лютеранство. Последнее вызвало массовый отток вглубь России не только славян, но также води и ижоры, которые, хотя и продолжали соблюдать многие языческие обряды, к этому моменту давно уже были православными, ср. «Будучи соседями, а позднее и подданными новгородцев, водь принимали участие в бесконечных битвах, которые русские постоянно вели на их территории, пока, наконец, построив в 1280 г. крепость Копорье (финск. *Koprio*), на долгие времена не утвердили свое господство на южном побережье Финского залива, что способствовало распространению православия среди водского и ижорского населения» (Ahlqvist, 1856: I). После того как Ингерманландия вновь отошла к России, некоторые из переселенцев вернулись.

На освободившееся место с северного побережья Финского залива переселились финны. Среди переселенцев были две этнические группы: савакот и эуримейсет, происходившие из разных мест: *Savo* и *Euguruu*, соответственно, и говорившие на разных идиомах. Видимо, впервые сведения об этих идиомах представлены в (Porkka, 1885). В. Поркка пользуется названиями «савакот» и «эуримейсет» и общим названием «ингерманландско-финские диалекты». Эти две этнические группы различались еще в первой половине XX в., по крайней мере, савакот упоминаются в (Прыткова, 1930 и Габе, 1930).

В результате переселения савакот и эуримейсет в одни и те же деревни произошло смешение этнических групп и их идиомов; эти названия полностью вышли из обихода и утратились. В настоящее время сохраняется только общий для всех экзоним – «финны-ингерманландцы» или «ингерманландские финны», по-фински – *inkerilaiset* ‘ингерманландцы’, ‘жители Ингерманландии’, т. е. этноним происходит из названия территории. Сами же себя они называют просто финнами, а свой язык – финским. Наши респонденты сказали, что считают финнов, живущих в Финляндии, родственным народом, но, однако, не отождествляют себя с ними.

2. Номинация и престиж

В ходе социолингвистического обследования в Ингерманландии, в частности, задавался респондентам вопрос: «Какие национальности живут с вами по соседству?»

Ответы были следующими. Все респонденты-финны называли ижорцев, однако только некоторые их вспомнили сами, а некоторые – по подсказке; не исключено, что под ижорцами понималась, в частности, и водь. Что касается води, их называли только 47 % финнов, а половина сказала, что никогда ничего о таких не слышала. Водь знает ижорцев и финнов, ижорцы знают финнов, половина респондентов-ижорцев называли водь, некоторые представители води считают себя ижорцами. Ответ на этот вопрос интересен с точки зрения престижности языка и этноса соседей.

А. Аלקвист писал о води: «Этому народу, численность которого в 1848 г. (по материалам Кёппена) составляла всего лишь 5 148 человек обоего пола, в прежние времена

принадлежала большая часть Ингерманландии, поэтому, когда эти земли постепенно перешли под власть Новгородской республики, была образована Водская пятина» (Ahlqvist, 1856: I). П. И. Кёппен впервые собрал точные сведения о численности водского населения – в 1848 г. всего было 5 148 человек, и проживали они в 32 деревнях (Кёппен, 1851). По данным того же исследователя, ижорцев в то же время было 17 800 чел. (Körpen, 1867). Возможно, из-за численного превосходства ижорцев ижорский язык вплоть до начала XX в. был лингва франка при общении ижоры и води. Представляется, что последнее и послужило причиной, а не следствием роста престижа ижорского языка по сравнению с водским. Бывают ситуации, когда в качестве лингва франка выбирается язык с большим престижем, но в данном случае у ижорского языка не было никаких преимуществ, кроме числа носителей. Как было показано выше, это способствовало не только изменению лингвонима, но и вытеснению водского языка ижорским.

В конце XX в. при общении води и ижоры кодовое переключение происходило только на ижорский язык из-за большего престижа последнего (подробнее см. Агранат, 2020).

Языковые контакты между водью и ижорой были интенсивными, так как браки между ними были частыми, поскольку этносы были близки не только в языковом, но и в конфессиональном отношении: и те и другие – православные, в отличие от ингерманландских финнов, сохранявших лютеранство и редко вступавших в межконфессиональные браки. Финны держались достаточно обособленно.

В Ингерманландии финские школы открылись уже с XVIII в., на столетие раньше, чем в Финляндии. Вплоть до 1930-х гг. на территории Ингерманландии работали финские школы, избы-читальни, библиотеки, выходила периодическая печать (в 1925–1937 гг. около 20 журналов и альманахов) и издавалась литература, действовали приходские церкви. В результате национальной политики, проводимой в последующие годы, сфера действия финского языка искусственно была ограничена и сведена к узкобытовой. В остальных сферах функционировал только русский язык (Елисеев, Коппалева, 2005). Возможно, в прошлом значительно более высокая функциональная развитость ингерманландского финского, по сравнению с языками соседей, способствует его высокому престижу для его носителей, позволяя последним не замечать языков, распространенных в ближайших от них деревнях. Возможно, надо еще учитывать, что престижность языка часто повышается при использовании его в качестве государственного в другой стране, хотя, как указывалось выше, наши респонденты считают финнов, живущих в Финляндии, родственным народом, но, однако, не отождествляют себя с ними.

3. Топонимика Ингерманландии

Все деревни в Ингерманландии имеют по два названия: одно употребляется при разговоре на автохтонном языке, другое – при разговоре по-русски. Соотношение этих топонимов можно разделить на несколько групп. Во-первых, это кальки, их совсем немного:

Savvokkala (водск.) – Савикино (рус.),

Sudela (ижорск.) – Волково (рус.),

Rajo (водск.) – Межники (рус.).

В нескольких случаях при калькировании не совпадает число:

Kotko (ижорск.) ед. ч. – Орлы (рус.) мн. ч.,

Kattila (водск.) ед. ч. – Котлы (рус.) мн. ч.,

Kukkuzi (водск.) ед. ч. – Куровицы (рус.).

Встречаются полукальки: Ülä-Luuska (ижорск.) – Верхние Лужки (рус.), в этом топониме первая часть калькирована, вторая – передает русское слово фонетическими средствами ижорского языка. В названиях Ühimägi (ижорск.) – Красная Горка (рус.)

и Venakontsa (ижорск.) – Вотский конец (рус.) соответствуют друг другу только вторые части: *mägi* ‘гора’ и русское заимствование *kontsa* ‘конец’. Ижорский топоним Ojankülä (букв. «деревня ручья») в русском варианте – Ручьи, аналогично построена пара Liivtšülä (водск. букв. «песчаная деревня») – в русском варианте Пески.

В нескольких парах топонимов к одинаковым топоосновам присоединяются разные топоформанты:

Koskisenkülä (ижорск.) – Косколово (рус.),
Lentisi (ижорск.) – Лендовщина (рус.),
Murdove (ижорск.) – Мурдовщина (рус.),
Tentölä (ижорск.) – Тентелево (рус.),
Pondizõõ (водск.) – Понделово (рус.),
Rudja (водск.) – Рудилово (рус.),
Feodermaa (финск.) – Федоровка (рус.),
Hamala (ижорск.) – Гамолово (рус.),
Pummala (водск.) – Пумалицы (рус.),
Harkola (ижорск.) – Старое Гарколово (рус.),
Kõrvõttula (водск.) – Корветино (рус.),
Logove (ижорск.) – Логи (рус.).

Часть топонимов заимствована без изменений как в русский, так и из русского:

Kandokülä (ижорск.) – Кандокюля (рус.),
Kolgomppää (ижорск.) – Колгомпя (рус.),
Sürjä (ижорск.) – Сюра (рус.),
Järvemperä (финск.) – Ярвемперя (рус.),
Miinala (ижорск.) – Минала (рус.),
Nizovka (ижорск.) – Низовка (рус.),
Novinka (ижорск.) – Новинка (рус.),
Ožerešno (ижорск.) – Озерешно (рус.),
Tšäštšä (ижорск.) – Чаша (рус.).

При заимствовании как из автохтонных языков в русский, так и наоборот, в некоторых топонимах адаптируется фонетика, в некоторых – меняются топоформанты, иногда трудно разделить одно явление от другого. В некоторых случаях направление заимствования очевидно, в то время как в других не столь прозрачно:

Koskina (ижорск.) – Кошкино (рус.),
Koloka (ижорск.) – Головкино (рус.),
Olhovets (ижорск.) – Ольховцы (рус.),
Ropsu (ижорск.) – Ропша (рус.),
Iivanaisi (водск.) – Ивановское (рус.),
Kliimettina (водск.) – Климотино (рус.),
Kozlova (водск.) – Козлово (рус.),
Viipia (финск.) – Выбье (рус.),
Viertöve (финск.) – Вердеево (рус.),
Tolkki (финск.) – Долгое (рус.),
Viistina (ижорск.) – Вистино (рус.),
Voloitsa (ижорск.) – Валяницы (рус.),
Kerstova (водск.) – Керстово (рус.),
Kikeritsa (водск.) – Кикерицы (рус.),

Luuditsa (водск.) – Лужицы (рус.),
Matti (водск.) – Маттия (рус.),
Muukkoiva (водск.) – Мукково (рус.),
Pihlaala (водск.) – Пиллово (рус.),
Undova (водск.) – Ундово (рус.),
Velikkä (водск.) – Великино (рус.),
Itsepäivä (водск.) – Ицепино (рус.).

И наконец, большая группа пар топонимов, вообще никак не соответствующих друг другу. При этом внутренняя форма может быть прозрачна в обоих названиях:

Vanakülä (ижорск. букв. «старая деревня») – Илькино (рус.),
Jarvikoištšülä (водск. букв. «деревня озерца») – Бабино (рус.),
Laukaansuu (ижорск. букв. «устье Луги») – Остров (рус.).

В некоторых парах внутренняя форма видна только в русском топониме:

Taatsoi (ижорск.) – Семейское (рус.),
Tarinaisi (ижорск.) – Андреевщина (рус.),
Tieriiigola (ижорск.) – Малая Ижора (рус.),
Koskove (ижорск.) – Ломоносово (рус.),
Somero (ижорск.) – Стремление (рус.),
Huurala (ижорск.) – Шишкино (рус.),
Mättähä (ижорск.) – Горки (рус.),
Pärspää (ижорск.) – Липово (рус.),
Sädinä (ижорск.) – Слободка (рус.),
Hirstkontu (ижорск.) – Липово (рус.),
Mahu (водск.) – Подмошье (рус.).

Иногда внутренняя форма видна только в автохтонных топонимах: Joenperä в ижорском варианте, в водском – Jõgõperä, поскольку население деревни смешанное водско-ижорское (букв. «за рекой») – Краколье (рус.); Kangaspää (ижорск. букв. «поверхность ткани») – Новое Калище (рус.). В ижорском названии Vääskülä прослеживается топоформант со значением ‘деревня’, русский вариант – Старое Калище.

Внутренняя форма может быть затемнена в обоих названиях:

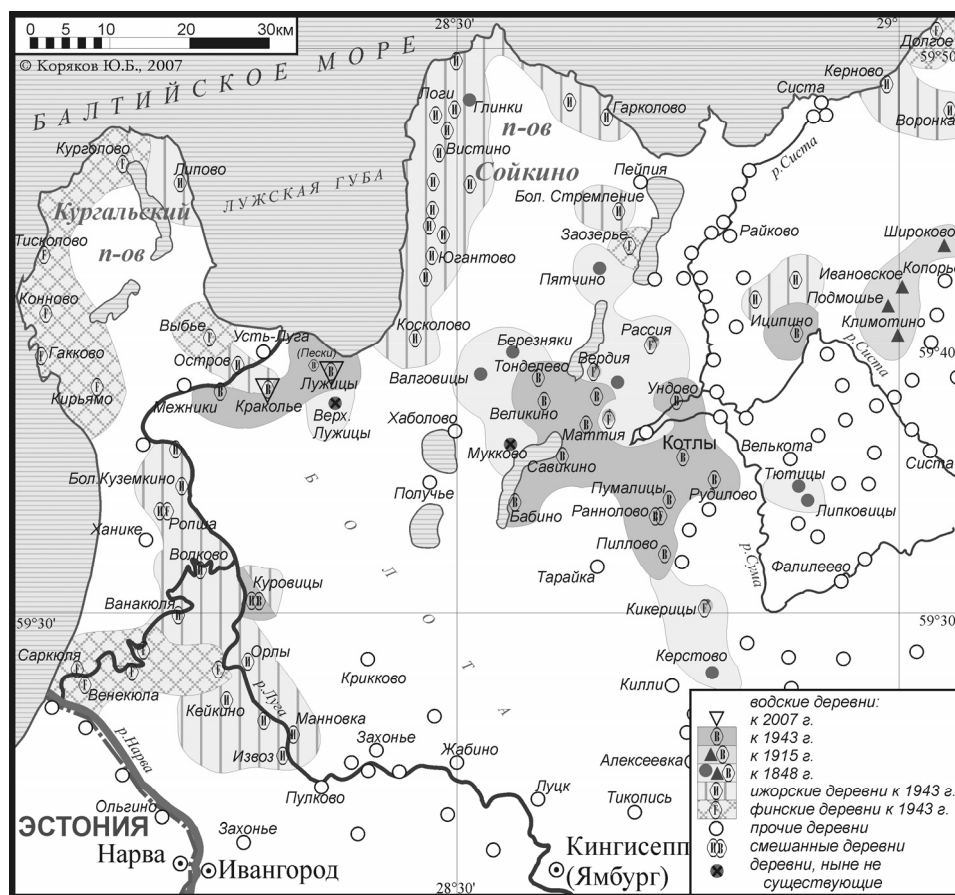
Naaviko (ижорск.) – Кейкино (рус.),
Nevaha (ижорск.) – Коваши (рус.),
Hjasta (ижорск.) – Новое Гарколово (рус.),
Saarove (ижорск.) – Югантово (рус.),
Lempola (водск.) – Раннолово (рус.).

При этом русские топонимы, скорее всего, имеют автохтонное происхождение.

Заключение

Малые языки, благодаря неизбежным контактам с соседями, дают обширный материал для исследования путей изменения и дрейфа названий этносов и их языков, позволяют проследить типологию таких изменений. Кроме того, для многих из них характерно параллельное использование нескольких лингвонимов и этнонимов, в том числе и эндоэтнонимов, что вряд ли возможно для больших этносов и их языков.

Нетривиально сосуществование параллельных топонимов, имеющих четкое дополнительное распределение. Последнее демонстрирует сохранение этнического самосознания, несмотря на препятствующие этому условия.

Литература:

- Агеева Р. А. Ижорский язык // В. П. Нерознак (ред.) Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002. С. 75–79.
- Агранат Т. Б. (ред.) Две первые грамматики водского языка. С-Пб, «Нестор-История», 2017.
- Агранат Т. Б. Ижорский – херитажный язык В. И. Рассадина // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований: материалы III Международной научной конференции. Элиста, 2019. С. 423–424.
- Агранат Т. Б. Контакты в Ингерманландии в прямом наблюдении // Родной язык. Лингвистический журнал, 2020, № 1. С. 172–189.
- Видеман Ф. И. О происхождении и языке вымерших ныне кревинов. СПб., 1872.
- Габе Р. М. Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа // Западно-финский сборник. Л., 1930. С. 107–162.
- Елисеев Ю. С., Коппалева Ю. Э. Финский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Т. 3. М., 2005.
- Кёппен П. И. Водь и Водская пятина. СПб., 1851.
- Ленсу Я. Я. Материалы по говорам води // Западно-финский сборник. Л., 1930. С. 201–305.
- Прыткова Н. Ф. Одежда ижор и води. Из материалов Северозападной экспедиции 1926–1928 годов // Западно-финский сборник. Л., 1930. С. 306–340.
- Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001.
- Сарессало Л. Ингерманландия: рассказ о народах и культуре Ингерманландии. Тампере-СПб., 2003.
- Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология XVIII, М., 1953. С. 207–214.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1986.

- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1987.
- Шлыгина Н. В.** Водь // Тишков В. А. (ред). Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 126–127.
- Ahlqvist A.** Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. VI. Helsingforsiae, Helsingfors, 1856.
- Ariste P.** Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused. T. V. Tallinn. P. 7–68.
- Hupel A. W.** Kurze Anmerkungen über die in Ingermanland begindlichen Tscuden // Nordische Miscellaneen. 9-tes und 10-tes Stuk. Riga. 1785. 8, S. 325–335.
- Köppen P.** Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg, 1867.
- Nirvi R. E.** Inkeröismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971.
- Porkka V.** Ueber den ingrischen Dialect mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
- Porthan H. G.** Något om Watländarenas seder // Åbo Tidning № 65 (August 18). 1802. в. 1–3.
- Sjogren A. S.** Ueber die Finnische Bevölkerung des St. Peterburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland // Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St. Petersburg. VI Serie. Sciences Politiques, Histoire et Philologie. T. II. 1834, p. 123–241. St. Petersburg, 1833.
- Trefurt Fr. L. Von den Tschuden** // Gadebusch Fr. Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. I Band. Riga, 1783.
- Trefurt Fr. L.** Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden // Gadebusch Fr. Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. II Band. Riga, 1785.
- Tsvetkov D.** Vadjalased // Eesti keel. IV. 1925. P. 39–44.
- Vadja keele sõnaraamat. Tallinn, 2013.

Агранат Татьяна Борисовна.
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Пер. Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, г. Москва, 125009.
E-mail: tatiana.agranat@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 25 апреля 2022 г.

T. B. Agranat

INGRIAN NOMENCLATURE: ETHNONYMS, LINGUONYMS AND TOPONYMS

The article examines the nominations of three minor, closely related Baltic-Finnic languages that have long been in contact with one another and are widespread in Ingria, the historical part of the Leningrad region. Both synchronic and historical names are described, their origin is traced, and the causes of certain names being replaced by others or existing simultaneously with other names are given. The models of transformation and drift of ethnic group and their languages are investigated. Historical sources, dictionaries that contain various synchronic sections, texts previously recorded by researchers of these languages, and the author's own data obtained during her fieldwork with native speakers of these idioms are examined.

In addition to language nominations, the article pays attention to the toponyms of Ingermanlandia. All the villages there have two names: one is used when speaking the indigenous language, the other is used when speaking Russian. The relations of Baltic-Finnish and Russian toponyms are classified. The conclusion is made that the coexistence of parallel toponyms – in the indigenous and Russian languages – demonstrates the preservation of ethnic identity, despite the impeding conditions. Small languages, due to the inevitable contacts with neighbors, provide extensive material for the study of the processes of change and drift of the names of ethnic groups and their languages, allowing to trace the typology of such changes.

Keywords: *minority languages, ethnonyms, linguonyms, toponyms, the Votic language, the Ingrian language, language of Ingrian Finns.*

References:

- Ageeva R. A.** Izhorskij jazyk [The Ingrian language] // V. P. Neroznak (ed.) Jazyki narodov Rossii. Krasnaja kniga. Entsiklopedicheskij slovar'-spravochnik. Moscow, 2002. P. 75–79.

- Agranat T. B.** (ed.) Dve pervyje grammatiki vodskogo jazyka [Two first grammars of the Votic language]. Saint-Petersburg, "Nestor-Istoria", 2017.
- Agranat T. B.** Izhorskij – heritazhnyj jazyk V. I. Rassadina [Ingrian is the heritage language of V.I.Rassadin] // Aktualnyje problemy mongolovednyh i altaisticheskikh issledovanij. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Elista, 2019. P. 423–424.
- Agranat T. B.** Kontakty v Ingermanlandii v pr'amom nabludenii [Contacts in Ingria in direct observation] // Rodnoy jazyk. Linguistic Journal, 2020, № 1. P. 172–189.
- Ahlqvist A.** Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. VI. Helsingforsiae, Helsingfors, 1856.
- Ariste P.** Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused. T. V. Tallinn. P. 7–68.
- Fasmer M.** Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. V. I. Moscow, 1986.
- Fasmer M.** Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. V. IV. Moscow, 1987.
- Gabe R.M.** Materialy po narodnomu zodchestvu zapadnyh finnov leningradskogo okruga [Materials on folk architecture of the Western Finns of the Leningrad District] // Zapadno-finskij sbornik. Leningrad, 1930. P. 107–162.
- Hupel A. W.** Kurze Anmerkungen uber die in Ingermanland befindlichen Tschuden // Nordische Miscellaneen. 9-tes und 10-tes Stuk. Riga. 1785. 8. P. 325–335.
- Jeliseev Ju. S., Koppoleva Ju. E.** Finskij jazyk [The Finnish language] // Jazyki Rossijskoj Federatsii i sosdnih gosudarstv. Entsiklopedija. V.3. Moscow, 2005.
- Köppen P. I.** Vod' i vodskaja p'atina [The Votian people and the Votic pyatina]. Saint-Petersburg, 1851.
- Köppen P.** Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg, 1867.
- Lensu J. J.** Materialy po govoram vodi [Materials on Votic subdialects] // Zapadno-finskij sbornik. Leningrad, 1930. P. 201–305.
- Nirvi R. E.** Inkeröismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971.
- Porkka V.** Ueber den ingrischen Dialect mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
- Porthan H. G.** Något om Watländarens seder // Åbo Tidning № 65 (August 18). 1802. B. 1–3.
- Prytkova N. F.** Odezhdaz izhor i vodi. Iz materialov severo-zapadnoj ekspeditsii 1926–28 godov [Clothes of Ingrians and Votes. From the materials of the North-western Expedition of 1926–28] // Zapadno-finskij sbornik. Leningrad, 1930. P. 306–340.
- R'abinin E. A.** Vodskaja zemlja Velikogo Novgoroda [The Votic land of Great Novgorod]. Saint-Petersburg, 2001.
- Saessalo L.** Ingermanlandija: rasskaz o narodah i kulture Ingermanlandii [Ingria: a story about the peoples and culture of Ingria]. Tampere-Saint-Petersburg, 2003.
- Sedov V. V.** Etnicheskij sostav naselenija severo-zapadnyh zemel' Velikogo Novgoroda (IX–XIV vv.) [Ethnic composition of the population of the north-western lands of Great Novgorod (IX–XIV c.)] // Sovetskaja arheologija XVIII, Moscow, 1953. P. 207–214.
- Shlygina N. V.** Vod' [The Votian people] // Tishkov V. A. (ed.) Narody Rossii. Entsiklopedija. Moscow, 1994. P. 126–127.
- Sjogren A. S.** Ueber die Finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland // Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St. Petersburg. VI Serie. Sciences Politiques, Histoire et Philologie. St. Petersburg, 1833. T. II. 1834. P. 123–241.
- Trefurt Fr. L.** Von den Tschuden // Gadebusch Fr. Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. I Band. Riga, 1783.
- Trefurt Fr. L.** Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden // Gadebusch Fr. Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. II Band. Riga, 1785.
- Tsvetkov D.** Vadjalased // Eesti keel. IV. 1925. P. 39–44.
- Vadja** keele sõnaraamat. Tallinn, 2013.
- Videman F. I.** O proishozhdenii i jazyke vymershih nyne krevinov [About the origin and language of the now extinct Crevins]. Saint-Petersburg, 1872.

Agranat Tatiana Borisovna.

Doctor of philology, leading researcher.

Institute of Linguistics RAS.

B. Kislovskij lane, 1, build.1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: tatiana.agranat@iling-ran.ru

Л. Р. Додыхудоева

К НОМИНАЦИИ МИНОРИТАРНЫХ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Представлен экскурс в историю вопроса о разработке и введении в практику названий языков народов, населяющих Горно-Бадахшанскую автономную область Республики Таджикистан, в русскоязычной и таджикоязычной литературе в разные периоды новейшей истории. Номенклатура этих миноритарных иранских языков, известных как памирские языки, анализируется в аспекте этнокультурной и языковой политики различных государств. В дополнение рассматриваются номинации ряда местных языков, прослеживаются причины вытеснения одних наименований другими и/или сосуществования вариантов. Представлен лингвистический фон применения данной номенклатуры в России/СССР, Таджикистане и зарубежье. Намечены изменения, приобретшие характер тренда, в трактовке и применении данной терминологии в социополитическом дискурсе, представляющие точки зрения различных субъектов (государственные структуры, представители массмедиа, научная общественность, носители). Описывается диапазон терминов, применяемых ко всей группе и к различным памирским языкам, и эволюция их номенклатуры. Выявляются этапы становления номинаций, в частности вопросы, в какой связи они вошли в практику и как применяются в настоящее время, анализируются причины их разнообразия и сдвига в именованиях.

Намечен абрис некоторых аспектов применения этнонимов и глотонимов, сформированных в советский период в ходе национального размежевания и установления границ, процессов, затронувших иранские и тюркские народы Средней Азии. Особое внимание уделяется термину, обозначающему всю группу, а также ряду других наименований, которыми в настоящее время она обозначается. Институционализированный в советское время в социополитическом дискурсе термин «памирские языки» активно использовался не только в государственной и научной литературе, но и в публицистике и медийном дискурсе. В силу активизации геополитических процессов, актуализации тенденций к переформатированию государственного пространства в Средней и Центральной Азии, и в северной Евразии в целом, его сменил другой термин – «(горно-)бадахшанские языки». Анализ опирается на нормативные документы, официальные заявления политиков и общественных деятелей, а также данные научного дискурса и социальных сетей, связанные с вопросами языковой политики на таджикском, русском и отчасти английском языках. Применяется сочетание социолингвистических методов, направленных на мониторинг современных тенденций в применении номенклатуры, и ретроспективный анализ, позволяющий вскрыть причинно-следственные связи смены языковой номинации в соотношении с экстралингвистическими факторами и верифицировать результаты, выявляя переломные этнополитические моменты, служащие точками разграничения отдельных терминов.

Ключевые слова: *иранские языки, памирские языки, языковое меньшинство, языковая политика, Таджикистан, Горно-Бадахшанская автономная область, Памир.*

Вводные замечания. Историческая справка

Языковая ситуация в Бадахшане, на Западном Памире и в районах Восточного Гиндукуша, где говорят на миноритарных языках, принадлежащих к восточноиранской ветви иранской языковой группы: языки шугнано-рушанской группы (включая сарыкольский), язгулямский, ваханский, ишкашимский и сангличский¹, была определена И. И. Зарубиным как «клубок языков». Эта небольшая группа известна под устоявшимся термином «памирские языки», который отражает социокультурное и историческое единство этих языков по типу ареального союза. В российской традиции памирские языки сначала упоминались как языки-диалекты иранских памирских меньшинств. О применении терминов и статусе различных языковых разновидностей в ГБАО (Додыхудоева, 2000: 170–174).

¹ К этому списку часто добавляют мунджанский и йидга, близкие с этнолингвистической точки зрения. До XIX в. в эту группу входили также исчезнувшие ныне зебакский, старованджский и, вероятно, разновидности, существование которых все еще под вопросом, описанные исследователями как восточноиранские говоры Дарваза и Саргуляма.

Сходство современных памирских языков в плане фонологии, морфосинтаксиса, словообразования и лексики дает основание рассматривать памирские языки как ареальную группу – своеобразный языковой союз. Основными отличительными чертами этого этнолингвистического ареала являются его конвергентное развитие, а также этнографическое единство и специфическая ветвь религии (исмаилизм) носителей языка. Термин «памирские языки» означает наличие вторичного этнокультурного союза в дополнение к генетическим языковым отношениям. Эти языки восходят к ряду древних в настоящее время исчезнувших диалектов восточноиранской группы.

Местное население, занятое по традиции в земледелии и скотоводстве и проживавшее в горных долинах в относительной изоляции друг от друга и от внешнего мира, в течение длительного времени сохраняло особенности языка и культуры.

В непосредственной близости от памирских языков находятся массивы ряда бадахшанских таджикских и дари диалектов (которые относятся к западной группе иранских языков), а также иные иранские и генетически отличные дардские, нуристанские, индоарийские, тюркские языки и язык бурушаски. Все эти языки имеют общие черты в ареальном плане на всех уровнях, а их носители проживают в Памиро-Гиндукушском этнолингвистическом регионе (термин И. М. Стеблин-Каменского) уже более тысячелетия. Во всем регионе имела место ситуация диглоссии, так как эта территория входила в зону влияния персидского языка и культуры и исторически являлась контактной зоной в силу своего расположения в непосредственной близости от Шелкового пути. Благодаря общей культуре и религии, а также персидскому языку, который использовался в таких сферах, как управление, образование, наука, культура и торговля, и как язык письменности, в социокультурном профиле и языках региона сформировалось много общих черт. Все это привело к интенсивному двуязычию с персидским (таджикский, дари), а также к взаимному влиянию памирских языков между собой. В результате в регионе наблюдается феномен, названный И. И. Зарубиным «лексической общностью» (значительная по объему группа слов, общих для всех языков).

Сегодня памирские языки распространены в четырех странах. Носители большей части памирских языков сконцентрированы в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана, а также – в провинции Бадахшан в Афганистане. Отдельные дочерние общины проживают в Китае в Ташкурган-Таджикском автономном уезде и некоторых районах вокруг городов Яркенд и Хотан Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также в Пакистане в провинции Хайбер-Пахтунхва (районы Читрал и Гилгит-Балтистан). При этом в Таджикистане и Афганистане официальными (государственными) языками страны являются западноиранские таджикский или дари, в Пакистане – урду и пенджаби, а в Китае – уйгурский и китайский.

В современных условиях глобализации многие носители памирских языков мигрируют в поисках работы и улучшения экономических условий в крупные города Евразии и Америки.

Памирские языки не имеют письменности и письменной традиции и используются в регионе как разговорные и в последнее время практически только в условиях семейного общения. В определенной степени положение всех памирских языков можно назвать уязвимым, а некоторым из них, особенно языкам с небольшим числом носителей, таким как язгулямский, рошорвский и ишкашимский, может грозить исчезновение. Хотя современные процессы цифровизации общества и Интернет, а также жизнь их носителей в транснациональных условиях, предоставивших новые способы использования социального взаимодействия через границы национальных государств, предоставили этим миноритарным языкам новые возможности развития как в местах исхода, так и в виртуальном пространстве.

В таблице 1 представлен диапазон названий всей группы памирских языков, а также приводится номенклатура, применяемая к различным памирским языкам, и эволюция их наименований.

2. К постановке проблемы. Становление номинации

У истоков термина «памирские языки/диалекты» – устоявшегося на сегодняшний день лингвистического термина – стояли пионеры исследования «миноритарных» языков Западного Памира: В. Томашек (Tomaschek, 1880), В. Гейгер (Geiger, 1901) и позднее И. И. Зарубин (1914; 1924), прив. по (Эдельман ЛЭС, 1990).

В англоязычных работах Р. Б. Шоу использовалось обозначение «языки/диалекты гальча» (Shaw, 1876; 1877), однако в более поздних англоязычных исследованиях применялся термин «памирские языки» (Morgenstierne, 1938; Wendtland, 2009). Во французской традиции эти лингвемы изначально именовались «иранскими диалектами» (*dialecte iranien*) (Gauthiot 1916), прив. по (Dodykhudoeva, 2022).

2.1. Термин и его предыстория: языки гальча

Традиционно считается, что научные исследования в области памироведения были начаты в XIX в. британским политическим агентом Р. Б. Шоу, работавшим в Кашгаре, в Китае, а затем в Ладаке (современный Пакистан). В то время интенсивно изучались социокультурная жизнь и религиозные верования этих лимитрофных государственных образований в зоне британско-российских интересов в «Большой игре».

В ходе описания Шоу применил этноним гальча (*yalča*) к весьма географически широкому кругу ираноязычного населения горных областей Матчи, Куляба, Каратегина, Дарваза и Бадахшана (Шугнан, Рушан, Вахан и районов вплоть до Мунджана), которые включали как носителей западноиранских (персидского дари, таджикского), так и восточноиранских языков (1876; 1877)². При этом автор указал, что термин «гальча» – экзоним, это групповое название населения предгорий в тюркских языках; известно также, что данный термин относился к группам, именуемым горными таджиками. Шоу подчеркнул, что все они преимущественно являлись мусульманами-шиитами, указав, наряду с этим, что данное население составляет субстрат Западного Туркестана, где ираноязычные народы смешаны с тюркскими племенами (Shaw 1876: 1). Данная работа стала первой, в которой языки горного населения, включая памирские языки, были объединены, получив единое обозначение, основанное на этнониме, присвоенном населению извне. То же обозначение по отношению к горцам Гиндукуша иранского происхождения встречаем у Биддальфа. При этом автор упоминает, что «жители Гиссара, Дарваза и Каратегина, <...> вероятно, могут претендовать на близкое родство с этой группой, хотя ныне говорят по-персидски или по-тюркски...» (Biddulph, 1880: 158). Позднее В. Гейгер, давший сравнительно-историческое описание памирских языков, дал им определение как *kleine Pamir dialekte*. При этом он упоминает, что общим обозначением ираноязычных жителей горных долин Западного Памира было гальча, производное от *gar* ‘гора, горный хребет’, и добавляет, что оно уже использовалось в 1603 г. Бенедиктом Гоёсом. В интерпретации Гейгера термин понимался как обозначение жителей горных долин Памира, говоривших на восточноиранских наречиях, в отличие от таджикоязычного населения. Тот же термин применял по отношению к этим языкам и Г. Грирсон, включив в эту группу также мунджанский, йидга и ягнобский (при этом упомянув, что некоторые авторы исключают ягнобский из этой группы). По его предположению, ранее данные языки были распространены в Бадахшане значительно шире.

Впоследствии ряд моментов был подвергнут тщательной проверке В. В. Бартольд, который рассмотрел тексты исламского периода, включающие соответствующие термины: *g/γar* ‘гора’, *γarča* ‘горный регион’, позднее приобретший значение *yalča* ‘горец’, а также

² Шоу описал три языковых разновидности под эгидой, объединив их описательным этнонимом, живущих в регионе, и применил это название к их языкам.

Yarč(istan) 'Горный регион' (географическое название независимого княжества в верхнем течении Мургаба, в районе Мерва). По сведениям Бартольда, другие указания на употребление этого термина по отношению к жителям верховьев Амударьи отсутствуют. Эти сведения подтверждают значение *yalča* как «горца» вообще, но не представителя особой языковой группы. В начале XX в. в зоне влияния России в Средней Азии это обозначение приобрело уничижительный оттенок и не было принято для обозначения населения региона впоследствии (Бартольд, 1963).

В советский период ключевую роль в определении таджикской терминологии стала играть политика центральных властей.

2.2. Становление термина «памирские языки»

Обозначение В. Томашека «памирские диалекты» было принято Ленцем и Шёльдом в 1930 гг.

С начала XX в. данная группа языков русского Туркестана интенсивно изучалась российскими учеными. Обширные исследования и полевые работы были проведены во втором десятилетии XX века И. И. Зарубиным, который провел на Западном Памире некоторое время. Изначально он использовал термин «Памир» применительно к территории всего памирского региона, в частности Восточного Памира, где находился русский пограничный отряд. При этом по отношению к местной народной поэзии он применял эпитет «припамирская», чтобы отличить ее от творческой деятельности на персидско-таджикском языке (Зарубин, 1924б), а также к наречиям, на которых она была создана, – термин «памирские диалекты/языки». См., например, его статью «К списку памирских языков» (Зарубин, 1924а). Этот термин широко использовался в русскоязычной традиции XX в. и находит приложение и до сих пор. Он применяется к памирским языкам как общее название всех языков, исторически расположенных в ГБАО и прилегающих регионах. При этом термин «памирские языки» означает языки Западной части Памира как маркер их географического положения, библиографию вопроса см. в (Edelman, Dodykhudoeva, 2009).

В конце советского периода, помимо постановки вопроса о статусе этих языков в ГБАО и введении на них обучения и письменности, остро встали также вопросы этнической и религиозной идентичности.

В постсоветский период наряду с проблемой этнической самобытности в этом многоязычном регионе возник комплекс проблем этнорелигиозной идентификации и качества владения родными языками, а также их статуса и реального положения. В связи с этим термин «памирские языки» рассматривается М. М. Худоёровым в аспекте вопроса сохранения и развития памирских языков и их значения для этнической самоидентификации носителей. Кроме того, автор выдвигает на передний план вопрос родного языка, ставшего важнейшим маркером этнической самобытности у народов Памира, указывая, что вопрос языка, в свою очередь, оказал влияние на ход национального движения за укрепление статуса автономии (Худоёров, 2012: 18). См. также недавнюю работу, в которой используется тот же термин «памирские языки» (Каландаров, 2020).

При этом мы наблюдаем в официальных документах Республики Таджикистан тенденцию к обозначению данных языков по месту их распространения – ГБАО. Ниже мы приводим краткую сводку номенклатуры идиомов, отмеченную в законодательных документах. Таким образом, обозначение «(горно-)бадахшанские (памирские) языки» (*забонҳои Бадахшони Кухӣ (номири)*) было применено в Законе 1989 г. «О языке», а в следующем документе (Закон Республики Таджикистан о государственном языке Республики Таджикистан (2009)), мы встречаем «бадахшанские (памирские) языки» (*забонҳои бадахшонӣ (номири)*). В публикации 2015 г. Государственного комитета по языку и терминологии появляются «(горно-)бадахшанские (памирские) языки» (*забонҳои Бадахшони Кухӣ (номири)*),

«памирские языки» (*забонҳои помирӣ*) или даже «бадахшанские языки» (*забонҳои Бадахшӣ*). Однако в 2017 г. вновь наблюдается активное использование термина «памирские языки», хотя иногда и в сочетании с термином «бадахшанский», например, в записи отчета представителя Таджикистана Рустама Шохмурода, министра юстиции Таджикистана, в Комитет по ликвидации расовой дискриминации. В качестве особенно яркого примера, в записи отчета Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, представитель Таджикистана г-н Менгелиев обозначает всю группу памирских языков единым термином «бадахшанский язык» (*забони бадахш(он)ӣ*), полные сведения с контекстами употребления номенклатуры языков см. в: (Dodykhudoeva, 2022). Как подчеркивается на сайте Комитета по языку и терминологии при правительстве Таджикистана, языки, на которых говорят в ГБАО, являются восточноиранскими. Там же сообщается, что они были условно названы «памирскими языками» (*забонҳои помирӣ*), но в последние годы этот термин заменен на «бадахшанские (памирские) языки» (*забонҳои бадахшонӣ (помирӣ)*)³, иногда просто «бадахшанские языки» (*забонҳои бадахшонӣ*).

Данное заявление демонстрирует, что со временем таджикское государство сменило стратегию наименования этих языков в документах постсоветского периода, с одной стороны, заменив обозначение официальным административным термином, с другой – прибегнув к перечислению каждого языка в отдельности, как, например, указано в первоначальном тексте Конституционного закона Республики Таджикистан «О Горно-Бадахшанской автономной области»: в 5-й статье 1-й главы этого документа указано, что «государство создает условия для свободного развития и использования кыргызского, шугнанского, рушанского, ваханского и язгулямского языков в школах и средствах массовой информации на территории Горно-Бадахшанской автономной области»⁴, см. подробнее (Dodykhudoeva, 2022).

Что касается научного дискурса в связи с Конституционным законом Таджикистана «О Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО)», в книге, посвященной 20-летию независимости Республики Таджикистан, авторы – известные таджикские ученые – анализируют проблемы постсоветского переходного периода и социально-экономические и культурные достижения ГБАО, употребляя термины «памирские языки» и «бадахшанские языки» как взаимозаменяемые (Масов, Пирумшоев, 2011: 250).

Канадская исследовательница К. Фоше, пишущая на английском языке о проблемах памирских народностей и языков, обращаясь к вопросам учебной программы в регионе, а также передачи языков в семейном контексте, также использует термин «памирские языки». При этом она полагает, что идентификация с какой-либо одной из региональных или языковых групп Памира стала менее актуальной, в то время как идентификация с ГБАО и Таджикистаном стала для молодежи региона более значимой (Faucher, 2019: 261, 264). Данное заявление представляется несколько преждевременным или, возможно, справедливым для 2–3-го поколения молодежи, живущей в диаспорах, которая уже потеряла свой родной язык. Однако в гораздо меньшей степени данное утверждение применимо к людям, которые остаются в пределах ГБАО в условиях родных языков и культур. В последние годы благодаря кампаниям по возрождению языков эти миноритарные языки приобрели ценность как этнокультурное наследие, что укрепляет и этническое самосознание памирцев. При этом с введением английского языка в качестве базового элемента учебной программы и широкой сетью центров обучения английскому языку таджикский язык стал менее привлекательным для молодежи, чьи лингвокультурные установки становятся все более транснациональными.

³ www.kumitaizabon.tj/tg/category/badahshoni-pomiri 02.06.2021.

⁴ В последней версии Конституционного закона Таджикистана «О Горно-Бадахшанской автономной области» (2007) вопрос о языках опущен.

Чтобы расширить охват употреблений термина «памирские языки», приведем пример из медиадискурса Русской службы Би-би-си (BBC), популярной в Таджикистане среди выходцев из ГБАО. В репортаже о потере Таджикистаном «древних языков» (современное восприятие памирских и ягнобского языков как лингвокультурного наследия) отмечается, что в Таджикистане был принят закон о языках, устанавливающий особый статус для древних языков Памира и Ягноба. Там же приведено интервью пожилой жительницы ГБАО, всю жизнь прожившей в долине Хуф, которая указала, что, хоть она и изучала таджикский язык в школе, но всегда говорила на «памирском» (Саркорова, 2011). Данный случай являет пример редкого на практике моноязычия, владения только родным языком – местным хуфским наречием, которое жители соседних долин понимают с трудом. При этом при описании языка женщины используется термин «памирский».

Наконец, учитывая, что этническая самобытность является уязвимой конструкцией, нестабильна и подвержена изменениям, можем указать, что в настоящее время представители народов Памира, владея родным русским, таджикским или английским языками, называют себя «памирцами», а свои языки «памирскими».

Как подчеркивается в «Альтернативном отчете о выполнении Таджикистаном...», предубеждение против памирцев «имеет этнические, культурно-языковые, религиозные и политические аспекты», поскольку «памирцы... говорят на своих языках, визуально узнаваемы и в плане культуры отличаются от этнического большинства...»; кроме того, памирцы рассматривают отсутствие государственной поддержки памирских языков, и тот факт, что памирские языки исключены из системы образования и официальной сферы (государственные учреждения, суды, документы) как шаги к преднамеренной постепенной ассимиляции. По словам самих памирцев: «Нет поощрения наших языков ... некоторые начинают считать памирские языки «вторым сортом». Как у нас говорят, «наши языки нужны до аэропорта Хорога, а дальше не нужны» (Альтернативный отчет, 2017: 2, 9).

3. Номенклатура памирских языков

В таблице 1 демонстрируется разброс номенклатуры разных памирских языков и ее эволюция. Мы комментируем некоторые тенденции, прослеживаемые в научном, публицистическом и общественно значимом публичном дискурсе.

Одной из важных тенденций стало то, что памирцы, проживающие за пределами родины, в связи с высокой миграцией предпочитают идентифицировать себя не по гражданству (как указано в их паспорте), а по традиционному обобщенному названию всех жителей Горно-Бадахшанской автономной области – памирцы, а свой родной язык они обычно называют – памирским (во многих случаях это синоним шугнанского языка). Дети, выросшие за пределами районов непосредственного распространения памирских языков, не знают конкретного названия родного языка своих родителей и используют то же собирательное обозначение.

Что касается названий конкретных памирских языков, то они были основаны главным образом – как это широко распространено в иранской традиции – на названиях селений и долин, мест, где живут их носители.

Таковыми примерами могут быть для шугнанского языка: традиционный автономим *xiŋnini ziv* или таджикизированный вариант *šixn(ŋ)i*, эквивалент таджикского *забони шугнонӣ* и английского *Shughn(an)i*. Краткие формы *xiŋni*, *šixni* ‘шугнанский (язык)’ производны от этнонима; формы с суффиксом *-ŋn* (из таджикского *on*) образованы от названия местности, Шугнан (*Xiŋnīn*, тадж. *Шугнон*). Аналогичная тенденция наблюдается в Афганистане для мунджанского языка, известного носителям как *mə/unji roy*, ср. вариант в языке дари *tunjāni*.

Местное обозначение язгулямского языка в Таджикистане – *zġ(ə)migay(i) zveg* – в последнее время уступает таджикскому варианту *yūzdomi zveg* или кальке с таджикского

zaboni yūzdomī, где название языка происходит от топонима *Yūzdom* ‘Язгулям’, ср. таджикское *забони язгуломӣ*.

Что касается ваханского языка, то традиционное название *ǰikwor zik* ‘ваханский язык’ восходит к этнониму, где *ǰik* – эндоним, а *-wor* – компонент, обозначающий языковую принадлежность. Распространенный экзоним этой группы в таджикском языке – *вахӣ*, поэтому в таджикском дискурсе язык известен как *вахӣ* или *вахонӣ*, последняя форма производна от названия долины Вахан (*Вух*). Для этой языковой разновидности документирован и еще один автоглтоним – «местный язык» (*nyəngin zik*).

Таблица 1

Диапазон терминов, применяемых к различным памирским языкам

Название языка на памирских языках	Название языка по-таджикски/дари	Название языка по-русски	Название языка по-английски
pomeri ziv	забони помирӣ = шугн(он)ӣ	памирский = шугнанский	Shughn(an)i
xuŷn(ũn)i/ šuŷn(ũn)i ziv	забони шуғн(он)ӣ ⁵	шугнанский	Shughn(an)i
riḡen ziv	забони рушонӣ	рушанский	Rushani
bartangi ziv	забони бартангӣ	бартангский	
rošorvi ziv	забони рошорвӣ, орошор(ӣ)	рошорвский	Oroshor, Roshorvi
škošəmi zəvũk	забони ишкашимӣ	ишкашимский	Ishkashimi
ryni zəvũk, rənigi; rehne (Sic!)	забони ринӣ	ишкашимский, т.е. рынский, язык Рына	Ishkashim
zǰ(ə)migay(i) zveg, yūzdomi zveg	забони язгуломӣ	язгулямский	Yazghulami
ǰik(wor) zik	забони вах(он)ӣ	ваханский	Wakhi
sarikuyi, sarkuli, sariquli, tujik ziv	забони сарик/қолӣ	сарыкольский	Sarikoli, Saryqoli
mə/unji roy, mə/unjiwār, mənĵān zabān, mənĵānī	забони мундж(он)ӣ / дари забāни мундж(āн)ӣ	мунджанский	Munj(an)i
yidya, lutkuh	йидға	йидга	Yidg(h)a

Значительная по интенсивности и объему миграция в пределах Ишкашимского района (куда входят Ишкашим и Вахан) сказалась на утере родного ишкашимского языка большей частью населения и переходу на таджикский или ваханский. В настоящее время в этом районе стало принято называть ишкашимский язык по-таджикски – *рынӣ* или *забони рынигӣ*, что означает «язык Рына». Такое наименование вошло в оборот отчасти потому, что на нем говорят жители только одного селения Рын. Молодые носители ишкашимского языка сами стали называть свой язык по названию селения – *rəni zik* или *rənigi*. Поскольку в этом названии отражен язык только одного селения, оно подразумевает ограниченный географически район использования языка, а носители ишкашимского языка из других мест не принимаются во внимание.

Что касается обозначения памирских языков в Китае, то, согласно официальным документам страны, ираноязычные сарыкольцы и ваханцы вместе обозначаются как единая таджикская этническая группа (*tujik*), китайские таджики или таджики Синьцзяна.

⁵ Зд. под шугнанским понимаются также его разновидности: баджувская, шахдаринская и барвозская.

Что касается названия сарыкольского языка, принадлежащего к шугнано-рушанской группе, существуют варианты: *sar(i)kuli*, *sariquli*. Еще одно интересное наименование, толкование этого названия, основанное на ираноязычной интерпретации «(язык) горцев» (*sar-i kuyi*), мы зафиксировали в ходе полевой работы в Китае в 2010 г.

Знаменательно, что подобно тому, как в Таджикистане можно услышать «памирский (язык)» вместо «шугнанский (язык)», вероятно, поскольку шугнанцы – наиболее крупная по численности группа носителей памирских языков, так и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая обозначение термином *tujik* соотнесено в общественном дискурсе, и даже среди самих носителей этого языка, а также уйгуров, с сарыкольским и его носителями (на сарыкольском языке говорит памирское большинство, по сравнению с менее распространенным ваханским языком).

Такое применение последнего термина приводит к путанице со стандартным таджикским языком (*тоҷикӣ*) и таджиками (*тоҷик*) Таджикистана и во многих случаях в таджикоязычном дискурсе подчеркивается, что эти языки Китая не являются стандартным таджикским языком, а их носители не являются таджиками, но представляют не одну, а две группы памирцев, ваханцев и сарыкольцев. Эти группы первоначально были названы так в Китае, потому что имели иранское происхождение.

Заключение

Итак, наши данные подтверждают, что этнолингвистическая номенклатура меняется в зависимости от политики государственных структур, в частности языковой, и смещения понимания самоидентификации у самих народов Памира, ГБАО, которое в условиях усиливающейся транснациональной миграции получает иной удельный вес.

Прослежен и продемонстрирован диапазон номенклатуры, применяемой к различным памирским языкам, а также эволюция этой номенклатуры.

На основании мониторинга наименований, возникших в политическом и медийном дискурсе Таджикистана, а также на основании применения номенклатуры в научной литературе и публичной сфере социальных сетей дается комментарий тенденций, возникших в современном дискурсе Таджикистана и России. Установлено, что:

- Применение в документах государственных структур Республики Таджикистан, где представлена новая номинация памирских этнических групп и их языков – «(горно-)бадахшанские языки», «языки Бадахшана», то есть обозначение этих идиомов по ассоциации с ареалом их распространения, – повлекло в 1990-х гг. изменения данной номенклатуры в публицистике и медийном дискурсе.

- Отмечен поворот от нейтрального отношения к номинации «памирские языки» к скептическому, а также курс на смену термина. При этом наблюдается тенденция к снижению статуса этих языков, наряду со сведением всей группы языков в одну языковую разновидность – гипотетический «бадахшанский язык».

- В научной литературе, в том числе лингвистической и социолингвистической, а также публичной сфере, представленной социальными сетями и интернет-публикациями, термин «памирские языки» применяется стабильно.

- На основании мониторинга наименований в различных видах дискурса постулируются разнонаправленные тенденции к применению терминологии и их смена в государственном и медийном дискурсах Таджикистана. Отмечено более частое применение термина «(горно-)бадахшанские языки/диалекты», а также «языки Бадахшана» в государственно-административном, публицистическом и медийном дискурсах, однако в научной литературе, не ориентированной на геополитические устремления, сохраняется применение термина «памирские языки».

- Выявляются случаи подмены названий конкретных языков, ведущие к постепенному размыванию и исчезновению отдельных наименований вместе с самим идиомом. В качестве примера можно привести использование общего для всей группы термина «памирские языки» для обозначения одного конкретного языка «памирский язык» в единственном числе (*померив*) как суррогат вместо «шугнанский» или «хуфский» язык.

- Неверное обозначение этнической группы и/или ее языка в официальном и медийном дискурсах на государственном уровне приводит к путанице в номенклатуре и подмене одних терминов другими. На этой основе намечается классификация языковой номенклатуры региона.

Литература:

Альтернативный отчет о выполнении Таджикистаном Конвенции ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации в связи с рассмотрением 9–11 периодических докладов РТ за 2012–2015 гг. Этнические группы Таджикистана, не обладающие своей государственностью (памирцы, джуги, ягнобцы): от непризнания к дискриминации. Для 93-й сессии КЛРД ООН, 31 июля – 11 августа 2017 г. Anti-Discrimination Centre «ADC Memorial». (In English and Russian) (In English and Russian).

Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк. Исторический очерк // Бартольд В. В. Собр. соч. Т. II. Часть I. Москва, 1963. С. 449–468.

Додыхудоева Л. Р. Памирские языки // Языки мира. Иранские языки. 3 М., 1999.

Зарубин И. И. К списку памирских языков // Доклады Российской академии наук. Серия В. Петроград, 1924а. С. 79–81.

Зарубин И. И. Образец припамирской народной поэзии // Доклады Российской академии наук. Петроград, 1924б. С. 82–86.

Каландаров Т. С. Из истории памирских языков: будущее начинается вчера // Вестник антропологии № 2 (50). 2020. С. 68–94.

Пахалина Т. Н. Памирские языки. М.: Наука, ГРВЛ, 1969.

Саркорова А. Таджикистан теряет свои древние языки. Новости ВВС. Русская служба. Душанбе, 2011.

Худоёров М. М. Социально-политические и этнокультурные преобразования на постсоветском Памире: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

Эдельман Д. И. Памирские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Biddulph J. Tribes of the Hindoo Kush. Calcutta, 1880.

Dodykhudoev R. Kh. Die Pamir-Sprachen. Zum Problem der Konvergenz // Mitteilungen des Instituts für Orientalforschung 17, 1971–1972. P. 463–470.

Dodykhudoeva L. R. Nomenclature of the Minority Pamir Languages in Russia and Tajikistan: evolution and rationale. Comparative approaches and categorical configurations. Springer, 2022. (in print).

Edelman D. I., Dodykhudoeva L. R. The Pamir Languages // Windfuhr, G. (Ed.), The Iranian Languages [Routledge Language Family Series]. London/New York: Routledge, 2009. P. 773–786.

Faucher C. Religious education and self-identification among Tajik Pamiri youth. In Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia. The mountain communities of Pamir. Routledge Taylor & Francis Group. London, New York, 2019. P. 249–264.

Shaw R. On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikoli). Journal of the Asiatic Society of Bengal 45, 1876. P. 139–279.

Shaw R. R. On the Shighni (Ghalchah) Dialect. Journal of the Asiatic Society of Bengal 46, 1877. P. 97–126.

Масов Р., Пурумшоев Х. Файзи истиқлол дар «Боми Ҷаҳон». Душанбе: Дониш, 2011. [Итоги независимости на «Крыше мира». Душанбе: Дониш, 2011]. (на тадж.)

Додыхудоева Лейли Рахимовна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, г. Москва, 125009

E-mail: leiladod@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 28 апреля 2022 г.

ON LANGUAGE NAMING IN THE MOUNTAINOUS BADAKHSHAN AUTONOMOUS REGION

This article discusses the history and development of the names of languages spoken in the Mountainous Badakhshan Autonomous Region of Tajikistan as they appear in Russian and Tajik texts. The focus is on the nomenclature of minority Iranian languages known as Pamir languages, including the various names of individual local languages, the reasons for the displacement of some language names by others, and the presence of variants and their coexistence. The article also covers the linguistic and historical background of this nomenclature in Russia/USSR, Tajikistan, and elsewhere, and discusses how changes in the interpretation and application of this terminology, which have acquired the character of trends, are manifested in socio-political discourse. The analysis is based on statutory documents, official statements, scholarly discourse, and social media data related to language policy in Tajik and Russian. The article also examines the use of ethnonyms and glotonyms formed in the Soviet period during the national demarcation of borders and the impact on Iranian and Turkic peoples in Central Asia. The article utilizes sociolinguistic methods to monitor modern trends in language nomenclature and identify retrospective tendencies, revealing the causal relationships underlying changes in language designation in relation to extra-linguistic factors and identifying key ethno-political moments that trigger differentiation of individual terms

Keywords: *Iranian languages, Pamir languages, linguistic minority, language policy, Tajikistan, Mountainous Badakhshan Autonomous Region, Pamir.*

References:

- Alternative Report** on Tajikistan's Implementation of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. Nationless Ethnic Groups of Tajikistan (Pamiri, Jugh, Yaghnobi): From Non-Recognition to Discrimination. In Connection with the UN CERD Consideration of the Republic of Tajikistan's Ninth to Eleventh Periodic Reports for 2012–2015. For the 93rd session of the CERD, 31 July–11 August 2017. 2017. (In English and Russian).
- Bartold V. V.** Tadžiki. Istoricheskiy ocherk // Bartold V. V. Sobranie sochineniy. II. 1. M., 1963. C. 449–468. [The Tajiks. Historical sketch // Bartold V. V. The Complete Works. Vol. II. Part 1. M., 1963. P. 449–468]. (in Russian).
- Dodykhudoeva L. R.** Pamirskie yazyki // Yazyki mira. Iranskie yazyki. 3. M., 1999. [The Pamir Languages // Iranian Languages. East Iranian Languages. 3. M., 1999.] (in Russian)
- Edelman D. I.** Pamirskie yazyki // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 1990. [The Pamir Languages // Linguistic encyclopaedic dictionary. M., 1990.] (in Russian).
- Zarubin I. I.** K spisku pamirskih yazykov // Doklady Rossijskoj akademii nauk. V. Petrograd, 1924a. P. 79–81. [On the List of Pamiri Languages // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series V. Petrograd, 1924a. P. 79–81]. (in Russian).
- Zarubin I. I.** Obrazec pripamirskoj narodnoj poëzii // Doklady Rossijskoj Akademii Nauk. Petrograd, 1924b. P. 82–85. [Sample of the Pamir Folk Poetry // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series V. Petrograd, 1924b. P. 82–85.] (in Russian).
- Hudoyorov M. M.** Social'no-političeskiye i ètnokul'turnye transformacii na postsovetском Pamire. Avtoreferat dissertacii na soiskanie učenoj stepeni kandidata istoričeskikh nauk. M., 2012. [Socio-political and ethnocultural transformations in the post-Soviet Pamirs. Summary of dissertation for the degree of candidate of historical sciences. M., 2012.] (in Russian).
- Kalandarov T. S.** Iz istorii pamirskih yazykov: budušee načinaetsâ včera // Vestnik antropologii / Herald of anthropology № 2 (50). 2020. C. 68–94. [From the history of the Pamir languages: the future begins yesterday. In Herald of anthropology № 2 (50). 2020. P. 68–94.] (in Russian).
- Pakhalina T. N.** Pamirskie yazyki. M.: Nauka, GRVL, 1969. [Pamir languages]. M.: Nauka, GRVL, 1969.] (in Russian)
- Sarkorova A.** Tadžikistan teryat svoi drevnie yazyki. BBC news. Russkaya sluzhba. Dushanbe, 2011. [Tajikistan is losing its ancient languages. BBC news. Russian service. Dushanbe, 2011.] (in Russian).
- Biddulph J.** Tribes of the Hindoo Kush. Calcutta, 1880.
- Dodykhudoev R. Kh.** Die Pamir-Sprachen. Zum Problem der Konvergenz // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung 17, 1971–1972. P. 463–470.
- Dodykhudoeva L. R.** Categorization of Minor Pamir Languages in Tajikistan // Minority languages from Western Europe and Russia. Comparative approaches and categorical configurations. Springer, 2019. P. 81–98.

- Dodykhudoeva L. R.** Nomenclature of the Minority Pamir Languages in Russia and Tajikistan: evolution and rationale // Comparative approaches and categorical configurations. Springer, 2022. (in print).
- Edelman D. I., Dodykhudoeva L. R.** The Pamir Languages // Windfuhr, G. (Ed.), The Iranian Languages. Routledge Language Family Series. London/New York: Routledge, 2009. P. 773–786.
- Faucher C.** Religious education and self-identification among Tajik Pamiri youth // Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia. The mountain communities of Pamir. Routledge Taylor & Francis Group. London, New York, 2019. P. 249–264.
- Shaw R.** On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikoli) // Journal of the Asiatic Society of Bengal 45. 1876. P. 139–279.
- Shaw R. R.** On the Shighni (Ghalchah) Dialect // Journal of the Asiatic Society of Bengal 46. 1877. P. 97–126.
- Masov R., Pirumshoev H.** Fayzi istiqlool dar «Bomi Jahon». Dushanbe: Donish, 2011. [The outcomes of independence in the “Roof of the World”. Dushanbe: Donish, 2011]. (in Tajik).

Dodykhudoeva Leyli Rahimovna.

Candidate of philology, senior research fellow.

Institute of Linguistics RAS.

B. Kislovskij lane, 1, build. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: leiladod@yahoo.com

Ф. Н. Дьячковский, Н. И. Данилова, А. Р. Тазранова

АФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯКУТСКОМ АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ С БУРЯТСКИМ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЖИВОТНЫХ)¹

Целью исследования являлся анализ аффиксального способа словообразования якутского, алтайского языков на материале лексики частей тела животных. Для сопоставления и выявления общего и отличительного в аффиксальном словообразовании в анализируемых языках привлекался бурятский материал. Материалом анализа послужили данные словарей разной типологии и сравнительно-исторических исследований в целом по алтайским, а также по тюркским и монгольским языкам. Сопоставительный анализ выполнен на основе сравнительно-исторических исследований по тюркским языкам, опорой послужила «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» (2001). Использованы описательный, сравнительный, сравнительно-исторический методы исследования, метод сплошной выборки, а также приемы словообразовательного анализа и синтеза, систематизации, классификации. Проведенный аффиксальный способ словообразования дал возможность выявить общее и отличительное в словообразовательной системе тюркских и монгольских языков, относящихся к разным классификационным группам алтайской семьи языков, находящихся в контактной зоне сибирского ареала. Установлено, что аффиксальный способ словообразования в сравниваемых языках является продуктивным для пополнения лексикона частей тела животных, некоторые из якутских аффиксов являются заимствованиями из монгольских языков и представляют общее достояние якутского и бурятского языков. В результате изучения собранного материала авторы приходят к выводу о необходимости сравнительного исследования вторичных номинаций лексики частей тела животных в якутском, алтайском и бурятском языках: выявление древнейших продуктивных словообразовательных способов способствует установлению внутренних форм производных слов и выявлению первичных корневых морфем, что представляет собой первостепенную задачу сравнительно-исторического исследования якутского языка.

Ключевые слова: якутский, алтайский, бурятский языки, сравнительно-сопоставительное исследование, аффиксальный способ, словообразование, животные, части тела.

Введение

Необходимость анализа словарного состава языка с предварительной классификацией его по лексико-семантическим или тематическим группам всегда подчеркивается в исследованиях самой разной направленности, особенно в сравнительно-исторических и сравнительно-сопоставительных. Так, особое внимание на роль этого подхода в алтаистике обратили В. И. Цинциус [Цинциус, 1972: 6], А. В. Дыбо [Дыбо, 1966], А. М. Щербак [Щербак, 1966: 23], М. К. Мусаев [Мусаев, 1984: 5].

Целью является описание аффиксального способа словообразования якутских и алтайских лексем, входящих в лексико-семантическую группу «Части тела животных», в сопоставлении с бурятскими. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: анализ изученности темы статьи, систематизация лексических единиц, входящих в лексико-семантическую группу «Части тела животных», выявление и классификация способов их словообразования, сравнение полученных данных.

Выбор темы продиктован прежде всего тем, что обсуждаемая лексико-семантическая группа «Части тела животных» «принадлежит к слою «базисной лексики», наименее проницаемой и наиболее устойчивой», а все слова данной лексико-семантической группы «обладают четким предметным значением» [Дыбо, 1996: 30]. Это, безусловно, дает основание утверждать о высокой степени доказуемости положений статьи. Кроме того, якутские,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ согласно проекту № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

алтайские и бурятские производные лексические единицы, входящие в обсуждаемую лексико-семантическую группу, не служили до сих пор объектом исследования в плане сопоставления способов их образования. Такой анализ даст возможность выявить общее и отличительное в словообразовательной системе тюркских и монгольских языков, относящихся к разным классификационным группам алтайской семьи языков, находящихся в контактной зоне сибирского ареала.

В целом словообразовательный аспект исследования важен потому, что «словообразование тесно связано с лексикой. Его можно рассматривать как механизм, порождающий новые слова, которые ранее не существовали в языке. Новые слова вступают во взаимодействие с существующими лексемами и способствуют обогащению лексического фонда любого языка» [Тараканова, 2008: 14].

Тематические и лексико-семантические группы лексики в рассматриваемых языках разработаны в достаточной мере, кроме алтайского. Так, к настоящему времени на материале якутского языка проанализированы структурные и некоторые семантические признаки отдельных тематических групп лексики: ландшафтных названий, наименований мастей лошади, метеорологической, бытовой лексики. В исследовании Н. К. Антонова «Материалы по исторической лексике якутского языка» проанализированы именные основы по разделам «Предметы и понятия об окружающей среде», «Термины по коневодству», «Термины по рыболовству», «Термины по жилищам», «Термины по государственному устройству», «Термины по языческим верованиям». Лексика, относящаяся к группе «Части тела животных», получила глубокий сравнительно-исторический анализ. Проведенная в данной работе тематическая классификация якутской лексики позволила автору получить данные об исторических связях якутского языка с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими (эвенским и эвенкийским). Исследование Н. К. Антонова особенную важность имеет потому, что в нем были установлены некоторые якутские и общемонгольские параллели в интересующей тематической группе лексики.

Тематические группы якутской диалектной лексики в сравнительно-историческом аспекте рассмотрены в монографии С. А. Иванова «Лексические особенности говоров якутского языка» [2017]. Это группы «Небо и небесные светила», «Атмосферные явления», «Земля. Рельеф земли», «Жилище и другие постройки», «Дикие животные». Для настоящей статьи особый интерес представляет раздел, посвященный анализу способов образования данных диалектной лексики.

Из тематических групп лексики бурятского языка рассмотрены названия диких животных, лексика, связанная с охотой и охотничьими обрядами, лексика духовной культуры, термины родства и свойства, лексика жилища, скотоводческая лексика и т. д. Особенно большой вклад в развитие тюрко-монгольских связей, отраженных в тематических группах лексики, внес В. И. Рассадин. Он посвятил отдельную статью бурятизмам в якутском языке, в которой отметил, что «довольно заметная группа якутских слов находит соответствие в бурятском языке. Причем этих слов нет в других тюркских и монгольских языках. Они представляют как бы общее достояние якутского и бурятского языков» [Рассадин, 2008: 227]. Среди выявленных В. И. Рассадиным якутско-бурятских лексических параллелей слов, относящихся к тематической группе «Части тела животных», не оказалось. Но среди слов, имеющих соответствия в отдельных монгольских языках, зафиксировано якутское *көмөгөй* «пищевод, передняя часть шеи, наружная часть горла», которое соотносено со старописьменным монгольским *kömegei*, халхасским *хөөмий*, ордосским *көөмий* «горло, зев» [Рассадин, 2008: 226].

Анализ способов словообразования лексем выбранной тематической группы проведен с опорой на понимание термина словообразование как «образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке

образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных средств» [ЛЭС, 1982: 467].

Тюрко-монгольские языковые связи в сравнительном аспекте рассматривались на основе монографии А. М. Щербака «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя», исследования И. М. Таракановой (2008). Используются результаты трудов по словообразованию в монгольских языках М. Н. Орловской [1961], У-Ж. Ш. Дондукова [1964], В. И. Рассадина [2008], Д. Ш. Харанутовой [2012]. Применены также разделы о строении и классификации производных слов в академических грамматиках якутского, алтайского и бурятского языков.

Материалы и методы исследования

Материалом статьи прослужили данные словарей разной типологии и сравнительно-исторических исследований в целом по алтайским, а также по тюркским и монгольским языкам. Это «Этимологический словарь алтайских языков» [EDAL, 2013], «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского, «Большой толковый словарь якутского языка» в 15 томах, «Алтайско-русский словарь» [2018], «Русско-алтайский словарь» [1964], «Бурятско-русский словарь» [2006], электронный «Русско-бурятский словарь». Сопоставительный анализ выполнен на основе сравнительно-исторических исследований по тюркским языкам – «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001]. Из представленного здесь тезауруса интерес представляет тематическая группа «Человек. Части тела», поскольку «части тела человека и животных, выполняющие однородные функции, обозначаются в тунгусо-маньчжурских языках обычно одними и теми же словами» [Колесникова, 1972: 257], что не является исключением для исследуемых языков. Авторы придерживались также мнения М. К. Мусаева о том, что некоторые из тюркских названий частей тела животных «имеют общность также за пределами тюркских языков» [Мусаев, 1984: 121]. Придерживаясь такой точки зрения, авторы провели сравнительный анализ около 230 слов якутского языка, входящих в данную тематическую группу, с данными двуязычных словарей бурятского языка.

В исследовании применялись методы сплошной выборки из словарей разного типа, сравнительно-сопоставительный, а также метод лингвистического описания. На разных этапах исследования использованы приемы словообразовательного анализа и синтеза, систематизации и классификации.

Если обратиться к истории изучения словообразования в тюркских языках, то из сравнительно-исторических работ по словообразованию имен прежде всего следует назвать монографическое исследование А. М. Щербака, посвященное сравнительной морфологии тюркских языков [1977]. Важным является замечание автора о том, что «тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурские связи охватывают все разделы морфологии. Однако обнаружить морфологические показатели, общие для всех трех групп языков, пока не удастся, если не считать аффикс *-р*» [Щербак, 1977: 9]. В монографии И. М. Таракановой подробно описаны основные способы словообразовательной системы имени существительного хакасского языка в сопоставлении с якутским и турецким. В результате анализа автор приходит к таким выводам: «Хакасский и якутский языки в системе словообразования имеют ряд общих черт, отличающих их от турецкого языка. Интересным представляется выявленное в хакасском и якутском языках большое количество аффиксов монгольского происхождения» [Тараканова, 2008: 145].

Вопросы словообразования в якутском языке рассматривались в аспекте морфологической структуры слова и синтаксических конструкций в трудах О. Н. Бётлинга, Е. И. Убрятовой, Л. Н. Харитоновой, Н. К. Антоновой, Ст. Калужинского, Г. В. Попова, Н. Н. Широковой, Г. Г. Филиппова и др. Собственно аффиксальному словообразованию в современном

якутском языке была посвящена кандидатская диссертация И. Б. Ивановой, в которой дан подробный анализ истории изучения словообразования, указано, что данная лингвистическая проблема касается не только морфологического строя, но и истории языка и терминообразования [Иванова, 2011: 9]. Действительно, вопросы словообразования являются обязательной составляющей исследований по якутской терминологии. Так, в кандидатской диссертации В. И. Быгановой в числе способов образования терминов приведены морфологический и синтаксический [1996]. Способы образования общественно-политической терминологической лексики рассмотрены в работе А. С. Акимовой [2013]. Теоретическое обобщение проблемы проблем терминологической дериватологии и синтагматики было сделано в исследовании Е. И. Оконешникова. Здесь было подчеркнуто, что «богатый арсенал аффиксального терминообразования является составной частью средств словообразования в современном якутском языке» [Оконешников, 2005: 29]. Вопросы словообразования рассматривались также в связи с исследованием якутской топонимии и антропонимии.

В алтайском языке сохранились многие черты, которые характерны общетюркской этнокультурной общности, а именно лексика, связанная с окружающим миром (названия частей тела человека, термины животноводства, названия продуктов, жилища, одежды и др.).

На материале алтайского языка словообразование затрагивалось в «Грамматике ойротского языка» [Дыренкова, 1940], «Грамматике современного алтайского языка. Морфология» (2017), отдельные вопросы рассматривались в работах А. Т. Тыбыковой [1981], Н. Д. Алмадаковой [2005], Е. В. Чайчиной [2004], описанию системы аффиксального глагольного словообразования в алтайском языке на фоне древнетюркского языка посвящена диссертация А. В. Колесниковой [2004].

Что касается словообразования в бурятском языке, известно исследование В. И. Рассадина, который на материале нижеудинского говора провел анализ всех аффиксов именного словообразования. Он установил, что они по своей природе являются общемонгольскими, лишь аффикс *-сгай* используется только бурятским языком для образования названий птиц. Особенностью говора в данном случае является то, что «творчески реализуя словообразовательные модели, нижеудинский говор вместе с другими западными говорами, а иногда и с восточными бурятскими говорами образует по ним слова, не имеющие по своей форме аналогий в других монгольских языках» [Рассадин 2008: 188].

Первым специальным исследованием по словообразованию в бурятском языке является монография У-Ж. Ш. Дондукова «Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке» [1964]. Целью этого фундаментального труда было «выявить словообразовательные аффиксы прежде всего бурятского литературного языка, произвести возможно полный их учет и дать семантическую характеристику всех типов производных основ, образованных посредством словообразовательных аффиксов от различных производящих основ» [Дондуков, 1964: 3]. Исследованию образования сложных слов посвящена монография «Сложное слово в бурятском языке» Л. Д. Шагдарова, Д. Л. Шагдаровой [2015]. «В исследовании установлены модели, по которым образованы многочисленные композитные глаголы, имена существительные, прилагательные, наречия и другие части речи» [2015: 5]. Подробный анализ исследований по словообразованию в бурятском языке изложен в докторской диссертации Д. Ш. Харанутовой «Бурятское словообразование: структурно-семантическая организация» [2012], которая посвящена выявлению особенностей структурно-семантической и номинативной организации словообразовательной системы современного бурятского языка.

В целом в исследованиях на материале рассматриваемых языков отмечаются прежде всего аффиксальный и неаффиксальный способы образования имен существительных. Аффиксы образования слов могут быть продуктивными и непродуктивными, выделяются также омертвелые аффиксы. К неаффиксальному относятся способы словосложения и различные типы семантических преобразований. В представленной статье словообразование,

тесно связанное с лексическим составом языка, рассматривается как механизм, порождающий новые слова, способствующий обогащению лексического фонда.

Прежде чем приступить к сравнению аффиксального способа словообразования в тематической группе лексики «Наименование частей тела животных» (а также человека), отметим, что основная часть данной группы лексики имеет общеалтайское происхождение, например: *бедро, ляжка, зад, ягодицы* [EDAL, 2013: 359], *висок, темя* [там же: 449], *бедро* [там же: 1253], *сухожилие* (там же: 125), *желудок* (там же: 128) и т. д. Для тюркских языков также восстанавливается общетюркская лексика, относящаяся к данной группе: *хвост, копыто, рог* и т. д. [СИГТЯ, 2001: 145–151].

Что касается якутско-монгольских связей в лексике, по результатам известных сравнительных исследований установлено, что «основной словарный фонд именных основ якутского языка ... является исконным, общетюркским, сложившимся в период совместного обитания предков якутов с тюркоязычными племенами» [Антонов, 1971: 162]. Интересующие нас так называемые «специфические названия (частей тела и др.) по рогатому скоту почти все являются исконными» [там же: 39]. А большая часть обнаруженных параллелей объясняется как монгольское заимствование из тюркских языков.

В якутском языке Н. К. Антонов выявил значительное количество основ монгольского происхождения, из них к группе терминов коневодства относится 10 имен. Якутско-бурятские соответствия показывают слова, относящиеся к коневодству: *адаҕа/адага* ‘путы’, *улгум/ульгам* ‘хорошо идущий на поводу, легко управляемый (о лошади)’, *хангыл/ганиг* ‘необъезженный, дикий (о лошади)’. Соответствия есть и в лексике, которая обозначает часть тела коня: «*таһаа* – вид животного сзади, задняя часть туловища от монг. бурят. *ташаа* < *ташийаа* – бок, бедро» [Антонов, 1971: 32]. Надо отметить, что морфологический состав многих из двух-, трехсложных слов еще не выяснен, к ним, кроме приведенных выше, можно добавить як. *быллыа* ‘твердый шишковатый нарост, желвак’ [БТСЯЯ, т. II, 2005: 709], соотносимый с бур. *bulu* ‘желвак’ [Калужинский, 1978: 75]; як. *бэрин* ‘вымя коровы или других жвачных животных’ [БТСЯЯ, т. II, 2005: 877] и бур. *ber* ‘затвердение от удара’ [Калужинский, 1978: 74] и т. д.

Как известно, «в тюркских языках при образовании производных слов синтетическим путем используется механизм последовательного наращивания производящей основы словообразовательными аффиксами» [Тараканова, 2008: 41]. Такой же механизм синтетического (или аффиксального) образования именных основ действует во всех языках алтайского родства, в том числе и бурятском.

Результаты

В ходе исследования были получены следующие результаты. Продуктивным способом пополнения тематической группы лексики «Наименование частей тела животных» в сравниваемых языках является аффиксальный. Одним из аффиксов, ярко демонстрирующих тюрко-монгольские языковые контакты, является якутский словообразующий аффикс *-ааһын*. В наших материалах данный аффикс содержит слово *сындааһын* ‘голенное сухожилие; ножные тонкие сухожилия (у животных)’ [БТСЯЯ, т. IX, 2012: 431]. Большой толковый словарь якутского языка приводит к нему монгольскую параллель *шандас(ан)* и бурятскую *шандааһан* ‘сухожилие (на задних ногах у животных)’ [БТСЯЯ, т. IX, 2012: 431]. Э. К. Пекарский дал якутские варианты *сымдаасын, сындаасын, сымнаасын* и сравнил их с монгольским «синдасу» ‘жилы, нервы (шейные)’ [Пекарский, т. II: 2456–2457]. Русско-бурятский и бурятско-русский электронные словари приводят то же значение [РБС, 2008: 606: www.buryat-lang.ru]. Считается, что якутский аффикс *-ааһын* «имеет монгольское происхождение и встречается в старых заимствованиях из монгольских языков: *бүрүөһүн* ‘обивка,

обшивка' (п-монг. *бүрэйэсүн*), *салбааһын* 'наставка' (п-монг. *дьалбабасун*)» [ГСЯЛЯ, 1982: 118]. В бурятском языке «имена существительные на *-ааһан* обозначают в основном предметы, употребляемые для совершения действия, а также результат действия» [ГБЯ, 1962: 58]. В. И. Рассадин приводит его в списке двусоставных аффиксов в фонетических вариантах *ааһан/-ээһэн/-ооһон/-өөһөн* и считает, что в его составе содержится «древнейший общемонгольский аффикс *-sun*, образующий имена существительные как от имен, так и от глаголов» [2008: 187]. В результате сравнительно-исторических исследований установлено, что это общетюркский аффикс *-сү*, который используется для образования имен «со значением характера действия, профессии» [СИГТЯ, 1988: 145]. Среди примеров находим алтайские: *дылкүсү* 'пастух лошадей', *санаасу* 'лыжник', *kürešči* 'борец', *tögünči* 'лгун' и т. д.» [там же]. Данный аффикс «в монгольских языках встречается в виде *č(-čün)*, *-ša*, *-šan*, *-suul*» [СИГТЯ, 1988: 144]. В современном якутском языке данный аффикс продуктивен в образовании терминов от существительных, в бурятском в настоящее время малопродуктивен. В алтайском языке имена существительные с «аффиксом *=чы* (*=чы*, *=чи*) со значением результата действия обозначают как отвлеченные понятия действия, так и конкретные предметы: *сүүн=чи* 'радость' (*сүүн* = 'радоваться'); *там=чы* 'капля' (*там* = 'капать') [ГСЯЯ, 2017: 61], ср. *койчы* 'пастух овец'.

Сравнительно-историческими проблемами словообразования в якутском языке занимался известный лингвист С. Калужинский. Из выявленных им заимствованных из монгольского языка 34 якутских именных словообразовательных аффиксов [Калужинский, 1961: 69–97] к тематике настоящей статьи относятся следующие:

Аффикс *-лай*, *-май*: як. *куолай* 'дыхательное горло; пищевод', бур. *хоолой* 'горло' [www.buryat-lang.ru]; як. *тангалай* 'нёбо' [БТСЯЯ, т. X: 202] имеет, наряду с уйгурским и каракалпакским, бурятское соответствие *тангалай* 'нёбо' [БРС, т. II: 227]. В якутском *тангалай* О. Н. Бетлингк также выделил аффикс *-лай*, но привел данное слово в значении 'старинный якутский женский костюм' [Бетлингк, 1990: 255]. В алтайском языке в значении 'нёбо' используется слово *тандай* [РАС, 1964: 337], которое содержит соотносимый аффикс словообразования *-дай*.

Аффикс *-ын* (*ан*): як. *былчын* 'мышца, мышцы', бур. *балсанг* 'мышцы, мускулы' [www.buryat-lang.ru]. Однокоренное алтайское *балтыр* 'мышца' [РАС, 1964: 308] имеет общеалтайское происхождение и соотносится с общетюркским: «PTurk. *b(i)altır calf of leg (икра ноги)» [EDAL, 2013: 350].

Аффикс *-хай*: як. *былчархай* 'железа', бур. *булшархай* 'железа, желёзка' [БРС, 2006: 152]. Это же слово сравнил с монгольским О. Н. Бетлингк [Бетлингк, 1990: 253]. Алтайское слово *берч* 'железа' [РАС, 1964: 157] употребляется без словообразовательного аффикса. В алтайском языке «аффикс *-кай* является малопродуктивным аффиксом, обозначающим предмет, выполняющий функцию, выражаемую глагольной основой: *мана=кай* 'огороженное или замаскированное место' (*манна* = 'загораживать') [ГСЯЯ, 2017: 65]. Кроме того, обнаружена одна лексема с непродуктивным аффиксом *-кай*: *йымжакай* для обозначения 'пятки копыта' (из экспедиционных материалов).

Аффикс *-лэ* (варианты): як. *миилэ* 'десна, дёсны', бур. *мүйлэ* 'дёсны' [www.buryat-lang.ru].

Среди приведенных Н. К. Антоновым якутских слов данной тематической группы, сопоставимых с бурятскими, имеются основы, образованные при помощи омертвелых (или непродуктивных) аффиксов:

-чах (*-чэх*, *-чох*, *чөх*): як. *тангырчах*, *чангырчах* 'книжка, третий желудок жвачных', которое сопоставимо с бур. *һархинсаг* 'книжка' [Антонов, 1971: 40]. Образовано также при помощи этого аффикса *хонхочох* 'копчик' (бур. *онхосог*) [ГСЯЛЯ, 1982: 124]. В алтайском языке данный аффикс имеет варианты *-чАк/-чЫк*, которые «образуют имена существительные, обозначающие предмет, с помощью которого производится действие, выраженное производящей

глагольной основой, его место, предмет, ставший результатом действия и т. п.: *эм=чек* ‘соски; вымя’ (*эм*= ‘сосать’)) [ГСЯЯ, 2017: 60–61]. При помощи данного аффикса образовано также слово *белкенчек* ‘круп животного’.

В этом же издании приводится аффикс *-һын* (*-һин*, *-һун*, *-һүн*), при помощи которого образовано як. *сулуһун* ‘яд, едкое вещество’, которое сопоставимо с бур. *һөлөһөн* ‘желчь’ [ГСЯЯ, 1982: 124]. Э. К. Пекарский также дал значение ‘яд’ и сопоставил это слово с бур. *һөлөһөн(н)* и монг. *сөсөн* ‘желчь’ (Пекарский стлб.: 2391ъ. По материалам «Этимологического словаря алтайских языков» [EDAL, 2013], алтайская основа со значением ‘желчь’ имеет параллели в тунгусском и монгольском языках [EDAL, 2013: 1278]. Следовательно, можно предположить, что в якутский язык это слово попало в поздний период его развития уже в другом значении. Современный якутский язык в значении ‘желчь’ пользуется словом древнетюркского происхождения *үөс* [БТСЯЯ, т. XII, 2015: 498].

Соотносимые с монгольскими якутские аффиксы словообразования привел О. Н. Бетлингк. Многие из них образовали имена, обозначающие части тела животных. С современными бурятскими можно сопоставить наименования, образованные при помощи аффикса *-ба*, *-бо*. Это як. *хабарба* ‘горло, глотка’, сопоставимое по морфологической структуре с современным бур. *хабирга* ‘ребро’ [БРС, 2006, т. II с. 372]. В алтайском языке, наоборот, слово *кабырга* используется в значении ‘ребро’, как и в бурятском.

Таким образом, аффиксальный способ образования в рассматриваемой тематической группе данных языков является наиболее распространенным. На особую роль аффиксов в образовании новых слов внимание обратил У-Ж. Ш. Дондуков: «Аффиксальный способ словообразования в бурятском, как и в других монгольских языках, является самым распространенным и наиболее продуктивным» [Дондуков, 1964: 9].

Заключение

В заключение можно отметить, что в сопоставляемых языках аффиксальный способ словообразования получил большое развитие. При этом некоторые из них в якутском языке являются заимствованиями из монгольских языков или общим достоянием якутско-бурятских языковых связей. Нами были обнаружены в рассматриваемой группе слов в сопоставляемых языках аффиксы *-лах*, *-май*, *-ынг*, *-хай*, *-чах*, *-һын*, которые были не зафиксированы предыдущими исследователями. При дальнейшем исследовании данной группы лексики следует обратить внимание на то, что «в соответствии с известным принципом антропоморфизма у соматических терминов тюркских языков обычна многозначность, связанная с переносами на названия деталей артефактов, а также на пространственные и ландшафтные термины» [СИГТЯ, 2001: 194]. Случаи многозначности демонстрируют слова со значениями мышца/железа, ‘горло, глотка/ребро’. В связи с этим предстоит сравнительное исследование вторичных номинаций лексики частей тела животных в якутском, алтайском и бурятском языках. Выявление древнейших продуктивных словообразовательных способов будет способствовать установлению внутренних форм производных слов и выявлению первичных корневых морфем, что представляет собой первостепенную задачу сравнительно-исторического исследования якутского языка.

Список сокращений:

Языки и диалекты: алт. – алтайский, бур. – бурятский, калм. – калмыцкий, монг. – монгольский, общетюрк. – общетюркский, п.-монг. – письменно-монгольский, пратюрк. – пратюркский, тунг. – тунгусский, тюрк. – тюркский, як. – якутский.

Источники:

- АРС** – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018.
БРС – Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.
БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, Т. I – Т. XV, 2004–2018.
ЛЭС 1998 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия, 1998. 688 с.
Пек. – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. (фото-мех.). М., 1959, Т. I – III.
РАС – Русско-алтайский словарь. Под редакцией Н. А. Баскакова. М., Советская энциклопедия, 1964. 875 с.
ЭСТЯ 1974 – Этимологический словарь тюркских языков. М.: 1974, 1978.

Литература:

- Антонов Н. К.** Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971. 174 с.
Алмадакова Н. Д. Грамматическая категория залога в алтайском языке. Горно-Алтайск, 2005. 118 с.
Бетлингк О. Н. О языке якутов // пер. с нем. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука, 1990. 644 с.
Будажанова Л. Б. К проблеме сложносоставных слов в бурятском языке (на материале буддийской лексики) // Вестник Бурятского гос. ун-та: Язык. Литература. Культура. 2018. Вып. 2. С. 3–9.
ГСЯЯ – Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
ГБЯ – Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 340 с.
ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
Дондуков У.-Ж. Ш. Словообразование монгольских языков. Улан-Удэ, 1993. 230 с.
Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой сустав). М., 1996. 386 с.
Дырхеева Г. А., Харанутова Д. Ш., Бардамова Е. А. Парные слова и парное словообразование в бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2014. 208 с.
Иванов С. А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 392 с.
Иванов С. А. Образование диалектной системы якутского языка. Новосибирск: Наука, 2021. 256 с.
Иванова И. Б. Аффиксальное именное словообразование в современном якутском языке (на материале отглагольных имен существительных). Автореф. ... канд. дис. Якутск, 2011. 22 с.
Калужинский Ст. Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (II) // Rocznik orientalistyczny. 1978. Т. XL. Z. 1. P. 71–72.
Колесникова А. В. К характеристике частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Ленинград: Наука, 1972. С. 257–336.
Колесникова А. В. Аффиксальное глаголообразование в алтайском языке в сопоставлении с древнетюркским языком. Автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Новосибирск, 2004.
Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. 226 с.
Оконешников Е. И. Лингвистические аспекты терминологии якутского языка. Автореф. докт. ... дис. Якутск, 2005. 52 с.
Орловская М. Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 114 с.
Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста, 2008. 232 с.
СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.
СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
Тараканова И. М. Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте). Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2008. 174 с.
Тыбыкова А. Т. Орфография и пунктуация алтайского языка. Горно-Алтайск, 1981.
Харанутова Д. Ш. Бурятское словообразование: структурно-семантическая организация. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. 269 с.
Чайчина Е. В. Лексико-семантическое взаимоотношение компонентов парных слов в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2004. С. 115–120.
Шагдаров Л. Д., Шагдарова Д. Л. Сложное слово в бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2015. 265 с.
Щербак А. М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания, 1966, № 3.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Ленинград: Наука, 1977. 182 с.

Цинциус В. И. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Ленинград: Наука, 1972. С. 3–14.

Калужинский 1961 – Kaluzinsky St. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.

www.buryat-lang.ru – Русско-бурятский словарь.

Дьячковский Федор Николаевич.

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник.

**Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Федерального исследовательского центра ЯНЦ СО РАН.**

Ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027.

E-mail: fedjatschkov0801@mail.ru

Данилова Надежда Ивановна.

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.

**Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Федерального исследовательского центра ЯНЦ СО РАН.**

Ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027.

E-mail: nadiv2008@mail.ru

Тазранова Алена Робертовна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.

E-mail: atazranova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28 сентября 2022 г.

F. N. Diachkovskiy, N. I. Danilova, A. R. Tazranova

MORPHOLOGICAL DERIVATION IN YAKUT AND ALTAI IN COMPARISON TO BURYAT (ILLUSTRATED BY ANIMAL BODY PARTS VOCABULARY)

The paper deals with morphological derivation of words in the group “Animal body parts” in Yakut, Altai, and Buryat. Morphological derivation is used in the compared languages to enhance the vocabulary of the given group. Buryat and Yakut languages share some affixes that came from Mongolic languages. The study demonstrated the need for a comparison of Yakut and Buryat secondary nomination of animal body parts.

Keywords: *Yakut, Altai, Buryat, comparative-contrastive study, morphological derivation, word formation, animals, body parts.*

Dictionaries:

ARS – Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018.

BRS – Burjatsko-russkiy slovar' [Buryat-Russian dictionary]. M.: Sov. Jenciklopedija, 1973. 804 p. (in Russian) .

BTSJaJa – Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka [A large explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk: Nauka, T. I – T. XV, 2004-2018. (in Russian) .

LJeS 1998 – Lingvisticheskiy jenciklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M., Sovetskaja jenciklopedija, 1998. 688 p. (in Russian).

Пек. – Pekarskiy Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka [Dictionary of the Yakut language]. 2-e izd. (foto-meh.). M., 1959, T. I – III. (in Russian).

RAS – Russko-altajskij slovar' [Russian-Altai dictionary]. Pod redakciej N. A. Baskakova. M., Sovetskaja jenciklopedija, 1964. 875 p. (in Russian).

JeSTJa 1974 – Jetimologicheskiy slovar' tjurkskih jazykov [Etymological dictionary of Turkic languages]. M.: 1974, 1978. (in Russian).

References:

- Antonov N. K.** Materialy po istoricheskoy leksike jakutskogo jazyka [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 174 p. (in Russian).
- Almadakova N. D.** Grammaticheskaja kategorija zaloga v altajskom jazyke [Grammatical category of the pledge in the Altai language]. Gorno-Altajsk, 2005. 118 p. (in Russian).
- Betlingk O. N.** O jazyke jakutov [About the Yakut language] // Per. s nem. V. I. Rassadina. Novosibirsk: Nauka, 1990. 644 p. (in Russian).
- Budazhanova L. B.** K probleme slozhnosostavnyh slov v burjatskom jazyke (na materiale buddijskoj leksiki) [On the problem of compound words in the Buryat language (based on the material of Buddhist vocabulary)] // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta: Jazyk. Literatura. Kul'tura. 2018. Vyp. 2. P. 3–9. (in Russian).
- GSAJa** – Grammatika sovremennogo altajskogo jazyka. Morfologija [Grammar of the modern Altai language. Morphology]. Gorno-Altajsk, 2017. 576 p. (in Russian).
- GBJa** – Grammatika burjatskogo jazyka. Fonetika i morfologija [Grammar of the Buryat language. Phonetics and morphology]. M.: Izd-vo Vostochnoj literatury, 1962. 340 p. (in Russian).
- GSJaLJa** – Grammatika sovremennogo jakutskogo literaturnogo jazyka. Fonetika i morfologija [Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics and morphology]. M.: Nauka, 1982. 496 p. (in Russian).
- Dondukov U.-Zh. Sh.** Slovoobrazovanie mongol'skih jazykov [Word formation of the Mongolian languages]. Ulan-Udje, 1993. 230 p. (in Russian).
- Dybo A. V.** Semanticheskaja rekonstrukcija v altajskoj jetimologii. Somaticheskie terminy (plechevoj sustav) [Semantic reconstruction in Altaic etymology. Somatic terms (shoulder joint)]. M., 1996. 386 p.
- Dyrheeva G. A., Haranutova D. Sh., Bardamova E. A.** Parnye slova i parnoe slovoobrazovanie v burjatskom jazyke [Paired words and paired word formation in the Buryat language]. Ulan-Udje: Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2014. 208 p. (in Russian).
- Ivanov S. A.** Leksicheskie osobennosti govorov jakutskogo jazyka [Lexical features of the dialects of the Yakut language]. Novosibirsk: Nauka, 2017. 392 p. (in Russian).
- Ivanov S. A.** Obrazovanie dialektnoj sistemy jakutskogo jazyka [Formation of the dialect system of the Yakut language]. Novosibirsk: Nauka, 2021. 256 p. (in Russian).
- Ivanova I. B.** Affiksial'noe imennoe slovoobrazovanie v sovremennom jakutskom jazyke (na materiale otglagol'nyh imen sushhestvitel'nyh) [Affixal nominal word formation in the modern Yakut language (based on the material of verbal nouns)]. Avtoref...kand. diss. Jakutsk, 2011. 22 p. (in Russian).
- Kaluzhinskij Ct.** Jetimologicheskie issledovanija po jakutskomu jazyku. Dvuslozhnye osnovy [Etymological research on the Yakut language. Two – syllable basics]. (II) // Rocznik orientalistyczny. 1978. T. XL. Z. 1. P. 71–82. (in Russian).
- Kolesnikova A. V.** K charakteristike chastej tela cheloveka v tunguso-man'chzhurskich jazykah [On the characterization of human body parts in the Tungusic-Manchu languages] // Oчерки sravnitel'noj leksikologii altajskich jazykov. – Leningrad: Nauka, 1972. P. 257–336. (in Russian).
- Kolesnikova A. V.** Affiksial'noe glagoloobrazovanie v altajskom jazyke v sopostavlenii s drevnetjurkskim jazykom [Affixal verb formation in the Altai language in comparison with the ancient Turkic language]. Avtoref... na soiskanie diss. dokt. filol. n. Novosibirsk, 2004. (in Russian).
- Musaev K. M.** Leksikologija tjurkskich jazykov [Lexicology of the Turkic languages]. M.: Nauka, 1984. 226 p. (in Russian).
- Okoneshnikov E. I.** Lingvisticheskie aspekty terminologii jakutskogo jazyka [Linguistic aspects of the terminology of the Yakut language]. Avtoref. dokt...diss. Jakutsk, 2005. 52 p. (in Russian).
- Orlovskaja M. N.** Imena sushhestvitel'nye i prilagatel'nye v sovremennom mongol'skom jazyke [Nouns and adjectives in modern Mongolian]. M.: Izd-vo Vostochnoj literatury, 1961. 114 p. (in Russian).
- Rassadin V. I.** Oчерki po morfologii i slovoobrazovaniju mongol'skih jazykov [Essays on the morphology and word formation of the Mongolian languages]. Jelista, 2008. 232 p. (in Russian).
- SIGTJa 1988** – Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskich jazykov: Morfologija [Comparative historical Grammar of the Turkic languages: Morphology]. M.: «Nauka», 1988. 560 p. (in Russian).
- SIGTJa 2001** – Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskich jazykov: Leksika [Comparative historical Grammar of the Turkic languages: Vocabulary]. M.: «Nauka», 2001. 822 p. (in Russian).
- Tarakanova I. M.** Slovoobrazovanie imen sushhestvitel'nyh v hakasskom jazyke (v sopostavitel'nom aspekte) [Word formation of nouns in the Khakass language (in a comparative aspect)]. Abakan: Hakasskoe knizh. izd-vo, 2008. 174 p. (in Russian).
- Tybykova A. T.** Orfografija i punktuacija altajskogo jazyka [Spelling and punctuation of the Altai language]. Gorno-Altajsk, 1981. (in Russian).

Haranutova D. Sh. Burjatskoe slovoobrazovanie: strukturno-semanticheskaja organizacija [Buryat word formation: structural and semantic organization]. Ulan-Udje: Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2012. 269 p. (in Russian).

Chajchina E. V. Leksiko-semanticheskoe vzaimootnoshenie komponentov parnyh slov v altajskom jazyke [Lexico-semantic relationship of the components of paired words in the Altai language] // Jazyki korennyh narodov Sibiri. Novosibirsk, 2004. Pp. 115–120. (in Russian).

Shagdarov L. D., Shagdarova D. L. Slozhnoe slovo v burjatskom jazyke [A complex word in the Buryat language]. Ulan-Udje: Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2015. 265 p. (in Russian).

Shherbak A. M. O haraktere leksicheskikh vzaimosvjazej tjurkskikh, mongol'skikh i tunguso-man'chzhurskikh jazykov [On the nature of lexical interrelations of the Turkic, Mongolian and Tungusic-Manchu languages] // Voprosy jazykoznanija, 1966, № 3. (in Russian).

Shherbak A. M. Oчерки po sravnitel'noj morfologii tjurkskikh jazykov (Imja) [Essays on the comparative morphology of the Turkic languages (Name)]. Leningrad: Nauka, 1977. 182 p. (in Russian).

Cincius V. I. Zadachi sravnitel'noj leksikologii altajskikh jazykov [Tasks of comparative lexicology of the Altai languages] // Oчерки sravnitel'noj leksikologii altajskikh jazykov. Leningrad: Nauka, 1972. Pp. 3–14. (in Russian).

Kaluzinsky St. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.
www.buryat-lang.ru – Russko-burjatskij slovar'.

Diachkovskiy Fedor Nikolaevich.

Candidate of philology, senior research fellow.

RAS, Siberian branch, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North.

Petrovsky st., 1, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: fedjatschkov0801@mail.ru

Danilova Nadezhda Ivanovna.

Doctor of philology, senior research fellow.

RAS, Siberian branch, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North.

Petrovsky st., 1, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: nadiv2008@mail.ru

Tazranova Alena Robertovna.

Candidate of philological Sciences, senior research fellow.

RAS, Siberian branch, Institute of Philology.

Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: atazranova@mail.ru

Р. Г. Жамсаранова

ГЕНОНИМ ЛУНИКЕРСКИЙ НЕРЧИНСКИХ ТУНГУСОВ: ДО-ЭТНОНИМНОЕ И СОБСТВЕННО-ЭТНОНИМНОЕ ЗНАЧЕНИЯ И ЯЗЫКОВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОНИМА

Представлено описание генонима *Луникерский* – наименования рода тунгусов Нерчинского уезда XIX в. В целях определения этноязыковой принадлежности генонима *Луникерский* использованы методы сравнительно-исторического языкознания, а также экстралингвистические факты по данным документов Государственного архива Забайкальского края о численности рода, виде хозяйства тунгусов-луникеров, позволившие полагать об ином, нежели оленеводство, образе жизни рода. Данное родовое название неоднозначно с точки зрения этноязыковой принадлежности, поэтому описывается два плана содержания значения генонима как родового имени тунгусов Нерчинска. Собственно-этнонимное значение генонима связано с обско-угорским этноязыковым субстратом, например языком и этнографией ханты. Данное предположение связано с возможностью соотнесения изображений рыбы и белки на личных тамгах-печатах старост Луникерских родов с собственно-этнонимным (генонимным) значением родового названия *Луникер*. Об этой возможности свидетельствуют впервые приведенные родовые (личные) тамги старост тунгусов-луникеров, извлеченные из ревизских описей Государственного архива Забайкальского края. До-этнонимное (генонимное) значение генонима *Луникер* (Люникер) может быть связано с северно-самодийской лексемой именования «орла» (нганасанского *lunfe / lenfe* ‘орел’) и доказывается опорой на лингвистические и экстралингвистические данные. На вероятность гипотезы о соотнесении этноязыкового состава рода Луникер указывает и то, что в этнической среде бурят-инородцев имелись роды тавангуцкие (иногда табунуты). Значение данного экзонима объясняется из лексики кетского языка и означает «лесной», напоминая о Лесных народах эпохи монголов. В эвенкийском языке корнеслов *тэвэ* означает ‘народ, племя’ в значении ‘иноплеменник’, т. е. это аллоэтноним для тунгусо-маньчжурских племен прошлого. Буряты-табануты, или табунуты, кочевали смежно с тунгусами Нерчинска, что позволяет объективировать этническую и языковую «пестроту» тунгусского населения Урульгинской степной думы Нерчинского уезда. Значение генонима *Луникерский*, которое представляет собой весьма архаичный ментефакт в качестве родоплеменного имени, а потому неоднозначное тому подтверждение.

Ключевые слова: геноним *Луникерский*, тунгусы Нерчинска, Урульгинская степная дума, Государственный архив Забайкальского края, орел-тотемный предок, нганасанский язык, тамга старосты рода.

Статья посвящена проблеме определения этноязыкового происхождения и значения одного из генонимов нерчинских тунгусов – *Луникерский* / *Люникерский*. Первый аспект проблематики вопроса связан с кратким описанием численно-родового состава родового объединения *Луникерский*, выписанным из «ревизских сказок» или ревизских описей тунгусского населения Нерчинского уезда Урульгинской степной думы, хранящихся в дореволюционном фонде Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК). Луникерский род тунгусов был приписан к Онгоцонской инородной управе [Жамсаранова, 2013а: 11–17].

Самое первое упоминание о Луникерском роде зафиксировано в документе от 1791 г. под названием «Ведомости о сборе ясака и недоимок. Прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому начальнику князю Гантимурову», в котором записано, что из 15 родов урульгинского цуглана Перво-Луникерский род уплатил 88 рублей в 1790 г., а в 1789 г. с этого же рода было «взято» 12 рублей [ГАЗК, ф. 31, оп. 4, д. 47, л. 43]. В документе от 1793 г. в списке родов Урульгинской степной думы упомянут Луникерский род, в котором 89 душ являются плательщиками ясака, 153 не платят ясак, всего – 242 души, «14 крещеных ис числа оных» [ГАЗК, ф. 31, оп. 4, д. 48, л. 5]. В списке «теленбинских» тунгусов Луникерского рода 18 душ платят ясак, 23 не платят, всего 41 душа, из которых только 2 души крещеных [л. 24].

Со временем тунгусских родов Урульгинской степной думы осталось 38 из 43, по сведениям документов, датированным 1763 г. По документам ревизии 1816 г., Луникерский род из 16 семейств – самый многочисленный по сравнению с другими – Почегорским (15 семейств), Сартоцким (1 семейство), Шунинским (9 семейств), Казейским (6 семейств) –

и входит в общую численность из 230 душ [ГАЗК, ф. 10, оп. 1/5, д. 7513]. Зайсаном этого рода записан «лутший человек» Наран Инкеев, а шуленгой – Мычилтуй Бобоев.

В «Списке из окладной книги Нерчинского земского суда» 1828 г. приведено число душ Луникерского рода в количестве 253 [ГАЗК, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 33]. Согласно документу, датированному 1840 г., в составе Люникерского рода православными считаются 16 душ мужского пола и 6 женского, «ламайской веры» придерживаются 235 душ мужского пола и 268 женского, шаманистов нет [ГАЗК, ф. 55, оп. 2, д. 16, 272 л.]. К ревизии 1858 г. Люникерский род совместно с двумя другими – Сартоцким и Вакасылским – относится к Онгоцонской инородной управе, объединяющей 3 тунгусских рода [ГАЗК, ф. 55, оп. 2, д. 59]. Онгоцонская управа Урульгинской степной думы находилась примерно в пределах современного Ононского района, Акшинского и части Кыринского Забайкальского края, т. е. это приграничная территория с Монголией. Потому отмеченная «ламайская вера» у числа тунгусов-люникеров/луникеров может свидетельствовать о том, что со временем эта часть тунгусов ассимилировалась в среде агинских бурят. Тогда как другая часть, крещеная, стала этнической основой русскоязычного старожильского населения Нерчинского уезда, позже – русскими Забайкалья или так называемым «гуранским», т. е. местным, помнящим о своем тунгусском происхождении, населением.

Исследователь Т. Б. Уварова пишет, что эвенкийская часть тунгусов Нерчинска была ассимилирована в основном русскими: «По материалам переписи 1926 г., отразилось внезапное исчезновение тунгусов в Забайкалье» [Уварова, 2006: 154]. Это же явление было подмечено С. К. Паткановым: «Принадлежность тунгусского племени зиждется у них лишь на различии в сословиях. Достаточно уничтожить условное деление жителей Сибири на сословные группы, и вся масса обруселых инородцев, в нашем случае половина всего тунгусского народа даже по имени станет русской» [Патканов, 1906: 80]. Действительно, анализ ревизских описей ГАЗК позволяет утверждать, что к переписи 1926 г. населения ни о каких тунгусских родах Нерчинского уезда уже не упоминается, вместо тунгусов присутствуют в документах «государственные крестьяне», под которыми мы склонны иметь в виду позднее старожильское русское население с тунгусскими корнями.

Изучение фондов ГАЗК по тунгусскому населению Урульгинской степной думы позволяет отличать тунгусов от собственно эвенков или эвенов. Выяснилось, что к Урульгинской инородной управе были приписаны 2 «бродячих» ороchonских рода в количестве 30 душ, антропонимный состав которых свидетельствует о том, что это все-таки эвены или эвенки, имевшие 165 оленей. К примеру, эвенкийское начало рода Бултегерский подтверждается и языковой принадлежностью личных имен инородцев данного рода [Жамсаранова, 2020: 197–224], что опосредовало мнение о наличии эвенков Бултегерского рода в количестве 30 душ ясачных (только мужских душ) во всей массе тунгусов князя Гантимура. Таким образом, анализ документов Урульгинской степной думы позволил разделить собственно эвенков, которые вели «бродячий» образ жизни в отличие от «сидячих» тунгусов князя Гантимура. К последним относился и Луникерский род.

Тунгусы Луникерского рода Онгоцонской инородной управы имели коней, рогатых, баран и коз. Более всего коней имели тунгусы Сартоцкого рода (1 245), вакасылыцы (493), меньше всех – 136 голов – Люникерский род. Всего по управе коней было 1 874 головы, рогатых – 1 283, баран и коз – 2 769 штук [ГАЗК, ф. 55, оп. 2, д. 39]. Верблюдов в Онгоцонской управе, по-видимому, не разводили, хотя тунгусы соседней Шундуинской управы имели 43 верблюда.

Анализ данных по тунгусскому населению Нерчинского уезда «говорит» в пользу прежде всего скотоводческого направления хозяйственной деятельности, но не оленеводческого ввиду полного отсутствия оленей (за исключением одного Бултегерского рода Урульгинской инородной управы). Потому тунгусы Луникерского рода по хозяйственной

деятельности своей не являлись оленеводами, проживали на таких территориях уезда, где приоритетным типом хозяйства, судя по архивным данным, было скотоводство, рыболовство или же охота. Вероятно, последнее и было одним из основных занятий тунгусов-луникеров, одна часть которых была окрещена и стала русскими, другая же часть приняла «ламайскую веру» и впоследствии влилась в этнический состав поздних бурят.

Второй аспект поставленной проблемы – это определение значения генонима *Луникерский*. Для решения данного вопроса важно приблизительно определить тот этноязыковой состав, в среде которого обретался Луникерский род. Среди телембинских тунгусов упомянут Почегорский род как один из тех тунгусских родов, который мы определили как самодийский [Жамсаранова, 2013а: 113–114], что позволяет предполагать о единой этногенетической общности тунгусов, явно связанной с самоедоязычным субстратом ономастики Восточного Забайкалья [Жамсаранова, 2011: 21–33].

Созвучное названию *Луникер / Люникер*(ский) род Линанчер обнаруживается среди названий пяти родов авамских нганасан [Долгих, 1960; Ващенко, Долгих, 1962: 178–182], основа-апеллятив которого объяснима, по мнению Б. О. Долгих, от нганасанского *luŋfe / leŋfe* ‘орел’. П. Т. Ващенко и Б. О. Долгих пишут, что, согласно А. М. Кастрену и Прокофьеву, нганасанское *luŋfe / leŋfe* ‘орел’ можно соотнести с формой *леŋхе* [leŋhe], так как в нганасанском звук ‘f’ чередуется со звуком ‘h’ [Ващенко, Долгих, 1962: 179]. В работе «Предания о тотемистических названиях родов у нганасан» исследователи П. Т. Ващенко и Б. О. Долгих пишут, что, по полевым сведениям от 1926 г., главными считались два рода – Нгомде и Нгамтусо, или роды Орла и Ворона [Ващенко, Долгих, 1962: 178–182]. Род Орлов представлял собой пясидских самоедов, родовое название которого информатор из рода Нгомде истолковывал от нганасанского апеллятивного *леŋхе* ‘орел’ [там же].

Мы полагаем, что название *Луникерский* нерчинских тунгусов – это транслитерированный вариант нганасанского родового имени, в основе которого лежит отапеллятивное *luŋfe / leŋfe / леŋхе* ‘орел’; *лыŋхы* ‘орел’ [СНГР, 2001: 47]. Суффиксальное *-кер* генонима *Луникер* – это тунгусо-маньчжурское *-гир*, которым «оформлялись» все тунгусские родоплеменные названия – Баягир, Дуликагир, Топтагир и пр. Генооснова *Лун-* сопоставима с основой апеллятива *luŋfe / leŋfe / леŋхе* ‘орел’; *лыŋхы* ‘орел’ – *лыŋ-* / *луŋ-*. Отметим, что название *Линанчер* соотносимо с основой *лыŋ-*, а геноним нерчинских тунгусов *Луникер* – с основой *луŋ-*. Это значение генонима *Луникер* представляет собой до-генонимное значение и связано с самоедоязычным ономастическим субстратом.

Однако те немногие архивные факты в виде личных тамг старост этих родов Луникер, на которых имеются изображения белки и рыбы (на второй тамге-печати), являются основанием описать собственно-этнонимное (генонимное) значение данного названия. По-видимому, исконное значение генонимного *Луникер* утратилось со временем, об этом свидетельствует изучение родовой тамги тунгусов-луникеров, которая представлена в образе белки (рис. 1), что более предпочтительно для так называемых Лесных народов – таежных охотников и собирателей. На другой печати старосты «тавангуцкого» рода изображена рыба (рис. 2) [ГАЗК, ф. 55. оп. 2, д. 32].

Если исходить из того, что рисунок на тамге родового старосты является прообразом родоплеменного тотемного предка, то возможно трактовать значение генонима *Луникер* из хантыйского языка, в котором апеллятив белка имеет форму, включая и диалекты, как ПХанты *länkjī ‘Eichhorn’, ваховск. länkjī, васюган. länkjī, тромъюган. laŋkjī, юган. laŋkjī, верхнедемян. taŋkə, верхнекондинск. taŋkə, низ. ям. taŋkə, казым. lankĩ, обдор. laŋkjī [Honti, 1982: 78]. И лексически именование белки почти совпадает с геноосновой онима Луникер(ский). По-другому, это значение является вторичным (собственно-этнонимным) значением онима. Если бы было все так просто в этнонимике, когда только по тамге возможно реконструировать значение именованного рода, тогда не были нужны и лингвистические

Рис. 1

Рис. 2

штудии. Если иметь в виду, что изображение белки на личной печати / тамге старосты Луникерского рода это и есть тот образ, от которого можно определить значение названия рода, то закономерен вопрос: «Являлась ли белка тотемом рода?», так как первичное значение этнонима должно быть связано с образом тотемного первопредка племени или рода.

В религиозной культуре обских угров, подробно изученной и представленной в трудах многих ученых (Соколова, 1971, 1977; Кулемзин, 1984; Лукина, 1990, Головнев, 1995; Молдановы, 2000; Дмитриева, 2005), нет упоминания о наличии образа белки в качестве родоплеменного первопредка. Однако в статье В. В. Сенкевич-Гудковой высказано предположение о белке, которая возможно «...будучи тотемом одного из хантыйских родов, могла быть спущена на землю, как, например, спускается с неба на землю медведь в многочисленных хантыйских и мансийских преданиях и песнях о божественном происхождении медведя» [Сенкевич-Гудкова: 411]. Ссылаясь на книгу В. Я. Евсеева «Исторические основы карело-финского эпоса», В. В. Сенкевич-Гудкова пишет, что «в прибалтийско-финском фольклоре есть указание на то, что белка была тотемом какого-то карельского или финского племени» [Сенкевич-Гудкова: 411].

Справедлив тезис о том, что этнонимы и генонимы – это древние слова с утраченной первоначальной семантикой [Суперанская, 1973: 209], а потому мы различаем первичное (утраченное или до-этнонимное) и вторичное (собственно-этнонимное) значения. Отметим, что Т. Н. Дмитриева при описании хантыйской топонимии бассейна р. Казым, отмечая ряд топонимов, образованных от названий птиц, относит некоторые из них к названиям, связанными с тотемом – орлом, вороном, глухарем, лебедем и прочими птицами, особо почитаемыми ханты [Дмитриева, 2005: 242–264]. При этом те топонимы, где в структуре имени выявлено именование белки, относятся к названиям, содержащим информацию о наличии пушного зверька, имеющего промысловое значение [Дмитриева, 2005: 255]. Поэтому не исключая возможности объяснения онима *Луникер* от хантыйского именованя белки *länki* как весьма древнего тотема финноязычных племен, мы предлагаем и несколько иную трактовку семантики онима *Луникер*.

Во-первых, мы предлагаем тамгу старосты рода с изображением белки считать личной печатью, а не родовой. По-видимому, образ белки на личной тамге старосты Луникерского рода – это свидетельство факта поздней контаминации на изначальный, но утраченный образ орла более раннего периода – эпохи господства самоедоязычных нганасан, к примеру, позднего этноязыкового сознания, например, обских угров – ханты и манси. Любопытно, что

витальность онима поддерживалась только в качестве родоплеменного названия языковыми средствами уже более позднего этнического языка, соответственно, и сознания. Это иллюстрация очередного факта межъязыковой омонимии, столь распространенного явления в ономастике.

Первичное, т. е. утраченное значение генонимного *Луникер*, объясняемого из лексики нганасанского языка, иллюстрирует не только факт наличия двух планов значения генонима *Луникер*, но и наличие ментальности предшествующего этноязыкового сознания. Образ орла, по сравнению с образом белки как тотемного предка рода, более естественен, историчен и востребован сознанием средневекового человека. Образ белки, изображенной на личной тамге старосты рода, вследствие чего возможно трактовать оним *Луникер* как «беличий» род из языка ханты, не подтверждается этнографическими данными сибирских народов.

Во-вторых, отстаивая несоответствие между собственно-этнонимным (вторичным) значением генонима *Луникерский* и тем скрытым, первичным (до-этнонимным) значением онима, полагаем, что геноним *Луникер* возник на одной этноязыковой почве и со временем стал именованьем уже другой этноязыковой общности, в коллективном сознании которой постепенно «стерся» первоначальный образ предка, осталось только имя. Подобные процессы обусловлены к тому же отсутствием письменных и эпических памятников. Отсюда возможен вывод, что и тунгусы Урульгинской степной думы, равно как и бурятские роды Хоринской и Агинской степных дум, также представляли собой сплав различных этнических, языковых сообществ эпохи Средневековья, различающихся по языку и культуре, ментальность которых претерпевала изменения и трансформации.

Предположение о нганасанском начале генонима (как до-этнонимном значении) обусловлено следующими соображениями: другим именованьем нганасан может быть геноним *табангут(ы)* в среде бурят. Во-первых, Б. О. Долгих пишет, что далекими предками современных нганасан считаются самоеды-тавгийцы. А. И. Попов другим названием нганасан считает именование Тавгитский род, или тавгийцы, отмечая естественную смешанность внутри самодийских групп, их малочисленность, служащие препятствием при «получении достаточно точных выводов о подлинном историческом процессе складывания подобных малочисленных коллективов – со слабой документальной основой и сложными разноплеменными влияниями» [Попов, 1973: 154]. Для подтверждения северно-самодийского языкового происхождения онима тавгийцев сопоставим корневую основу этнонима Тавгийский/Тавгитский [Попов, 1973: 154] *тав-* с эвенкийской/эвенской лексемой *тэвэ* ‘народ, племя’ в значении ‘иноплеменник’ [ССТМЯ, 1975, 1977: 226]. Выявляется экзонимное начало того племени, которое известно как *тэвэ*, что само по себе исключает тунгусо-маньчжурское происхождение онима *тавгийцы*.

Б. О. Долгих отмечает в составе сымских и касских остяков Енисейского уезда – дюканов – наличие родов Товар и Табаров в 1629 и 1633 гг. [Долгих, 1960: 146]. По его мнению, эти роды являлись ‘иноплеменниками’ для эвенков, т. е. чужим для них народом или племенем. Он пишет: «Что касается названий Товар и Тобаров, то это, очевидно, эвенкийское слово *тэвэ* – народ; племя (<Василевич, 1940: 134>), употребляемое и в смысле иноплеменник, иноземец» [Вашенко, Долгих, 1962: 177]. Не исключено, что эти роды и есть те самые *тавгийцы*, чужеродные для эвенков.

Во-вторых, в ненецком языке нганасан именуют *тавыс*. Полагаем, что экзонимное *тавгийцы* для эвенков – это те же роды *тавыс*, т. е. нганасан, как их именуют ненцы. Вероятно, что ненецкое *тавыс* – это такое же экзонимное название чужого народа, как *тавгийцы* для эвенков. Отсюда следует вывод, что собственно самоназванием нганасан могло быть какое-то иное название, но не *тавгийцы* или *тавыс*. В среде бурятских генонимов также имеется данный экзоним, лексически схожий с экзонимом *тавыс*, – название одного из бурятских родов – *табангуты*, которые совершали набеги с монголами на тунгусов, кочевавших

в пределах Еравны, Хилка, Куды, Уды, вплоть до Иргенского острожка, что позволило исследователям упоминать табангутов в среде тунгусов, приписанных к Нерчинскому уезду. Б. О. Долгих упоминает о фактах нападения *табунутов* «на русских и хоринцев в низовьях Селенги, в Прибайкалье и Забайкалье». Затем, когда политическая ситуация стала склоняться в сторону русских, было замечено, что некоторые группы *табунутов* стали с охотой принимать русское подданство. После событий 16 сентября 1688 г., когда воевода Ф. А. Головин за Большим Хилком разбил *табунутского* тайшу Серень Секулая (в 1670 г. тайша Цакулуй), 1200 юрт *табунутов* попросились в русское подданство и позже даже участвовали в походах русских против монголов. Окончательно родовые объединения *табунутов* в 1719–1721 гг. после признания над собой власти «Белого хана» и оставшись на российской стороне, образовали здесь 1, 2, 3 *табунутские* роды [Долгих, 1960: 320–321].

Ц. Б. Цыдендамбаев, как и Е. М. Залкинд, считает этнический состав *табангутов* разнородным, смешанным объединением элементов собственно монгольских и омонголившихся этнических групп. Ц. Б. Цыдендамбаев, исключая толкование *табангут* Е. М. Залкинда как «множественное число от числительного (тав(ан) ‘пять’)», склоняется к мнению О. М. Ковалевского о том, что *табунут* / *табангут* «восходит к монгольскому княжескому титулу табунанг» [Цыдендамбаев, 1972: 238]. Мы предлагаем иную версию, а именно: корневая основа экзонимного *табунут* или *табангут* сопоставима в лексико-семантическом отношении с кетской лексемой *табаң* ‘лес’ в значении ‘лесной’. Напомним о наличии среди монгольских племен племена Лесных народов в эпоху возвышения монголов. Вероятность соотнесения с «лесными народами» или «лесными хамниганами» и тавгийцев-нганасан, известных позже как бурятские роды *табунутов*, равно как и тунгусами Нерчинского уезда, вполне возможна.

Сопоставление этнографических фактов из прошлого тунгусов и монголов-табунутов позволяет полагать, что некогда это было единое племя. Так, А. Бранд всех тунгусов делит на народы трех родов: конные тунгусы, оленные и «собачьи тунгусы, пользующиеся собаками» [Алексеев, 1941: 539]. Описывая их нравы и обычаи, А. Бранд пишет, что «когда кто-либо из них принужден дать клятву, а именно должен этот последний вместо клятвы ранить собаку ножом под левой передней ногой и из кровоточащей собаки высасывать кровь до тех пор, пока она не околеет» [Алексеев, 1941: 540]. Таковую же значимость для табунутов-монголов имел образ собаки как прообраз тотемного предка: в документе о приведении в российское подданство монголов-табунутов, кочевавших близ гг. Селенгинск и Удинск, датированном 12 марта 1689 г., говорится: «И слушали сих статей сайты и шуленги за детей своих и за всех улусных людей дали шерть такову: пищаль целовали в дуло, саблею собак рубили, да тое кровавою саблею лизали, по чашке студеной воды пили и впредь для подтверждения к сим статьям они сайты руками своими закрепили» [Золотухин, 1909: 14–15]. Отметим, что такие «главные» средневековые монгольские этнонимы, как *монгол* и *бурят*, трактуются как онимы отапеллятивного происхождения ‘собака’, ‘волк’, только из разных языков (койбальского и древнетюркского) [Жамсаранова, 2013б]. Проблема смены религиозных воззрений, культурно релевантных для одного типа сознания на другие и «отразившихся» в этнонимике, представляет собой одну из перспективных научных проблем [Быконя, 2011: 50–57].

Как пишет Г. Миллер, Итанцынские брацкие платили ясак меньше других – по одному соболю с души, тогда как некоторые другие роды нерчинских тунгусов платили по три и по пять соболей с человека. Минимальный размер ясака был установлен только для Сартоцкого, Гуновского и Одсонского родов нерчинских тунгусов, для Мунгальского рода из телембинских тунгусов, среди еравнинских – для одного «Табунуцкого рода, который подобен монголам. И наконец, сюда относятся также итанцынские брацкие» [Элерт, 1990: 208]. Очевидно, что меньшим размером ясака облагались те племена тунгусов и «брацких»,

которые и по облику, и по образу жизни были близки к монголам – степным кочевникам, обусловленные тактикой сдерживания «бракских» родов и части нерчинских тунгусов от их ухода в пределы Монголии.

Во-первых, антропологическая близость к монголам табунутов и итанцинских брацких служит косвенным подтверждением единства происхождения и биологического родства. Во-вторых, предполагаемая этноязыковая идентичность нерчинских тунгусов, инородцев-бурят с монголами обусловлена рядом причин, основной из которых являлась причина естественного желания выжить в условиях колонизации Восточной Сибири. В. К. Андриевич при описании заключения посольством Головина договора о русском подданстве селенгинскими инородцами 12 марта 1689 г. пишет, что «то обстоятельство, что с табунутскими сайтами заключен особый договор, заставляет думать, что они (*табунуты* – Р. Ж.) не были подвластны монголам и в то же время не считали себя монголами...» [Андриевич, 2013: 67]. Чуть ранее подобный договор был заключен Головиным – послом русского царя, снаряженным в Нерчинск в 1686 г., отдельно с монгольскими тайшами 15 января 1689 г. Все эти факты служат своеобразным подтверждением того, что состав автохтонного населения Нерчинска был неоднородным в этноязыковом отношении, хотя и был объединен под соционимом «тунгусы».

Таким образом, возможность сопоставления экзонимных родоплеменных названий нганасанского *тавгийцы* или *Тавгитский* род, эвенкийского *тэвэ*, родовых имен *Товар* и *Табаров*, ненецкого *тавыс* с бурят-монгольскими родовыми названиями *табангут* или *табунут* возможна при условии того, что эти именованья следует воспринимать как экзонимные названия (аллоэтноним) одного и того же племени. Выше уже описано, что все эти названия можно объяснить в семантическом плане от кетского апеллятива *табаң* ‘лес’ [Вернер, 1993; Которова, 2015: 361], что позволяет связать эти племена с Лесными народами эпохи монголов, судя по тексту «Сокровенного сказания монголов» [Козин, 1990: 118]. Под названием Лесных народов X–XI вв. подразумеваются племена разной этноязыковой принадлежности – предков современных самодийских, тунгусо-маньчжурских, монгольских и иных сибирских (и не только) народов. Языковым подтверждением этого является изученное состояние топонимии Восточного Забайкалья, стратиграфия которой обнаруживает кетоязычный, самоедоязычный и обско-угорский субстрат помимо других [Жамсаранова, Шулунова, 2003]. Последовательное изучение субстратной топонимии, этнонимии, генонимии и антропонимии, особенно исторической, дает основание полагать об участии и уралоязычных народностей в сложении исторической топонимии Забайкалья, этнонимике и генонимике монголов и бурят, а также тунгусских родов Нерчинского уезда [Жамсаранова, 2013б].

Третий аспект исследования генонима *Луникерский* связан с определением как собственно-этнонимного значения, так и до-этнонимного. Мы полагаем, что до-этнонимное значение тунгусского генонима Луникер можно определить как род Орла, если интерпретировать значение от нганасанского апеллятива *luŋfe / leŋfe* ‘орел’, сопоставимого с формой *леңхе* [leŋhe].

Известна вариативность именованья орла в самодийских языках. В селькупском языке *лыббы* ~ *лымб* ~ *лымбы* ~ *лымбэ* ~ *лимб* – это ‘орел’ /кет. д./; *лымби* ~ *лымбиль* ~ *лымбэль* ‘орлиный’; *лымбиль* *äpäť* ‘март месяц’; *лымбэкэť* *иррет* ‘январь’; ‘февраль’ [СРДС, 2005: 118–119]. Апеллятивы *лыббы* и *лымб* ~ *лимб* ‘орел’ обнаруживают, во-первых, в своем составе наличие исторического консонантного чередования *м / б*, что типично для истории развития селькупского языка [Dulzon, 1971: 35–43] и для монгольских языков. Данное историческое чередование характерно и для монгольских языков, что естественным образом подтверждает неизученные исторические контакты самодийцев и монголов.

Во-вторых, в нганасанском ‘орел’ именуется как *luŋfe / leŋfe*, *леңхе* [leŋhe], что не позволяет сопоставить значение генонима *Луникер* с данными апеллятивами. Однако заметим, что корневая основа селькупского *лыббы* ~ *лымб* ~ *лымбы* ~ *лымбэ* ~ *лимб* ‘орел’ и нганасанского

luŋfe / leŋfe, лeнгхe [leŋhe] иллюстрирует чередование гласных -ы- и транслитерированного -ю- [u] / -e-. Любопытно то, что подобного рода чередование гласных ы / э наблюдается в ненецком языке согласно Н. М. Терещенко [НРС, 1965: 866]. Вопрос чередования согласных – это достаточно сложный вопрос в самодистике, затрагивающий не только межъязыковые интерферентные явления, но и имеющий место внутри самих языков, обусловленных глубокими и длительными историко-лингвистическими процессами. В. В. Быконя отмечает наличие реализации согласных и гласных фонем в «многочисленных комбинаторных, позиционных и факультативных вариантах» в селькупском языке [СРДС, 2005: 318].

Поэтому учитывая изустный характер фиксации генонимного *Луникер* при ревизии 1816 г., возможно предположить об общности отапельлятивной самодоязычной основы данного онима, а также вероятности до-этнонимного значения генонима как «орлиное» племя. К примеру, такие фамилии бурят, как Линховоин¹, русскоязычных забайкальцев как Лопатин или Лобашов и др., не имеют не только удовлетворительных объяснений по поводу их языкового начала, но и не изучены. Семантическое значение подобных фамилий может быть связано с лексическим значением нганасанского luŋfe / leŋfe, лeнгхe [leŋhe] ‘орел’ или же с селькупским лыббы ~ лымбы ~ лымбэ ~ лимб ‘орел’, что позволяет «перевести» на русский эти фамилии как Орлов(ы).

При учете этого возможность «орлиного» начала генонима тунгусов Луникерского рода Урульгинской степной думы представляется объективной. Архетипический образ птицы в мифологии сибирских народов тесно связан с понятием возникновения всего живого на Земле. Известно, что образ орла – это образ древнейшего тотемического образа первоустроителя мира [Агеева, 1970: 199–200].

Лексемы селькупского языка выявляют метонимический перенос объективных свойств сущего на образ большой по своим размерам птицы с учетом способности орла передвигаться по небу подобно туче. Впоследствии это нашло отражение уже посредством метафорического восприятия орла как тучеподобного существа, способного закрыть небо и вследствие этого вызвать темноту. Релевантными для выбора тотемного предка-орла представляются размеры орла как самой крупной хищной птицы на сибирских территориях, а также способности образа орла персонифицировать образы солнца, неба как неких мощных по своей силе и энергии природных объектов в сознании людей. Образ орла нашел свое отражение в символике шаманских костюмов народов Сибири, например якутского шаманского костюма, состоящего из «хвоста», «маховых перьев на крыльях», представлявшего шкуру птицы, «плащи селькупского шамана также оканчивались на спине острым мысом. Бахрома на нем была собрана пучком, как перья хвоста птицы. Шаманский нагрудник селькупов символизировал грудь птицы, прицеплена железная грудная кость» [Басилов, 1984: 100]. Птичья символика отражена в костюмах тувинских, алтайских, хантыйских, телеутских, хакасских, эвенкийских, тофаларских, бурятских [Галданова, 1998: 5–46] шаманов. Е. Д. Прокофьев пишет, что «в шаманском облачении образ птицы, по сравнению с образом зверя, является более поздним, так как образ птицы появился с развитием представлений о небесном верхнем мире, когда шаман принимал вид птицы, чтобы лететь к духам верхнего мира» [Прокофьева, 1971: 5–7]. Этнографы пишут, что костюм шамана должен был придавать самому шаману облик птицы, так как главный дух-покровитель шамана представлялся в образе птицы и, облачаясь в ритуальный костюм, шаман сливался в одно целое с духом-птицей, приобретая ее свойства. Для всех народов Сибири образ птицы-орла имел особую значимость, закрепился в мифах и преданиях. Культ орла был развит у ольхонских, кудинских

¹ Фамилию Линховоин носил известный бурятский оперный певец (см. Лхасаран Лодонович Линховоин (бур. Лёнхобын Лодоной Ёасаран) (1924–1980) – бурятский советский оперный певец (бас), актер, театральный режиссер, педагог, публицист, общественный деятель. Народный артист СССР (1959).

и верхоленских бурят племени эхирит – западных бурят. Записаны предания о духах-покровителях хори-бурят Кижинги в образах орла и ворона [Герасимова, 2000: 26].

Таким образом, описание и анализ значения генонима нерчинских тунгусов *Луникерский / Люникерский* позволяют определить родовое название как северно-самодийское. Этимология родового имени позволяет соотнести его с поздним названием Линанчер или Нгомде нганасан-тавгийцев ‘Орел’. Выявилось частотное количество нганасанских по значению личных имен хори-бурят, что подтверждает и иллюстрируют тезис об ассимиляции тунгусов-луникеров в этноязыковой среде «инородцев»-бурят и крещеных тунгусов Нерчинска, ставших позже основой русского старожильского населения наряду с бурятским Восточного Забайкалья.

Источники:

ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 55, оп. 2, д. 59;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 31. оп. 4, д. 47;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 31. оп. 4, д. 48;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 10, оп. 1/5, д. 17513;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 55, оп. 2, д. 4;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 55, оп. 2, д. 16;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 55, оп. 2, д. 32;

Словари:

Василевич Г. М. – *Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь (тунгусско-русский)*. М., 1940. 220 с.
Вернер Г. К. – *Вернер Г. К. Словарь кетско-русский и русско-кетский: учебное пособие для учащихся начальных школ*. СПб., 1993. 200 с.
НРС 1965 – *Ненецко-русский словарь* / сост. Н. М. Терещенко. М.: Сов. энцикл., 1965. 942 с.
СНЗР 2001 – *Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский* / сост. Т. Ю. Жданова, Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде / отв. ред. В. Ю. Гусев. СПб.: Просвещение, 2001. 125 с.
СРДС 2005 – *Селькупско-русский диалектный словарь* / под ред. В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
ССТМЯ – *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю*: в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.; Т. 2. Л., 1977. 992 с.

Литература:

Агеева Р. А. Об этнониме чудь / чухна, чухарь // *Этнонимы*. М.: Наука, 1970. С. 199–200.
Алексеев М. П. *Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XII–VII вв.* 2-е изд. Иркутск: ОГИЗ Иркут. обл. изд-во, 1941. 610 с.
Андреевич В. К. *Краткий очерк истории Забайкалья. От древнейших времен до 1762 года*. М.: Вече, 2013. 288 с. (Моя Сибирь).
Басилов В. Н. *Избранники духов*. М.: Политиздат, 1984. 208 с.: ил.
Быконя В. В. *Селькупы: язык и культура (этнолингвистический очерк)*. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. 236 с.
Василевич Г. М. *Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX вв.)*. Л.: Наука, 1969. 304 с.
Ващенко П. Т., Долгих Б. О. *Предания о тотемических названиях родов нганасан // Советская этнография*. 1962. № 3. С. 178–182.
Галданова Г. Р. *Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // Сибирь: этносы и культуры*. Улан-Удэ, 1998. Вып. 3. С. 5–46.
Герасимова К. М. *Священные деревья: контаминация разновременных обрядовых традиций // Культура Центральной Азии: письменные источники: сб. ст.* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Вып. 4. С. 15–34.
Дмитриева Т. Н. *Топонимия бассейна реки Казым*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. 580 с.
Долгих Б. О. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке*. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 622 с.

- Dulson A.** Über die räumliche Gliederung der Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumgruppen // Советское финно-угроведение. 1971. № 1. С. 35–43.
- Жамсаранова 2013а – **Жамсаранова Р. Г.** Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. Чита: Экспресс-издательство, 2013а. 288 с.
- Жамсаранова 2013б – **Жамсаранова Р. Г.** Вероисповедание и численно-родовой состав тунгусов Урульгинской степной думы XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль, Полиграфическая база Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института, Краснодар, 2013б, № 19. С. 11–17.
- Жамсаранова Р. Г.** Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья. Чита: РИО ЗабГУ, 2011. 237 с.
- Жамсаранова Р. Г., Шулунова Л. В.** Топонимия Восточного Забайкалья. Чита: РИО ЗабГГПУ, 2003. 128 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Личные имена тунгусов Бултегерского рода Урульгинской степной думы (на материале ревизских описей начала XIX в.) // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3. С. 197–224.
- Золотухин И. П.** Завоевание русскими Забайкалья. Владивосток, 1909. С. 14–15.
- Козин С. А.** Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1990. 318 с.
- Кузьмина А. С.** Христианизация коренных народов Обского Севера; культурологический аспект. СПб.: Инфо-да, 2004. 149 с.
- Патканов С. К.** Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и др. источников. СПб., 1906. Ч. 1–2. С. 80.
- Попов А. И.** Названия народов СССР. Введение в этноимику. Л.: Наука, 1973. 167 с.
- Прокофьева Е. Д.** Шаманские костюмы народов Сибири: сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1971. Т. XXVII. С. 5–7.
- Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного / Отв. редактор А. А. Реформатский. М.: Наука, 1973. 366 с.
- Сенкевич-Гудкова В. В.** Отражение фольклора народов Севера в «Повести временных лет» // http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/16_tom/Senkevich-Gudkova/Senkevich-Gudkova.pdf (дата обращения 3.03.2017).
- Уварова Т. Б.** Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. 2-е изд. доп. М.: ИНИОН РАН, 2006. 172 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б.** Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972. 662 с.
- Элерт А. Х.** Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 247 с.
- Хонти, Ласло.** Honti Laszlo. Geschichte des Obugrischen Vokalismus. Der ersten Silbe. Budapest: Akademiai Kiado, 1982. Redigit P. Hajdu. Übersetzung aus dem Ungarischen R. Hessky. Bibliotheca Uralica. 6.

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка.

Забайкальский государственный университет.

Ул. Александро-Заводская, 30, Чита, 672039.

E-mail: rebeca_zab@mail.ru

Материал поступил в редакцию 4 сентября 2022 г.

R. G. Zhamsaranova

TRIBAL NAME OF LUNIKERSKY OF THE NERCHINSK TUNGUS: PRE-ETHNONYMOUS AND PROPER ETHNONYMIC MEANINGS AND LINGUISTIC ORIGIN OF THE ONYMA

The article is focused on the description of the tribal name of Lunikersky – the name of the Tungus ethnic groups living in the Nerchinsk district of the 19th century. To study its ethno-linguistic background, the author applies comparative historical linguistics and examines extralinguistic facts from documents in the State Archive of the Trans-Baikal Territory. These documents reveal information about the size of the clan and their economy, which made it possible to assume that their had more diverse life rather than reindeer herding. The tribal name of Lunikersky is ambiguous in terms of its ethno-linguistic affiliation, and the article suggests two possible meanings for it. The first possibility is that the name has an Ob-Ugric ethno-linguistic origin, as suggested by the personal tamgas-seals of the Luniker clan elders, which depict images of fish and squirrels. The second possibility is that the name is connected to the northern Samoyed lexeme for “eagle”, which is supported by linguistic and

extralinguistic data. The article also discusses the ethnic and linguistic diversity of the Tungus population in the Nerchinsk district, noting that the Lunikersky may be an alloethnonym for the Tungus-Manchurian tribes of the past.

Keywords: *genonym Lunikersky, Tunguses of Nerchinsk, Urulga Steppe Duma, State Archive of the Trans-Baikal Territory, eagle-totem ancestor, Nganasan language, tamga of the elder of the clan.*

Archive sources:

1. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund.55, inv.2, file 59;
2. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund. 31. inv.4, file 47;
3. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund. 31. inv.4, file 48;
4. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund. 1o, inv. 1 / 5, file17513;
5. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund. 55, inv.2, file 4;
6. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund.55, inv.2, file16;
7. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund. 55, inv.2, file 32;

Dictionaries:

Vasilevich G. M. Evenkijsko-russkij slovar' (tungusko-russkij). [Evenk-Russian Dictionary (Tungus-Russian)] M., 1940. 220 s.

Verner G. K. Slovar' ketsko-russkij i russko-ketskij: uchebnoe posobie dlya uchashchihsya nachal'nyh shkol. [Dictionary Ket-Russian and Russian-Ket: a textbook for elementary school students]. SPb., 1993. 200 c.

Kotorova E., Nefedov A. Comprehensive Dictionary of Ket. Vol. 1. Edited by Elizaveta Kotorova, Andrey Nefedov, 2015. Published by LINCOM GmbH 2015, Muenchen.

Nenecko-russkij slovar' / sost. N. M. Tereshchenko. [Nenets-Russian dictionary / comp. N. M. Tereshchenko]. M.: Sov. encikl., 1965. 942 s.

Slovar' nganasansko-russkij i russko-nganasanskij / sost. T. Yu. Zhdanova, N. T. Kosterkina, A. Ch. Momde / otv. red. V. Yu. Gusev. [Dictionary Nganasan-Russian and Russian-Nganasan / comp. T. Yu. Zhdanova, N. T. Kosterkina, A. Ch. Momde / otv. ed. V. Yu. Gusev]. SPb: Prosveshchenie, 2001. 125 s.

Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' / pod red. V. V. Bykonya [Selkup-Russian dialect dictionary / ed. V. V. Bykonya]. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2005. 348 s.

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: materialy k etimologicheskomu slovarju: v 2 t. / otv. red. V. I. Cincius. [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: materials for the etymological dictionary: in 2 volumes / otv. ed. V. I. Cincius]. L.: Nauka, 1975. T. 1. 672 s.; T. 2. L., 1977. 992 s.

References:

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian vocabulary]. Gorno-Altaysk, 2018. 936 p. (In Altaic and Russian).

Argunova K. V., Sorova I. N. Fonostrukturnaia i intonatsionnaia realizatsiia glagolov zritel'nogo obraza v iakutskom i kirgizskom iazykakh. In: Kategoriiia obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniia iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaia monografiia [Phono-structural and intonational actualization of visual impression verbs in the Yakut and Kyrgyz languages. In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. P. 43–68. (In Russian).

Balakina O. N., Dedeeva V. S. Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian vocabulary]. Gorno-Altaysk: Lepta, 2015. 168 p. (In Altaic and Russian).

Borisov Iu. P. Basic features of parallelism in Yakut olonkho and Altai epic. Issues of Theory and Practice Philological Sciences 2013. № 11–2 (29). P. 44–50. (In Russian).

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt'a [Large defining vocabulary of Yakut language]: v 15 t. red. Sleptsov P. A. Novosibirsk: Nauka, 2007 – 2015. (In Yakut and Russian) Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic vocabulary]. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Turk. and Russ.)

Gogoleva M. T. K probleme geneticheskoi svyazi iakutskogo olonkho i malykh altaiskikh skazanii // Filologiya i chelovek [On the genetic contacts between Olonkho and Tuvan Heroic Legends. Philology and Human] 2015. № 3. P. 78–87. (In Russian). Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya [Grammar of modern Altai language. Morphology] Gorno-Altaysk, 2017. 576 p. (In Russian).

- Efremov N. N.** Epicheskie formuly v olonkho (v sopostavlenii s altaiskim geroicheskim eposom "Maadai-Kara"). In: Eposy narodov mira: problemy i perspektivy sravnitel'nogo izuchenii: sbornik tezisov [Epic formulas in olonkho (in matching with the Altai heroic epic "Maadai-Kara") // Epics of the world nations: problems and horizons of comparative study: collection of theses]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2015, P. 14. (In Russian).
- Efremov N. N.** Image-forming verbs forming the spatial sentences in the Yakut language (structural and semantic analysis). North-Eastern journal of humanities. 2017. № 3 (20). P. 112–118. (In Russian).
- Kharitonov L. N.** Sovremennyi iakutskii iazyk. Fonetika i morfologiya [Modern Yakut language. Phonetics and morphology]. Yakutsk, 1947. 320 p. (In Russian).
- Kharitonov L. N.** Tipy glagol'noi osnovy v iakutskom iazyke [The types of verb stem in Yakut language]. Moscow; Leningrad, 1954. 312 p. (In Russian).
- Kharitonov L. N.** Formy glagol'nogo vida v iakutskom iazyke [Forms of verbal aspects in Yakut language]. Moscow; Leningrad, 1960. 179 p. (In Russian).
- Kyrgyz-Russian vocabulary: in 2 books. Book 2. L – Ya. Frunze: Glavnaya redaktsiya Kirgizskoy Sovetskoy Entsiklopedii, 1985. 480 p. (In Kyrg. and Russ.)
- L'vova S. D.** Sravneniia v iakutskom i altaiskom eposakh (na materiale olonkho "Moguchii Er Sogotokh" i Kai Cherchek "Maadai-Kara"). Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Eposovedenie [Comparisons in Yakut and Altai epics (on the material of the olonkho "Mighty Er Sogotokh" and Kai Cherchek "Maadai-Kara"). Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic Studies"]. 2019. № 3 (15). P. 126–139. (In Russian).
- Monastirev V. D., Efremov N. N.** Leksicheskie sredstva vyrazheniia kategorii obraznosti v iakutskom i mongol'skom iazykakh (na materiale obraznykh glagolov vizual'nogo deistviia, kharakterizuiushchikh dvizhenie). In: Kategoriia obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniia iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaia monografiia [Lexical means of expressing the category of figurativeness in the Yakut and Mongolian languages (based on the material of image-forming verbs of visual action characterizing motion) In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. P. 163–175. (In Russian).
- Nikolaeva A. M.** Sredstva vyrazheniia ekspressivnosti v iakutskom iazyke [Methods of expressing expressivity in Yakut language]. Novosibirsk: Nauka, 2014. 128 p. (In Russian).
- Pukhov I. V.** Geroicheskii epos tiurko-mongol'skikh narodov Sibiri. Obshchnost', skhodstva, razlichii [Heroic epic of Turk-Mongolian peoples of Siberia] [Elektronicheskii istochnik] Rezhim dostupa: http://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2015_462.pdf (In Russian).
- Rassadin V. I.** Mongolo-buriatskie zaimstvovaniia v sibirskikh tiurkskikh iazykakh [Mongolian-Buryats borrowings in Siberian Turkic languages]. Moscow: Nauka, 1980. 115 p. (In Russian).
- Räsänen M.** Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 p. (In Germ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological vocabulary of Mongolian languages]: in 3 volumes. Moscow: IV RAN, 2015–2018. (In Mongolian and Russian).
- Sanzheeva L. Ts.** Rechevye sredstva epicheskoi obraznosti v buriatskikh uligerakh o Gesere. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Eposovedenie [Means of epic expressiveness in the Buryat uligers about Geser. Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic Studies"] 2017. T. 2. (6). P. 5–16. (In Russian).
- Sevortyan E. V., Levitskaya L. S.** Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "Ж", "Zh", "Y" [Etymological vocabulary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems on the letters "Ж", "Zh", "Y"]. Moscow: Nauka, 1989. 291 p. (In Turkic and Russian)
- Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Defining vocabulary of the Yakut language]. Ed. Sleptsov P. A. Novosibirsk: Nauka, 2004–2006. (In Yakut and Russian)
- Tybykova L. N.** Sposoby vyrazheniia sravneniia v altaiskom iazyke // Voprosy altaiskogo iazykoznanii [Methods of expressing comparison in Altai language. In: Issues of Altai linguistics]. Gorno-Altai. 1988. P. 111–127. (In Russian).
- Ubriatova E. I.** Iakutskii iazyk v ego otnoshenii k tiurkskim, mongol'skim, a takzhe tunguso-man'chzhurskim iazykam [Yakut language and its relation to the Turkic, Mongolian, and also to the Tungus-Manchurian languages]. Moscow, 1960. 34 p. (In Russian).
- Shamaeva A. E., Prokop'eva S. M.** Obraznye glagoly iakutskogo iazyka, kharakterizuiushchie chasti tela cheloveka v sopostavlenii s mongol'skim iazykom. In: Kategoriia obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniia iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaia monografiia [The image-forming verbs of the Yakut language, characterizing parts of the human body in comparison with the Mongolian language. In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. P. 147–163. (In Russian).

Vasil'ev Iu. I. *Sposoby vyrazheniia sravneniia v iakutskom iazyke* [Methods of expressing comparison in Yakut language] Novosibirsk: Nauka, 1986. 109 p. (In Russian).

Zhirkova E. E. Features of Figurative Verbs Expressing the Human Gait in the Yakut Language (using materials of the Japanese language). North-Eastern journal of humanities. 2017. № 3 (20). P. 118–124. (In Russian).

Zhamsaranova Raisa Gandybalovna.

PhD of Philology, assistant of Professor, professor.

Transbaikal State University.

Aleksandro-Zavodskaya Av., 30, Chita, Russia, 672039.

E-mail: rebeca_zab@mail.ru

М. В. Куцаева

К ВОПРОСУ О НОМЕНКЛАТУРЕ МАРИЙСКИХ ИДИОМОВ

В статье рассматривается номенклатура марийских идиомов и прежде всего вопрос о количестве марийских языков. Юридический статус, закрепленный за марийским в качестве одного из государственных языков наряду с русским языком в Республике Марий Эл, в Конституции Республики Марий Эл имеет формулировку *«марийский (горный, луговой)»*. С социолингвистической, как впрочем и с лингвистической точки зрения, ответ на вопрос о количестве марийских идиомов остается неоднозначным, в настоящее время мнения разделились: одни исследователи констатируют существование марийского языка, другие – марийских языков. Приводится краткий обзор научной и справочной литературы советского и постсоветского периода, фиксирующий номинации марийских идиомов в разное время. Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что признание марийского языка или марийских языков зависело от категоризации горномарийского идиома либо в качестве одного из наречий (диалектов) марийского (что было связано с усилиями по созданию единой нормы марийского литературного языка), либо в качестве самостоятельного языка (и было обусловлено экстралингвистическими факторами, в частности, политическим стремлением горных марийцев закрепить особый статус за территорией проживания субэтнической группы и признать ее идиом в качестве языка, а не диалекта). Несомненный научный интерес представляет ответ на вопрос о том, как марийские идиомы воспринимаются самими носителями марийского – сколько, по их мнению, марийских языков. В целях решения данной задачи в рамках проекта по социолингвистическому обследованию в марийской диаспоре московского региона респондентам был задан вопрос относительно номинаций марийских идиомов. Результаты достоверны, поскольку выборка включает представителей всех субэтнических групп марийского этноса и, соответственно, является репрезентативной, т. е. отражает генеральную совокупность в миниатюре. Опрос показал, что номинация марийских идиомов в большей мере обусловлена субэтнической принадлежностью респондента, личным опытом общения с представителями других субэтнических групп, а не юридическим статусом, закрепленным за тем или иным идиомом. Среди тех, кто отметил марийский язык (20 % ответов в выборке), подавляющее большинство – луговые марийцы, частично – внереспубликанские (преимущественно уроженцы Башкортостана) и ни одного горного марийца. Большинство опрошенных (представители всех субэтнических групп) было указано «два марийских языка» (56 % всех ответов) или «несколько (больше двух) марийских языков» (24 %).

Ключевые слова: *марийский язык, лугово-восточный марийский язык, горномарийский язык, литературный язык, юридический статус языка.*

Введение

Марийцы – автохтонное население Среднего Поволжья. До Октябрьской революции в отношении марийцев использовался экзоним «черемис», который до сих пор не имеет ясной этимологии. Этноним «мари», восходящий к марийскому корню, означавшему также «муж, человек, мужчина», вошел в употребление в русскоязычной литературе только в XX в. (Коведяева, Николаева, 2001: 274), что в более широком контексте было связано с подъемом национального самосознания, формированием в 1917 г. марийского движения «Мари Ушем», установлением Советской власти и образованием Марийской автономной области (республики) в 1920 г. (Иванов, Сануков, 2015: 215–239).

Вследствие ряда исторически обусловленных причин (Сепеев, 2006) (Козлова, 1978) сложилось два основных ареала проживания марийцев – первичный поволжский (средне-волжский) и вторичный приуральский (камско-уральский) (Сепеев, 2006: 112); контакты с соседствующими народами привели к формированию трех субэтнических групп марийцев – горных, луговых, восточных (Петров, 1994: 229) и выделению четырех наречий (диалектов) марийского языка (горное, луговое, восточное и северо-западное (Коведяева, Николаева, 2001: 277), последний идиом, при существовавшем ранее делении марийского языка на три диалекта (луговое, горное и восточное), входил в состав горного наречия

(Коведяева, 1987: 13), ныне, при самостоятельном бытовании в качестве особого диалекта, включает в себя особенности как горного, так и лугового наречий и распространен в Кировской области, отдельных районах Республики Марий Эл, в Нижегородской области (Ипакова, 2013: 115).

На территории Российской Федерации проживают 547 605 марийцев, из них 290 863 человека в Республике Марий Эл, составляя 41,8 % от ее населения (ВПН). Остальные марийцы (46,9 % от всего марийского населения РФ) проживают как компактными (в Башкортостане, Татарстане, Удмуртии, в Кировской, Свердловской, Нижегородской областях, Пермском крае), так и дисперсными группами во многих других регионах страны. В зависимости от места и особенностей расселения этнической группы на территории Российской Федерации (отдельное административно-территориальное образование, место компактного расселения) за ее этническим языком закрепляется тот или иной статус или, в случае дисперсного проживания группы, – не закрепляется. Статус марийского языка в качестве государственного наряду с русским языком закреплён в Конституции Республики Марий Эл (гл. I, ст. 15), а также в Законе «О языках в Республике Марий Эл» (гл. I, ст. 1). В местах компактного расселения (напр., Республики Башкортостан, Татарстан) марийский используется в сфере образования. В местах дисперсного расселения марийцев марийский язык может быть рассмотрен в качестве языка внутренней диаспоры (Агранат, Куцаева, 2020).

Социолингвистическое обследование проводилось автором статьи в 2019–2021 гг. в марийской диаспоре Московского региона; выборка составила сто респондентов первого поколения (выходцы из Республики Марий Эл, а также мест компактного проживания марийцев (Башкортостан, Татарстан, Кировская и Свердловская области) (см. табл. 1).

Таблица 1

Место рождения и проживания респондента на малой родине

Место рождения респондента	Доля респондентов, %
РМЭ, один из районов распространения лугового марийского	58
РМЭ, Горномарийский район, район распространения горномарийского	13
Республика Башкортостан	18
Республика Татарстан	3
Кировская область	5
Свердловская область	2
Районы дисперсного расселения марийцев	1

Общая цель проекта заключалась в выявлении и описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры: ранее были изучены такие аспекты, как межпоколенная передача марийского языка (Куцаева, 2021a), функции марийского языка в диаспоре (Куцаева, 2021b), вопрос языковой лояльности и этнической идентичности (Куцаева, 2020), проблема новых носителей марийского (Куцаева, 2021c). В этих и других работах обобщенно говорилось о марийском языке, поскольку проблема количества языков (два (горный и луговой) или один (марийский)) представлялась нерелевантной в рамках заданной тематики; между тем ответ на вопрос о количестве марийских языков остается неоднозначным как с лингвистической точки зрения (ср. (Ипакова, 2013) и (Кашкин, 2018)), так и с социолингвистической («государственными языками в Республике Марий Эл являются марийский (горный и луговой) и русский языки» (Конституция РМЭ) (Закон 1995 г.)). В этой связи несомненный научный интерес представляет ответ на вопрос о том, как марийские идиомы воспринимаются самими носителями марийского: сколько, по их

мнению, марийских языков. В целях решения данной задачи в рамках проекта автором был сформулирован отдельный вопрос относительно номинации марийских идиомов в представлении респондентов, выходцев из разных мест компактного расселения марийского этноса, в своей совокупности образующих репрезентативную выборку, отражающую генеральную совокупность в миниатюре.

В статье рассматривается, во-первых, проблема номинаций марийских идиомов (а значит, и вопрос количества марийских языков) в том виде, в котором они представлены в справочной и научной литературе советского и постсоветского периода (в зависимости от того или иного периода изменяется и интерпретация марийских идиомов); во-вторых, будет проведен анализ номинаций марийских идиомов по результатам опроса среди представителей марийской диаспоры Московского региона с обозначением ключевых факторов, влияющих на данные номинации.

Номенклатура марийских идиомов: обзор научной и справочной литературы

В силу исторических причин (подробнее см. (Иванов, 1975)) в марийском языке сложились две литературные нормы. Первые попытки создания единого литературного языка относятся к 1920 гг., однако вопрос о выборе диалектной основы литературного языка оказался непростым, поскольку его решение осуществлялось на фоне острой политической борьбы, развернувшейся между луговыми и горными марийцами в ходе образования и развития марийской автономии (так называемый «горномарийский вопрос») с требованием, в частности, предоставить Горномарийскому району особый статус в составе МАО или обеспечить его вхождение в состав Нижегородского края; в тот момент создание единой литературной нормы воспринималось горными марийцами в качестве «луговизации» или, по выражению В. А. Мухина, необходимости «переварить горных мари в луговом котле» (Сануков, 2013: 154–161). Характерно, что, несмотря на курс, взятый в 1929 г. на сохранение и развитие двух форм марийской письменности (Галкин, Сибатрова, 2013: 103), не было выработано четкой дефиниции относительно статуса горномарийского идиoma. К примеру, в 1937 г. в ходе проведения научной конференции по проблемам марийского языка (обсуждались, в частности, вопросы алфавита и орфографии двух литературных языков), редакторами материалов конференции в протоколе была зафиксирована формулировка «горно-марийское наречие». Впоследствии бюро обкома партии восстановило первоначальное решение делегатов и признало данный термин «неправильным и вредным» и постановило «считать, что в МАССР существуют два марийских языка: лугово-восточный и горно-марийский» (Сануков, 2013: 210). Попытки создания единой литературной нормы, предпринятые во второй половине 1920-х, как, впрочем, и в дальнейшем, в 1950-х и в 1990-х, не увенчались успехом (Галкин, Сибатрова, 2013: 103). Таким образом, факторы как лингвистического, так и экстралингвистического характера (в частности, политические устремления горных марийцев добиться признания особого статуса Горномарийского района, а значит, и статуса горномарийского языка как в 1920-х гг., так и в 1990-х гг., в период парада суверенитетов) влияли на номинации марийских идиомов.

Проведем краткий обзор научных и справочных источников советского и постсоветского периода, фиксирующих эти процессы.

В издании «Большой советской энциклопедии» (БСЭ) 1938 г. приводится следующее определение: «Марийский язык (в дореволюционной лингвистической литературе – «черемисский язык»), точнее марийские языки, распространены в Марийской АССР <...> Один из м. я. называется лугово-марийским, другой – горно-марийским, на обоих в 1926 году говорило 426.000 человек. Каждый из них имеет литературное оформление» (БСЭ, 1938: 138). В статье особым образом расставлены акценты: несмотря на то, что приводятся результаты

переписи населения 1926 г. по общему количеству носителей марийского языка и сама статья озаглавлена «Марийский язык», в конечном счете констатируется наличие двух языков. Заметную роль здесь сыграл и тот факт, что в августе 1929 г. в Йошкар-Оле перед участниками языковой экспедиции Н. Я. Марром была прочитана лекция с изложением тезиса о том, что горное и луговое наречия представляют собой два языка; перед марийскими лингвистами Н. Я. Марром была поставлена задача – разработать литературный язык «с использованием одинаково всех разновидностей марийского языка как равноценных его представительниц на различных ступенях развития» (Марр, цит. по (Иванов, 1975: 93). Развенчание марровского мифа о новом учении о языке пришлось на 1950 г. (подробнее см. (Алпатов, 2011), в связи с чем несколько изменилась и риторика высказываний, и оценка перспектив объединения двух литературных норм: «Учение Н. Марра особенно негативно сказалось на развитии литературного языка, а отдельные прямые высказывания Н. Марра служили основой для выделения двух марийских языков» (Иванов, 1975: 209), «на научной сессии 1953 г. большинство выступавших высказались за то, чтобы в основу единого общемарийского литературного языка положить лугово-восточный литературный язык», кроме того, были обсуждены «конкретные мероприятия, которые необходимо провести для подготовки условий к переходу в будущем на единый общенациональный литературный язык» (Исанбаев, 1959: 442), путь к языковому объединению, к единому литературному языку представлялся через создание единого письма (Иванов, 1975: 209–210). Данные изменения нашли отражение в статье, опубликованной в БСЭ в 1954 г.: «Марийский язык – язык народа мари (прежнее название – черемисы). <...> В марийском языке различаются 3 основных местных диалекта: горный, луговой и восточный, на базе которых выработаны две литературные нормы: горно-марийская и лугово-восточная марийская. Число говорящих свыше 481 тыс. чел. (1939)» (БСЭ, 1954: 283) и в цитируемой выше статье «Марийский язык» (Исанбаев, 1959).

Однако десятилетие спустя в авторитетном издании «Языки народов СССР» выходит статья «Марийские языки», при этом подглавы в статье располагаются не в алфавитном порядке: первой приводится статья по лугово-восточному марийскому языку (по-видимому, как более значимому и имеющему более мощную этнодемографическую базу) (Коведяева, 1966а), далее – материалы по горномарийскому языку (Коведяева, 1966б), при этом отмечается, что «на основе лугового и восточного наречий сформировался лугово-восточный марийский литературный язык, а на основе горного наречия – горномарийский литературный язык. Основное различие между этими языками наблюдается в области фонетики и лексики. Синтаксические же различия между ними незначительны. В каждом из этих языков есть несколько диалектов» (Коведяева, 1966а: 223–224). В 1974 г. очередное издание «Большой советской энциклопедии» содержит статью «Марийский язык»: в ней приводятся данные о местах компактного расселения марийцев, число говорящих по итогам переписи 1970 г., выделяются уже четыре наречия: луговое, восточное, горное и северо-западное, констатируется существование двух разновидностей «письменного марийского языка: лугово-восточный и горно-марийский» (Коведяева, 1974: 371). Авторству Е. И. Коведяевой принадлежит и другая статья того же периода «Марийский язык», с пометой в сноске: «Правоммерно и выражение “марийские языки”, когда речь идет о литературных языках, поскольку имеются отдельные горномарийский и лугово-восточный марийские литературные языки» (Коведяева, 1976: 3).

В начале 1990-х гг. открывается новая страница в истории номинаций идиомов марийского. На волне этнической мобилизации происходит подъем национальных движений, охвативших и автономные республики. В 1990 г. возрождается союз мари «Мари ушем», на учредительном съезде которого приоритетными задачами провозглашаются возрождение и развитие родного языка и культуры, в области языковой политики выдвигается задача

разработать и принять закон о языках с приданием марийскому языку статуса государственного, более того, отмечается необходимость признания горномарийского языка полноправным *литературным языком* (Кондрашкина, 2008: 76–77). В республиканских СМИ началось активное обсуждение проекта закона о языках. В очередной раз вскрылись противоречия между горными и луговыми марийцами. Полемика прежде всего коснулась вопроса о том, сколько же всего марийских языков: один или два? В проекте закона о языках, составленном проф. И. Г. Ивановым (луговым марийцем) и опубликованном в СМИ в 1991 г., горномарийский был назван вариантом марийского литературного языка, в ответ на это в 1992 г. вышла статья горномарийского языковеда Л. П. Васиковой, в которой постулировалось существование двух языков – «равнозначных, равновеликих (с лингвистической точки зрения)», но «самостоятельных в наиболее устойчивых областях внутренней системы языка: фонетической, фразеологической, сочетаемости слов». «Нет единого общего марийского языка (так распорядилась история). Есть два марийских литературных языка: лугомарийский и горномарийский. Если горномарийский язык – наречие, то точно таким же наречием (с точки зрения лингвистики) является лугомарийский. Почему же одному из наречий (луговосточному) присваивается статус государственного языка, а другому (горномарийскому) нет? Государственным может быть только нормированный (с литературными нормами) язык. Кроме разницы в демографической мощности (говорящих на горномарийском языке меньше, чем на лугомарийском, на лугомарийском говорят и восточные марийцы), нет других различий, по которым горномарийский в сравнении с лугомарийским не мог бы стать государственным» (Васикова, 1996: 110–115). Полемика относительно проблемы двух языков продолжилась и в последующие годы в столь же эмоциональном ключе: в частности, оппоненты Л. П. Васиковой указывали, что «горномарийская литературная норма по сравнению с луговосточной не может претендовать на роль общемарийского языка», «литературный язык горных марийцев базируется на обоих говорах», ввиду слабой демографической базы «горномарийская литературная норма не может считаться наддиалектной», тогда как «иную природу имеет лугово-восточный литературный язык. Он создан на основе моркинско-сернурского говора лугового наречия и языковых традиций восточных марийцев и является общеупотребительным для большинства марийцев». Наконец, несостоятельными представлялись авторам утверждения о том, что, во-первых, «марийские литературные языки – «равновеликие», поскольку «в отличие от лугово-восточного, по горномарийскому литературному языку, кроме орфографического словаря, нет других нормативных источников»; во-вторых, что они «равноправные» и «равновесные» (здесь не следует путать с их юридическим положением). Равноправными и равновесными могут быть только литературные языки, которые способны заменять друг друга функционально, распространяясь на одной и той же территории. Литературные языки у марийцев не являются таковыми» (Народы Поволжья и Приуралья, 2000: 203). Острая полемика, очевидно, не могла не повлиять на номинации марийских идиомов в научной литературе. В 1993 г. в серии «Языки мира» («Уральские языки») выходит статья «Марийский язык»: в разделе «Общие сведения» содержится информация о том, что существуют два литературных марийских языка. Вслед за основной статьей, касающейся марийского языка (априори подразумевается лугово-восточный вариант литературного марийского языка) (Коведяева, 1993а), приводится отдельный раздел «Горномарийский вариант литературного марийского языка» (Коведяева, 1993б).

Результатом непростого всенародного обсуждения языковых проблем стал Закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл», принятый Государственным Собранием Республики 21 октября 1995 г., согласно статье 1 гл. 1 которого государственными языками Республики Марий Эл были установлены марийский (горный и луговой) и русский языки (Закон, 1995). Соответственно, изменяются и номинации марийского

в научной литературе, во всяком случае в отношении количества идиомов. В 2001 г. в энциклопедии «Языки Российской Федерации и соседних государств» в алфавитном порядке приводятся уже две статьи: сначала статья «Марийский горный язык» (Грачева, 2001), затем статья «Марийский лугово-восточный язык» (правда, в самой статье авторы называют предмет своего исследования марийским языком, без уточнения, что это лугово-восточный, исключение составляет раздел, касающийся литературной нормы) (Коведяева, Николаева, 2001). В пределах одного научного издания горномарийский признается то отдельным языком: «М.Г.я. является литературным. Имеет статус государственного в своем регионе наряду с лугововосточным и русским», «по сравнению с луговым, в языке горных мари лучше сохранились древние черты, присущие финно-угорским языкам», «В М.Г.я. выделено два диалекта: горных марийцев, живущих на правом берегу Волги (*кырык мары* «горные марийцы»), и марийцев, живущих на левом берегу Волги (*кожла мары* «лесные марийцы»). В диалектах выделяются говоры, различия между которыми незначительны» (Грачева, 2001: 267): «В современном марийском языке различают четыре наречия (диалекта): луговое, восточное, горное и северо-западное» (Коведяева, Николаева, 2001: 277). В 2012 г. в БСЭ выходит статья «Марийские языки», автором приводится следующая номенклатура марийских идиомов: «название четырех наречий и двух литературных языков марийцев, относящихся к финно-волжским языкам. Горное и луговое наречия имеют литературные нормы: горно-марийский язык (на основе козьмодемьянского говора горного диалекта) и луговой марийский язык (на базе моркинско-сернурского диалекта), являющиеся государственными в Республике Марий Эл» (Кондрашкина, 2012: 125–126). Спустя всего несколько лет в энциклопедии «Язык и общество» этот же автор публикует статью «Марийский язык», в разделе «внутренняя структура языка», дает членение марийского на горный марийский язык и луговой марийский язык (Кондрашкина, 2016: 268–272). В настоящее время в трудах марийских исследователей фиксируется «марийский язык» (Ипакова, 2013), тогда как сотрудники проекта «Языки России» ИЯз РАН выделяют горномарийский язык с пометой «ранее объединялся вместе с лугово-восточным марийским языком в единый марийский язык» (Языки России).

Таким образом, номинация марийских идиомов зависела от категоризации горно-марийского идиома либо в качестве *диалекта (наречия)* марийского языка и была связана с усилиями по созданию единой нормы марийского литературного языка, либо в качестве самостоятельного языка и была обусловлена экстралингвистическими факторами политического характера.

Номинация марийских идиомов среди представителей марийской диаспоры Московского региона

В рамках проведенного автором статьи социолингвистического обследования респондентам, представителям всех субэтнических групп марийского этноса, в настоящее время проживающим на постоянной основе в Московском регионе и образующим внутреннюю диаспору, был задан вопрос относительно номинаций марийских идиомов. Более половины респондентов в выборке (56 %) указали на два марийских языка (горный и луговой), 24 % выразили мнение, что марийских языков «несколько: больше двух» и 20 % считают, что марийский язык – один.

Среди респондентов в выборке, указавших «один марийский язык», – 13 человек являются уроженцами Республики Марий Эл (районов распространения лугового марийского), семь человек – уроженцы мест компактного расселения марийцев (Республики Башкортостан, Татарстан и Свердловская область). Горных марийцев в данной группе не представлено. Под «одним» марийским языком респонденты подразумевают в том числе

и «единый» литературный язык, особенно те, кто изучал марийский язык в качестве профильного предмета в университете или институте (педагогические отделения факультетов марийской филологии). «Один, я считаю. Один литературный марийский язык. А остальные, у нас, получается, марийские наречия. Дialectы. Ну я знаю литературный, так как училась. Но, наверное, я так уже немножко подзабыла. Это ж надо практиковать! Практиковать каждый день. А в Башкирии, когда мы приезжаем туда на родину, у нас, естественно, свой диалект. Там слова отличаются от литературного марийского языка. Ну, потому что у нас больше заимствований с татарского языка. Вот поэтому. С мужем мы разговариваем не на литературном, конечно, – на своем!» (смеется) (№ 71, Ж., 47)¹. Отметим, что большинство респондентов, выразивших мнение, что марийский язык – один, являются луговыми марийцами. Главными аргументами, выдвинутыми опрошенными в подкрепление своей точки зрения, являются величина этнической группы и ее численное преобладание над горными марийцами, и как следствие – мощная демографическая база лугового марийского языка и общеупотребительность лугово-восточного литературного языка для большинства марийцев (Народы Поволжья и Приуралья, 2000: 203). «Марийский язык – он один, наверное, есть и диалекты. У нас даже в Республике Марий Эл есть горные и луговые марийцы, главные – это луговые мари. Тот район, где я родилась, – это луговые мари. У нас очень литературный язык» (№ 18, Ж., 34). «Я считаю, что все равно язык один, который все понимают. Это луговой, наверное. Потому что горномарийцы, конечно, когда разговаривают, я понимаю хорошо. А основной язык, естественно, – луговой, который все знают. Я считаю, что основа марийского – это луговых, а у горных это вот... диалект просто такой» (№ 104, М., 60). Бытование нескольких марийских языков некоторыми респондентами напрямую связывается с политическими настроениями 1990-х гг. «Ну, марийский язык, он вообще, по сути, – он один. Потом, значит, в 90-х годах, законодательно в Республике Марий Эл признали горномарийским языком горномарийский язык, но здесь лингвисты могут спорить, могут доказывать друг другу и то, и другое, и третье, пятое. Но я к этому отношусь следующим образом: это только, наверное, видимо, будущее окончательно покажет, докажет и поставит точку, есть ли язык второй или нет языка второго. Я к этому отношусь так: есть ли язык второй или нет языка второго – это есть все-таки диалектический момент! Точно так же, как есть, допустим, диалектический момент у северных марийцев, которые проживают в Кировской области, в Нижегородской, дальше, допустим, у тех марийцев, которые проживают в Пермском крае, в Свердловской области, в Башкирии. У них у всех есть свои диалектические особенности, они вызваны теми обстоятельствами, в которых они находятся. Тем окружением, где они находятся» (№ 101, М., 67).

О том, что марийских языков – несколько, больше двух, утверждают 24 % респондентов в выборке. В этническом отношении в данной группе представлены все субэтнические группы марийского этноса: десять луговых марийцев, девять уроженцев мест компактного проживания марийского этноса (пять из них являются уроженцами Башкортостана, остальные, незначительное число, – Свердловской и Кировской областей, Татарстана), пять уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл. Основанием для выделения нескольких марийских языков служит для респондентов разделение марийского этноса на несколько субэтнических групп. «Вот в Марий Эл мы вот так разговариваем: у нас есть луговые марийцы и горные марийцы. У нас уже отличается. И мы друг друга даже не понимаем, получается. И то же марийский язык! Дальше. Вот башкиры (марийцы, уроженцы Башкортостана, – прим. М. К.) – они тоже по-другому разговаривают. Удмурты (марийцы, уроженцы Удмуртии, – прим. М. К.) – тоже по-другому разговаривают. Понимаете? Вот

¹ Здесь и далее в скобках последовательно приводятся: 1) номер анкеты респондента; 2) пол респондента; 3) возраст респондента.

сколько у нас марийских языков получается! У каждого свой диалект, получается, у каждого своя культура – и тоже мари!» (№ 45, Ж., 35). «Сколько марийцев, столько и языков. Например, есть луговые мари. Мы более похожи на луговых мари. Есть горномарийцы. У горномарийцев язык немножко другой. Слова другие они применяются. Они по-другому немножко разговаривают. Мы *эрвел* мари, с Башкирии. Есть горные мари, есть луговые мари» (№ 72, М., 47). В этой группе также подчеркивалось (луговыми и восточными марийцами) доминирующее положение лугового марийского среди прочих марийских идиомов. «Больше, конечно, чем один! Для меня самый основной пласт – это луговые марийцы, это мы к ним относимся. Дальше идут горномарийцы. Горные. И дальше там уже пошли... я сама даже не знаю, и по-марийски – то они по-разному называются. Башкирские марийцы. Там еще где-то марийцы. И у нас у всех языки немного отличаются» (№ 53, Ж., 30). «Ну, Горномарийский район – это горномарийский марийский... Ну, три, наверное, основных. Горномарийский, потом наш луговой, который в Республике Марий Эл в основном, ну и башкирский марийский» (№ 80, Ж., 28). Основанием для выделения множества языков служил также критерий низкой взаимопонятности между идиомами. «Луговых абсолютно точно понимаем. К горным – прислушиваешься, да, я понимаю. С горными – на русский переходили, потому что, к сожалению, как-то вот не общались. С кировскими – это вот, видимо, пятый язык. Доводилось с ними общаться. Взять и Пермский край, у них там две деревни целиковые, обособленные, марийские, я с ними встречался, мы часто выезжали туда. И там у них две деревни языковые. Марийский. И вот у них уже тоже другая речь. И кировские – тоже другая речь, но они ближе к луговым, но их можно понять» (№ 106, М., 58). «Как минимум три. Горный, луговой и восточный. Потому что я горный и луговой, на своем опыте знаю, что это абсолютно разные языки, хотя есть там пара-тройка общих слов. Глобальная разница в том, что луговые марийцы меня просто не понимают! Наш ученый Васикова доказала, что горномарийский – это язык, а не диалект, это отдельно существующий язык. Уже ознакомившись с ее трудами, я это тоже поняла. У нас там общих слов четыре-пять-шесть. У нас даже понятия, допустим, местоимения – разные. Я училась в школе, знаю луговой язык, могу то же самое сказать на горномарийском, то есть абсолютно разные. У них умляюты на две гласные буквы, а у нас на всех! У них есть буква *н*, а у нас такой буквы нет. Меня, знаете, какой главный вопрос мучает давно: как мы оказались в одной республике? Как?» (№ 36, Ж., 28).

В целом в данной группе преобладает идея множественности марийских языков ввиду того, что респонденты связывают каждый идиом с той или иной субэтнической группой марийского этноса, распыленного на значительной территории Российской Федерации. Литературный язык, о котором говорили респонденты в первой группе и который служил для них основанием для выделения единого марийского языка, в данном случае представляет собой для респондентов искусственный конструкт. «Я вообще считаю, что есть энное количество. Есть же два литературных языка, это луговой и горный. А луговой еще имеет неисчислимо количество. В нашем Калтасинском районе мы, например, разговариваем так. В Мишкинский район придешь – там по-другому. В Шаранском районе, где марийцы живут, вообще половина слов марийских, половина татарских. И нас всех объединяет только литературный язык! Ну, пытается объединить» (№ 24, Ж., 61, Башкортостан).

Более половины опрошенных (56 % респондентов в выборке) полагают, что марийских языков два. Следует отметить, что в данной группе представлен следующий субэтнический состав: 35 человек являются луговыми марийцами, восемь респондентов – уроженцы Горномарийского района, 13 человек являются уроженцами мест компактного проживания марийского этноса (Кировская область и Башкортостан). Одни связывают наличие двух идиомов с юридическим статусом, закрепленным за горномарийским и луговым в Республике Марий Эл. «Вообще, как бы знают, общепринято, что есть луговой и горный.

Это государственные языки Республики Марий Эл» (№ 1, Ж., 27). По мнению других респондентов, деление марийского на два языка напрямую коррелирует с существованием двух субэтнических групп. «Два. Ну, вот марийцев различают на две группы, есть луговые марийцы и есть горные» (№ 9, Ж., 31). «Два языка. Там как бы есть горные марийцы и луговые» (№ 5, Ж., 56). «Насколько я знаю, их два. Это горные мари и луговые мари. Но у нас как бы луговые мари. Язык» (№ 46, М., 30). Другим основанием служит критерий взаимопонятности идиомов. «Его два. Есть такие, знаете, горные марийцы, которых я практически не понимаю, о чем они говорят. Да из-за слов! Там все – вообще! Просто, о чем там речь. Есть, конечно, очень схожие слова, если прислушиваться или долго общаться, ты, конечно, поймешь. За неделю, естественно, уже можно все выучить и понять, но когда это быстро происходит в каком-то транспорте и он стоит и на горномарийском разговаривает, я его вообще не понимаю» (№ 21, Ж., 41). «Низкая понимаемость у меня с луговыми. У них много слов, может, они из татарского взяты, не знаю. Каких-то диалектов. Я не понимаю их, на самом деле. Там какие-то слова есть пару, когда скажешь – они поймут, а все остальное уже не понимаешь. То есть... разрозненность какая-то есть в языках, нет такого, что... луговой мариец все поймет, что говорит горный мариец и наоборот» (№ 31, М., 36). «Я точно знаю, что их точно два. Потому что не понимают. На моей памяти, когда разговаривают горномарийцы и лугомарийцы, друг друга не понимают. Но мне вот даже отец рассказывал, что если горномариец и лугомариец чистокровные из деревни встретились и у них нет связующего русского языка, то вот больше половины... Ну как – все же обычно переводят, половину русских слов, половина марийских, и тогда уже понимание. А когда две бабушки марийские, одна с одной деревни, другая с другой встретятся, то понимания нет совсем» (№ 59, М., 41).

Приведем любопытные варианты номинаций и в некотором роде предубеждений, представленных в этой группе (выделено курсивом нами – прим. М. К.). «Я всегда с самого детства знал, что *марийский* именно *разделен на два лагеря* – ну, то есть для меня лично всегда было два марийских языка, как раз-таки это горные и луговые» (№ 42, М., 31). «Луговой и горномарийский. Потому что горномарийский язык немножко отличается. И *марийский* немножко отличается» (№ 22, Ж., 51). «Я жила в Моркинском районе, где *языком считается литературный язык*. Меня понять можно. И я понимаю. Не знаю, вот *горномарийский диалект* – он сложнее, но суть, о чем говорится, понимаю. *Диалект башкирских мари* – ну в принципе тоже какие-то слова могут быть мне непонятные, но я могу уточнить. А так – тоже я их понимаю. Лично для меня, *горномарийский – тоже считается государственным. А диалектов еще больше*» (№ 32, Ж., 37). «Потому что есть *луговой, есть горнолуговой*, ну еще я знаю есть какие-то уральские, но это, наверное, какие-то больше диалекты» (№ 69, Ж., 32). «*Горномарийский* есть еще язык, он отличается от вот *этого обычного языка*» (№ 77, Ж., 27). «Есть *горномарийский*, он крайне вообще отличается, я точно не могу сказать тем. Но на слух вообще отличается! И *марийский*» (№ 85, Ж., 30). «Два. Ну, так и есть – два. *Горномарийский язык* есть и *марийский*» (№ 99, М., 35). «Два марийских языка – точно знаю. Официально, я так считаю два марийских языка. То есть луговые марийцы и горные марийцы. Я – луговой. *В основном – это луговые марийцы. Горные марийцы – это горномарийский район у нас, один район остался*. Понимаю их, но очень тяжело понимаю» (№ 70, М., 28).

В заключение приведем сводную таблицу (табл. 2), в которой указано место проживания респондента на малой родине и число опрошенных в соответствующей группе, указавших на бытование одного, двух или нескольких (больше, чем двух) марийских идиомов. Ввиду значительного числа выходцев из Башкортостана в выборке, данная категория внереспубликанских марийцев была вынесена в отдельную графу в таблице.

Сводная таблица результатов опроса

Место проживания респондента на малой родине	Число респондентов в выборке	Один марийский язык	Два марийских языка	Несколько (больше двух) марийских языков
Республиканские марийцы (районы распространения лугового марийского)	58	13	35	10
Республиканские марийцы (районы распространения горного марийского)	13	—	8	5
Внереспубликанские марийцы (Республика Башкортостан)	18	5	8	5
Внереспубликанские марийцы (места компактного проживания марийцев: Татарстан, Кировская и Свердловская области)	11	2	5	4

Более половины луговых марийцев в выборке (56 %) выразили мнение, что марийских языков два, 20 % считают, что марийский язык один (при такой номинации горномарийскому, соответственно, приписывается категория диалекта), 24 % полагают, что марийских идиомов больше двух. Горномарийцы в большинстве своем (62 %) считают, что марийских языков два, а 38 % опрошенных (от общего числа горномарийцев в выборке) выразили мнение, что марийских языков больше двух. Примечательно, что ни один горномариец в выборке не утверждал, что марийский язык – один. По мнению уроженцев мест компактного проживания марийского этноса на территории Башкортостана, марийских языков – два (44 %), относительно бытования одного или, напротив, множества языков высказалось одинаковое число респондентов (28 % соответственно в каждой группе). Остальные представители внереспубликанских мари, вынесенных в общую группу ввиду незначительной их представленности в выборке, уверены, что марийских языков два (46 %) (соответственно, их собственный идиом инкорпорируется внутрь одного из названных ими языков), несколько – (36 %), а значит, их собственный идиом категоризируется в качестве языка. Всего 18 % опрошенных полагают, что марийский язык один.

Номинация марийских идиомов в выборке в большей мере обусловлена субэтнической принадлежностью респондентов.

Заключение

Таким образом, номинация марийских идиомов и, собственно, вопрос о количестве марийских языков напрямую коррелируют с категоризацией горномарийского идиома в качестве либо наречия (диалекта) марийского и тогда марийский идиом в своей совокупности представляется языком, либо в качестве самостоятельного языка, а значит, фиксируются два марийских языка. В большей степени это обусловлено экстралингвистическими факторами – политическими событиями на момент образования марийской автономии в 1920-х гг., а также событиями в начале 1990-х гг., в период так называемого «парада суверенитетов» и, в частности, преобразования Марийской АССР (с 1990 г. Марийской ССР) в Республику Марий Эл. В справочных источниках советского периода, фиксирующих один язык или, напротив, два языка, преимущественно подразумевались две литературные

нормы – горномарийская и лугово-восточная, усилия по объединению которых с целью создания единого литературного языка неоднократно и, впрочем, безуспешно предпринимались в 1920-х, 1950-х и 1990-х гг. Юридический статус, закрепленный за марийским языком в качестве одного из государственных наряду с русским в Республике Марий Эл, имеет довольно туманную формулировку в основном законе Республики Марий Эл: «марийский (горный и луговой)», что является в большей мере политическим компромиссом, итогом длительной политической борьбы за признание горномарийского идиoma в качестве языка, а не диалекта (наречия). При этом результаты социолингвистического опроса, который автор статьи провел в марийской диаспоре Московского региона, свидетельствуют о том, что более половины респондентов в выборке (56 %) полагают, что существуют два марийских языка (горный и луговой), 24 % выразили мнение, что марийских языков несколько: «больше двух», тогда как 20 % считают, что марийский язык – один. Номинация марийских идиомов в выборке в большей мере обусловлена субэтнической принадлежностью респондента и личным опытом общения с представителями других субэтнических групп, а не юридическим статусом, закрепленным за тем или иным идиомом.

Литература:

- Агранат Т. Б., Куцаева М. В.** Категоризация нескольких финно-угорских идиомов и языковая лояльность их носителей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 10 (839). С. 11–24.
- Алпатов В. М.** История одного мифа: Марр и марризм. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011.
- БСЭ 1938** – Марийский язык // Большая советская энциклопедия, Т. 38. М., ОГИЗ РСФСР, 1938. С. 138.
- БСЭ 1954** – Марийский язык // Большая советская энциклопедия, Т. 26. Изд. 2-е. М., Государственное научное издание «Большая советская энциклопедия», 1954. С. 283.
- Васикова Л. П.** Равенство подлинное и мнимое. О чем можно спорить и что принимать как должное [Всенародное обсуждение проекта закона о языках] // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. Ред. М. Н. Губогло. М., 1996. С. 109–116.
- ВПН 2010** – Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения 30.01.2022).
- Галкин И. С., Сибатрова С. С.** Марийский язык // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Издание 2-е, дополненное. Йошкар-Ола, 2013. С. 97–107.
- Грачева Ф. Т.** Марийский горный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3 томах. Т. II. М.: Наука, 2001. С. 266–274.
- Закон 1995** – Закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл» // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 2. Ред. М.Н. Губогло. М., 1996. С. 184–195.
- Иванов И. Г.** История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975.
- Иванов А. Г., Сануков К. Н.** История Марий Эл: учебное пособие. Йошкар-Ола, 2015.
- Ипакова М. Т.** Диалекты марийского языка // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Издание 2-е, дополненное. Йошкар-Ола, 2013. С. 108–116.
- Исанбаев Н. И.** Марийский язык // Младописьменные языки народов СССР. М., Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 439–454.
- Кашкин Е. В.** Полевое изучение восточных говоров горномарийского языка: лингвистическая экспедиция МГУ // XVII Игнатъевские чтения: материалы докладов и выступлений на ежегодной региональной научно-практической конференции "Горные мари в поликультурном пространстве". Йошкар-Ола, 2018. С. 3–12.
- Коведяева Е. И.** Лугово-восточный марийский язык // Языки народов СССР. Т. III Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966а. С. 221–240.
- Коведяева Е. И.** Горномарийский язык // Языки народов СССР. Т. II Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966б. С. 241–254.
- Коведяева Е. И.** Марийский язык // Большая советская энциклопедия, Т.15. М. Изд-во «Советская энциклопедия», 1974. С. 371.
- Коведяева Е. И.** Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976. С. 3–96.

- Коведяева Е. И.** Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (марийский язык). М.: Наука, 1987.
- Коведяева Е. И.** Марийский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993а. С.148–164.
- Коведяева Е. И.** Горномарийский вариант литературного марийского языка // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993b. С.164–173.
- Коведяева Е. И., Николаева И. А.** Марийский луговосточный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II. М., 2001. С. 274–283.
- Козлова К. И.** Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
- Кондрашкина Е. А.** Динамика функционального развития марийского языка. М.: ИЯ РАН, 2008.
- Кондрашкина Е. А.** Марийский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2016. С. 268–272.
- Конституция** – Конституция Республики Марий. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_mariy/chapter/d60e93439c93a0a5348ed8181732bb33/ (дата обращения 30.01.2022).
- Куцаева М. В.** Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020, 2. С. 124–150.
- Куцаева М. В.** Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021а. Вып. 3 (33). С. 49–58.
- Куцаева М. В.** Функции этнического языка в марийской диаспоре Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021b. Вып. 4 (34). С. 58–72.
- Куцаева М. В.** Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021. С. 5–34.
- Народы Поволжья и Приуралья.** Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000.
- Петров В. Н.** Марийцы // Народы России: энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 229–231.
- Сануков К. Н.** Из истории Марий Эл: страницы известные и неизвестные: сб. науч. ст. Йошкар-Ола, 2013.
- Сепеев Г. А.** История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006.
- Языки России.** Институт языкознания РАН. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_concept2020.shtml (дата обращения 17.01.2022).

Куцаева Марина Васильевна.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник группы финно-угорских языков отдела урало-алтайских языков.

Институт языкознания РАН.

Пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, г. Москва, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 28 апреля 2022 г.

M. V. Kutsaeva

On the problem of nomenclature of Mari idioms

The article discusses the nomenclature and classification of Mari idioms, which are recognized as one of the state languages in the Republic of Mari El alongside Russian. While some researchers believe that there is only one Mari language, others argue that there are multiple Mari languages. The article reviews the various names given to Mari idioms in Soviet and post-Soviet literature and concludes that the categorization of Hill Mari as a dialect or an independent language has largely been influenced by political factors, such as the desire of Hill Maris to have their idiom recognized as a separate language rather than a dialect. The author also conducted a sociolinguistic survey in a Moscow region Mari diaspora to determine how Mari speakers perceive their idioms. The survey found that the nomination of Mari idioms is largely based on the respondent's sub-ethnic identity and personal experience with members of other sub-ethnic groups, rather than the legal status of the idioms. The majority of respondents (56 %) indicated that there are “two Mari languages” while 24 % believed there are “several (more than two) Mari languages”. Only 20 % of respondents identified Mari as a single language, and this group was largely composed of Meadow Maris and natives of Bashkortostan.

Keywords: *Mari language, Meadow-Eastern Mari language, Hill Mari language, literary language, legal status of the language.*

References:

- Agranat T. B., Kutsaeva M. V.** Kategorizatsiya neskol'kih finno-ugorskih idiomov I yazykovaya loyal'nost' ih nositelej [Categorization of Several Finno-Ugric Idioms and Language Loyalty of their Native Speakers] // Vestnik MGLU [Vestnik of Moscow State Linguistic University]. 2020. №10 (839). P. 11 – 24. (In Russian).
- Alpatov V. M.** Istoriya odnogo mifa: Marr I marrizm [History of one myth: Marr and marrism]. Moscow, Editorial URSS, 2011. (In Russian).
- BSE 1938** – Marijskij yazyk [Mari language] // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia], Vol. 38. Moscow, 1938. P. 138. (In Russian).
- BSE 1954** – Marijskij yazyk [Mari language] // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia], Vol. 26. Moscow, 1954. P. 283. (In Russian).
- Galkin I. S., Sibatrova S. S.** Marijskij yazyk [Mari language] // Marijtsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Maris. Historical-ethnographic outlines]. Yoshkar-Ola, 2013. P. 97–107. (In Russian).
- Gracheva F. T.** Marijskij gornyj yazyk [Mari Hill language] // Yazyki Rossijskoj Federatsii i sosednih gosudarstv. Entsiklopediya v 3-h tomah. [Languages of the Russian Federation and neighbouring states. Encyclopedia in 3 volumes]. Vol. II. M., Nauka, 2001. P. 266 – 274. (In Russian).
- Ipakova M. T.** Dialekty marijskogo yazyka [Dialects of Mari language] // Marijtsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Maris. Historical-ethnographic outlines]. Yoshkar-Ola, 2013. P. 108–116. (In Russian).
- Isanbaev N. I.** Marijskij yazyk [Mari language] // Mladopis'mennye yazyki narodov SSSR [Newly written languages of the peoples of the USSR]. Moscow, Leningrad, 1959. P. 439–454. (In Russian).
- Ivanov A. G., Sanukov K. N.** Istoriya Marij El: uchebnoe posobie [History of Mari El: a manual]. Yoshkar-Ola, 2015. (In Russian).
- Ivanov I. G.** Istoriya marijskogo literaturnogo yazyka [History of Mari literary language]. Yoshkar-Ola, 1975. (In Russian).
- Kashkin E. V.** Polevoe izuchenie vostochnyh govorov gornomarijskogo yazyka: lingvisticheskaya ekspeditsiya MGU [Field study of eastern dialects of Hill Mari language: MSU linguistic expedition] // XVII Ignat'evskie chteniya. Materialy dokladov I vystuplenij [XVII Ignatiev's readings. Materials of reports and presentations]. Yoshkar-Ola, 2018. P. 3–12. (In Russian).
- Kondrashkina E. A.** Dinamika funktsional'nogo razvitiya marijskogo yazyka [Dynamics of functional development of Mari language]. Moscow, 2008. (In Russian).
- Kondrashkina E. A.** Marijskij yazyk [Mari language] // Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya [Language and society. Encyclopedia]. Moscow, 2016. P. 268 – 272. (In Russian).
- Konstitutsiya** – Konstitutsiya Respubliki Marij El [The Constitution of the Republic of Mari El]. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_marij/chapter/d60e93439c93a0a5348ed8181732bb33/. (accessed 30.01.2022). (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Lugovo-vostochnyj marijskij yazyk [Meadow – Eastern Mari language] // Yazyki narodov SSSR. T.III Finno-ugorskie i samodijskie yazyki [Languages of the Peoples of the USSR. Vol. III. Finno-Ugric and Samoyedic languages]. Moscow, 1966a. P. 221–240. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Gornomarijskij yazyk [Hill Mari language] // Yazyki narodov SSSR. T.III Finno-ugorskie i samodijskie yazyki [Languages of the Peoples of the USSR. Vol. III. Finno-Ugric and Samoyedic languages]. Moscow, 1966b. P. 241–254. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Marijskij yazyk [Mari language] // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia], Vol. 15. Moscow, 1974. P. 371. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Marijskij yazyk [Mari language] // Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Marijskij, permskie i ugarskie yazyki [Basics of Finno-Ugric linguistics. Mari, Perm and Ugric languages]. Moscow, 1976. P. 3–96. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (marijskij yazyk) [Areal studies on eastern Finno-Ugric languages (Mari language)]. M., Nauka, 1987.
- Kovedyayeva E. I.** Marijskij yazyk [Mari language] // Yazyki mira: Ural'skie yazyki [Languages of the world: Uralian languages]. Moscow, Nauka, 1993a. P. 148–164. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Gornomarijskij variant literaturnogo marijskogo yazyka [Hill Mari variant of literary Mari language] // Yazyki mira: Ural'skie yazyki [Languages of the world: Uralian languages]. Moscow, Nauka, 1993b. P. 164–173. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I., Nikolayeva I. A.** Marijskij lugovovostochnyj yazyk [Mari Meadow-eastern language] // Yazyki Rossijskoj Federatsii i sosednih gosudarstv. Entsiklopediya v 3-h tomah. [Languages of the Russian Federation and neighbouring states. Encyclopedia in 3 volumes]. Vol. II. Moscow, Nauka. P. 274 – 283. (In Russian).
- Kozlova K. I.** Ocherki etnicheskoy istorii marijskogo naroda [Outlines of Mari people's ethnic history]. Moscow, 1978. (In Russian).

Kutsaeva M. V. Marijtsy Moskvyy: etnicheskaya identichnost' i yazykovaya loy'al'nost' v usloviyah vnutrennej diaspor [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty] // Rodnoj Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal [Native language. Linguistic journal]. 2020. № 2. P. 124–150. (In Russian).

Kutsaeva M. V. Rannee osvoenie etnicheskogo yazyka v marijskoj diaspole moskovskogo regiona [Early language acquisition in Moscow region Mari diaspora] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021a. 3 (33). P. 49–58. (In Russian).

Kutsaeva M. V. Funktsii etnicheskogo yazyka v marijskoj diaspole moskovskogo regiona [Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of the Moscow region] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021b. 4 (34). P. 58–72. (In Russian).

Kutsaeva M. V. Novye nositeli marijskogo kak faktor vital'nosti etnicheskogo yazyka v diaspole [New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality] // Rodnoj Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal [Native language. Linguistic journal]. 2021c. 2. P. 5–34. (In Russian).

Narody Povolzh'ya i Priural'ya – Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Komi-zyryane. Komi-permyaki. Marijtsy. Mordva. Udmurty [Peoples of the Volga and the Urals region. Komi-Zyryans. Komi-Permians. Maris. Mordovians. Udmurts]. Moscow, 2000. (In Russian).

Petrov V. N. Marijtsy [Maris] // Ed. Tishkov V. A. Narody Rossii: entsiklopediya [Peoples of Russia: encyclopedia]. Moscow, 1994. P. 229–231. (In Russian).

Sanukov K. N. Iz istorii Marij El: stranitsy izvestnye i neizvestnye: sbornik nauchnyh statej [From the history of Mari El: pages known and unknown: a collection of papers]. Yoshkar-Ola, 2013. (In Russian).

Sepeyev G. A. Istoriya rasseleniya marijtsev [History of Maris' settlement]. Yoshkar-Ola, 2006. (In Russian).

Vasikova L. P. Ravenstvo podlinnoe i mnimoe. O chem možno sporit' i chto prinimat' kak dolzhnoe [Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta zakona o yazykah]. [Real and false equality. What can be argued about or taken for granted [Public discussion of a Law on Languages]] // Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Mari El [The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience]. Ed. M. N. Guboglo. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 109–116. (In Russian).

VPN 2010 – Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda [The 2010 All-Russian Census]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04—07.pdf. (30.01.2022). (In Russian).

Yazyki Rossii [Languages of Russia]. Institute of Linguistics RAS. http://jazykif.iling-ran.ru/list_concept2020.shtml (accessed 17.01.2022). (In Russian).

Zakon 1995 – Zakon Respubliki Marij El «O yazykah v Respublike Marij El» [Law of the Republic of Mari El “On the languages in the Republic of Mari El”] (1995). Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Mari El [The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience]. Ed. M. N. Guboglo. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 184–195. (In Russian).

Kutsaeva Marina Vasilievna.

Candidate of philological sciences.

Research fellow group for Finno-Ugric languages, department of Ural-Altaic languages

RAS, Institute of Linguistics.

B. Kislovskij lane, 1, build.1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Д. Д. Мордашова

СТРАТЕГИИ ВЫРАЖЕНИЯ ЖЕЛАНИЯ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Анализируется семантическая зона желания в горномарийском языке (< уральская семья) с фокусом на две основные стратегии его выражения: синтетическую, т. е. с помощью формы деизидератива с суффиксом *-ne*, и аналитическую, т. е. с помощью конструкции *NMLZ + šoež* ('достигать-NPST.3SG'). Последовательно описываются семантические и морфосинтаксические свойства волитивных конструкций. Семантика конструкций анализируется с точки зрения введения шкалы альтернатив, одна из которых (выраженная лексическим глаголом) является наиболее предпочтительной для субъекта в настоящий момент. Конструкция с деизидеративным суффиксом при этом имеет дополнительный семантический компонент, связанный с готовностью субъекта к инициативным действиям для реализации желания и контролем над дальнейшим сценарием развития событий. Выводы подтверждаются как нашими полевыми данными, так и материалом корпуса текстов.

С точки зрения морфосинтаксиса аналитическая конструкция, в силу наличия в ее структуре спрягаемого глагола, обладает большей свободой выражения ТАМ-категорий. В частности, она не имеет ограничений на временную референцию, тогда как деизидеративная форма совместима только с прошедшим и настоящим временем. Кроме того, аналитическая конструкция допускает любой аспект-уальный контекст, в то время как деизидеративная форма не совместима с инхоативным прочтением. Кодирование субъекта желаемой ситуации при разносубъектном желании у обеих конструкций совпадает с точностью до контекстов с одноместными предикатами, где деизидеративная конструкция допускает (хотя и ограниченно) дативное маркирование наряду с аккузативным.

Типологически близкие корреляты горномарийской аналитической конструкции обнаруживаются и в других языках Поволжья: уральских (луговым марийском, мокшанском, удмуртском) и тюркских (татарском, башкирском, чувашском). Выдвигается гипотеза о контактном происхождении данной конструкции под влиянием тюркских языков, где конструкция данного типа имеется и за пределами рассматриваемого ареала (ср. турецкий). В описаниях ряда языков других групп (угорской и самодийской) уральской семьи, а также коми языка, входящего в группу пермских языков вместе с удмуртским, но не распространенного в Поволжье, упоминаются стратегии с финитным волитивным глаголом 'хотеть' или с деизидеративным аффиксом, а аналитическая конструкция с грамматикализированным глаголом движения не зафиксирована.

Ключевые слова: волитивность, шкала альтернатив, семантика, морфосинтаксис, ареальная типология, горномарийский язык, уральские языки.

Введение

Статья посвящена исследованию семантической зоны желания в горномарийском языке, относящейся к уральской семье. В фокусе внимания находятся деизидеративные контексты, т. е. контексты, в которых выражается желание субъекта ситуации. Согласно терминологии (Добрушина, 2009), они противопоставлены контекстам другого типа – оптативным, выражающим желание говорящего, вне зависимости от того, является ли субъектом в клаузе сам говорящий или другое лицо. Некоторые горномарийские конструкции с оптативным значением описаны в (Zakirova, 2017, 2018). Мы не будем касаться этого фрагмента зоны желания.

Наш материал собран в ходе полевой работы в с. Кузнецово (Горномарийский р-н, Республика Марий Эл) и окрестных деревнях (Тюманово, Апшак-Пеляк, Яшпатрово, Кожланангер) в 2018–2019 гг. Данные были получены преимущественно методом анкетирования информантов. Кроме того, мы используем данные корпуса текстов, записанных коллективом экспедиции (ок. 63,5 тыс. словоупотреблений)².

В горномарийском языке имеются две базовые стратегии выражения желания: синтетическая и аналитическая. Первая выражается формой деизидеративного (желательного в терминологии (Саваткова, 2002: 193–195); см. также (Alhoniemi, 1993: 118–122)) наклонения с суффиксом *-ne* и рядом лично-числовых показателей, согласующихся с субъектом (1).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00285, <https://rscf.ru/project/22-18-00285>

² Корпус доступен на сайте Горномарийской экспедиции МГУ: <https://hillmari-exp.tilda.ws>

- (1) *tădă* *mâră-ne-žă*.
он *петь-DES-3SG*
'Он хочет петь'.

Вторая стратегия представляет собой конструкцию с грамматикализированным глаголом *šoăš* 'достигать', стоящим в форме 3SG непрошедшего времени (*šoėš*) или претерита (*šon*) и присоединяющим лексический глагол в форме номинализации на *-mă* (2). Отметим, что претерит в (2b) имеет не вполне стандартную временную референцию, поскольку может соотноситься как с планом прошедшего, так и с планом настоящего. Номинализация факкультативно присоединяет показатель посессивности, согласующийся с субъектом. Субъект оформляется генитивом.

- (2) a. *tădă-n* *mâră-mă-žă* *šo-eš*.
он-GEN *петь-NMLZ-POSS.3SG* *достигать-NPST.3SG*
'Ему хочется петь'.
- b. *tădă-n* *mâră-mă-žă* *šo-n*.
он-GEN *петь-NMLZ-POSS.3SG* *достигать-PRET*
'Ему хочется/хотелось петь'.

В грамматических описаниях не упоминается аналитическая конструкция типа (2), однако ее частотность в экспедиционном корпусе текстов приближается к частотности синтетического способа выражения желания (20 конструкций с *šoėš* против 29 с деизидеративом).

В следующих разделах мы проведем сопоставление воликативных стратегий типа (1) и (2) по семантическим (раздел 1) и морфосинтаксическим (раздел 2) параметрам. В разделе 3 будут рассмотрены некоторые типологические параллели конструкции типа (2) в других языках. В Заключение подводятся итоги.

1. Семантика

Как утверждается в (Khanina, 2008), типологически деизидеративные формы часто являются многозначными: в дополнение к собственно воликативному значению они могут выражать значения из зоны модальности (долженствование, внутреннюю возможность и др.) и ментально-эмотивные значения ('нравиться', 'думать' и т. п.). В значении горномарийских воликативных конструкций подобных компонентов не обнаруживается, поэтому как-либо противопоставить их по степени полисемичности не удастся.

Исходная гипотеза состоит в том, что противопоставление между конструкцией с деизидеративом и NMLZ + *šoėš* приблизительно соответствует противопоставлению между русскими предикатами *хотеть* и *хотеться*, на что указывают и сами носители, комментируя предложения с ними. В (Апресян (ред.), 2004: 1248) о глаголе *хотеть* говорится, что он обозначает «наиболее типичное желание – от средней до высокой степени интенсивности, не опосредствованное ни эмоциями, ни умом, реалистичное (и реализуемое в обозримое время) или фантастическое». В отличие от своего синонима *желать*, *хотеть* предполагает готовность субъекта прилагать, согласно (Апресян (ред.), 2004: 1248), усилия для реализации желания, имеет тесную связь с намерением. В случае с *хотеться*, напротив, «желание рассматривается как результат действия какой-то силы, присутствие которой человек ощущает в себе» (Апресян (ред.), 2004: 1254). Так, в предложении *Ему хотелось учиться живописи* описывается «ощущение наличия желания, которое может рассматриваться как не вполне реалистичное и не поддержанное волей воплотить его» (Апресян (ред.), 2004: 1255). Таким образом, глагол *хотеть* коррелирует с более высокой степенью агентивности,

обозначает более контролируемое желание, чем глагол *хотеться*, у которого низкая степень агентивности коррелирует с формально пониженной переходностью посредством постфикса *-ся*.

Эмпирические данные о сочетаемости глаголов *хотеть* и *хотеться* приводятся в корпусном исследовании (Bonch-Osmolovskaya, 2015). В этой работе выявляются три группы предикатов, тяготеющих к сочетанию либо с *хотеть*, либо с *хотеться*, а также группа, не обнаруживающая явных предпочтений в ту или другую сторону. Например, в «номинативную группу» попадают глаголы *сказать*, *знать*, *жениться* и др.; в «дательную группу» – глаголы *верить*, *увидеть*, *пить* и др. В третьей группе оказываются предикаты *быть*, *брать*, *жить*, *делать*, *услышать* и др. Как можно видеть, предикаты каждой из групп гетерогенны как в отношении семантического класса, так и в отношении параметра контролируемости (одной из гипотез в цитируемой работе было тяготение более агентивных глаголов к сочетанию с *хотеть*, а менее агентивных – с *хотеться*).

Горномарийские данные, которыми мы располагаем, не сопоставимы с объемом данных НКРЯ, которые анализирует А. А. Бонч-Осмоловская, однако по имеющемуся корпусу текстов не прослеживается сколько-нибудь жестких тенденций в сочетаемости конкретных предикатов с одной из волитивных стратегий (табл. 1). Отмечается только два глагола,

Таблица 1

**Статистика сочетаемости волитивных стратегий с горномарийскими предикатами
(по корпусу)**

Дезидератив	Число вхождений	NMLZ + <i>šoeš</i>	Число вхождений
<i>ālaš</i> ‘быть’	5	<i>kačkaš</i> ‘есть’	5
<i>kačkaš</i> ‘есть’	2	<i>kārgāžtalaš</i> ‘бегать’	3 (в одном тексте)
<i>liäš</i> ‘становиться’	2	<i>kaštaš</i> ‘ходить’	2
<i>jüäš</i> ‘пить’	1	<i>šädäräš</i> ‘прясть’	2 (в одном тексте)
<i>päläš</i> ‘знать’	1	<i>vazaš</i> ‘ложиться’	1
<i>koläštaš</i> ‘слушать’	1	<i>čičäš</i> ‘надевать’	1
<i>lāktaš</i> ‘извлекать’	1	<i>keäš</i> ‘идти’	1
<i>čüktäktäš</i> ‘заставлять включать’	1	<i>siräš</i> ‘писать’	1
<i>šänzäš</i> ‘сидеть’	1	<i>sirältäš</i> ‘писать’	1
<i>kelesäš</i> ‘говорить’	1	<i>māraš</i> ‘петь’	1
<i>šajäštaš</i> ‘говорить’	1	<i>šäpšaš</i> ‘тянуть (о сигарете)’	1
<i>manaš</i> ‘говорить’	1	<i>rovotajaš</i> ‘работать’	1
<i>šäškäläš</i> ‘зарезать’	1		
<i>kodaš</i> ‘оставаться’	1		
<i>käčäš</i> ‘держат (ловить)’	1		
<i>urdaš</i> ‘держат (о животных)’	1		
<i>keäš</i> ‘идти’	1		
<i>törläš</i> ‘лечить’	1		
<i>samlaš</i> ‘полотить’	1		
<i>namalaš</i> ‘нести’	1		
<i>užaš</i> ‘видеть’	1		
<i>strojäktaš</i> ‘каузировать строить’	1		
<i>äštäš</i> ‘делать’	1		

(3) *kek-əm* *kăčă-ne-m* *man-eš*.
птица-ACC держать-DES-1SG говорить-NPST.3SG
'«Птицу хочу поймать», – говорит'. [Корпус: «Пересказ мультфильма "Жил-был пес"», 27]

- В корпусе встретились также отдельные экспериенциальные (*kolâštaš* ‘слушать’, *päläš* ‘знать’, *užāš* ‘видеть’) глаголы, маркированные показателем деизидератива, см. (5)–(6).

- 72 —

маркирует деонтическую модальность, при которой желание вызвано необходимостью субъекта изменить свое текущее состояние (неконтролируемое желание трактуется как внутренняя необходимость).

Все три гипотезы в цитируемой работе в той или иной степени работают на корпусном материале и дополняют друг друга, поэтому достаточно сложно выделить один конкретный параметр противопоставления между предикатами. В настоящей статье предлагается ввести менее параметрически нагруженное противопоставление, отталкиваясь от скалярного семантического представления волитивных предикатов. Такое представление было предложено в (Heim, 1992), где семантика предикатов желания определяется через введение шкалы альтернатив, доступных для субъекта желания в текущий момент (ср. дальнейшее применение сходной трактовки в (von Fintel, 1999; Hacquard, 2006)). Доступные альтернативы ранжированы на шкале по степени предпочтительности и приемлемости для субъекта. Предикаты желания, по мысли И. Хайм, вводят в рассмотрение наиболее предпочтительную для субъекта альтернативу по сравнению с другими возможными. В таком случае предложение *Валентин хочет уехать в Бразилию* означает, что, по мнению Валентина, если его отъезд в Бразилию состоится, он окажется в более предпочтительном мире, нежели тот мир, в котором он не уехал в Бразилию⁴.

Мы предполагаем, что такое семантическое представление релевантно и для горномарийских волитивных конструкций. Однако, как будет показано ниже, в случае с дезидеративом предполагается наличие дополнительного семантического компонента: приложение субъектом усилий для достижения более предпочтительной альтернативы путем контроля над дальнейшим сценарием действий. Для конструкции NMLZ + *šoeš* это необязательно: ср. (8), где субъект предпринимает действия для достижения желаемого, и (9), где утверждается только наличие желания, которое субъект не может реализовать.

- (8) *ikänä kot'i-n kač-mâ-žâ šo-n dä mügrep-äškä*
 однажды кошка-GEN есть-NMLZ-POSS.3SG достигать-PRET *u* погреб-ILL
patâl kačk-aš val-en.
 сметана есть-INF спускаться-PRET
 'Один раз коту захотелось есть, и он спустился в погреб есть сметану'. [Корпус: «Сказка о животных», 4].

- (9) *ände kač-mâ paštek rovotajâ-mâ-ž=at a-k*
 теперь есть-NMLZ после работать-NMLZ-POSS.3SG=ADD NEG.NPST-3
šo, vac-mâ vel šo-eš.
 достигать ложиться- только достигать-NPST.3SG
 NMLZ

'Теперь после еды работать не хочется, только полежать хочется'. {Пахта и лапша начинают бродить в желудке. Что мужику делать? Ой живот болит, ой живот болит! Почему я съел одну кадушку! Вот побежали за кусты. Только обратно придут, надо опять идти за кусты.} [Корпус: «Луга», 19].

Наше предположение о различии двух конструкций, основанном на введении компонента готовности предпринимать дальнейшие действия, подтверждается анкетированием. В (10a) употребление формы дезидератива, судя по комментариям носителей,

⁴ Формально-семантический анализ модальных выражений (в т. ч. близких к ним выражений с семантикой желания) строится на понятии возможного мира как некоторого мыслимого положения дел, которое служит альтернативой нашему (действительному) миру (подробнее об использовании этого понятия в логике и философии см. (Lewis, 1986; Perry, 1998)).

связано с твердым настроем говорящего. Конструкция NMLZ + *šoaš* в (10b) ничего не сообщает о намерении говорящего, а лишь утверждает наличие желания: согласно комментариям носителей, поездка в Америку может не состояться, говорящий может передумать и т. п.

- (10) a. *mән'* *käzät=ok* *am'er'ikä-škä* *ke-ne-m.*
я сейчас=EMPH Америка-ILL идти-DES-1SG
'Я сейчас же хочу ехать в Америку' {и поеду}.
- b. *mән'-ән* *käzät=ok* *am'er'ikä-škä* *ke-m-em* *šo-eš.*
я-GEN сейчас=EMPH Америка-ILL идти-NMLZ-POSS.1SG достигать-NPST.3SG
'Сейчас мне хочется поехать в Америку'.

Таким образом, горномарийский дезидератив обозначает не просто абстрактное желание, а практически интенцию субъекта; его употребление свидетельствует о наличии у субъекта контроля (или стремлении получить таковой) над последующей серией действий для реализации желаемого. Показательны и примеры с агентивным глаголом (*ädäräm marlan*) *näläš* 'жениться/выйти замуж' и пациентивным глаголом *mägäräš* 'плакать'. С глаголом 'жениться/выйти замуж' допустимы обе конструкции (11), но в контексте, предполагающем, что субъект готов активно действовать ради реализации желаемого (например, пойти расписаться в ЗАГСе), предпочтительна дезидеративная конструкция (12). С глаголом 'плакать', напротив, употребление дезидератива не вполне уместно, и предпочтение отдается конструкции NMLZ + *šoaš* (13).

- (11) a. *mән'* *ädär-äm* *näl-ne-m.*
я девушка-ACC брат-DES-1SG
- b. *mән'-ән* *ädär-äm* *näl-m-em* *šo-eš.*
я-GEN девушка-ACC брат-NMLZ-POSS.1SG достигать-NPST.3SG
'Я хочу жениться'.
- (12) a. *mән'* *tән'-äm* *mar-lan* *näl-ne-m,* *ajda* *zags-äš* *ke-nä.*
я ты-ACC мужчина-DAT брат-DES-1SG айда загс-ILL идти-NPST.1PL
- b. *??mән'-ән* *tән'-äm* *mar-lan* *näl-m-em* *šo-eš,*
я-GEN ты-ACC мужчина-DAT брат-NMLZ-POSS.1SG достигать-NPST.3SG
ajda *zags-äš* *ke-nä.*
айда загс-ILL идти-NPST.1PL
'Я хочу выйти за тебя замуж, пойдём в ЗАГС'.
- (13) a. *mән'-ән* *mägärä-m-em* *šo-eš.*
я-GEN плакать-NMLZ-POSS.1SG достигать-NPST.3SG
- b. *??mән'* *mägärä-ne-m.*
я плакать-DES-1SG
'Мне хочется плакать'.

Связь дезидеративной формы с намерением подтверждается и контекстами типа (14), где более агентивный дезидератив противопоставляется конструкции NMLZ + *šoaš*.

- (14) *mән'* *paškudä* *sola-škä* *ke-n* *tol-ne-m,* *dä* *käzät*
я сосед деревня-ILL идти-CVB приходить-DES-1SG да сейчас
ke-m-em *a-k* *šo.*
идти-NMLZ-POSS.1SG NEG.NPST-3 достигать
'Я собираюсь дойти до соседней деревни, но сейчас идти не хочется'.

Если в предложении высказывается желание субъекта, не связанное с его непосредственными намерениями, например, относящееся к мечте в отдаленном будущем (15), то в большинстве идиолектов допустимы обе волитивные конструкции, с чуть бóльшим «перевесом» предпочтений носителей в пользу конструкции NMLZ + *šoaš*.

- (15) a. *kānam* *gān'=ät* *lu* *i* *ertä-mäkä* *mān'-än* *am'er'ikā-škä*
 когда если=ADD десять год проходить-CVB.ANT я-GEN Америка-ILL
ke-m-em *šo-eš*.
 идти-NMLZ-POSS.1SG достигать-NPST.3SG
 б. *ʔkānam* *gān'=ät* *lu* *i* *ertä-mäkä* *mān'* *am'er'ikā-škä*
 когда если=ADD десять год проходить-CVB.ANT я Америка-ILL
ke-ne-m.
 идти-DES-1SG
 'Когда-нибудь через 10 лет я хочу поехать в Америку'.

Возвращаясь от данных анкетирования к горномарийскому корпусу текстов, стоит отметить еще одну особенность употреблений конструкции NMLZ + *šoeš*: в подавляющем большинстве случаев субъект в этой конструкции не выражен (эксплицитно выраженный субъект присутствует лишь в трех предложениях из 20). Отсутствие посессивного маркера на номинализации также является более частотным, чем его наличие (посессивный маркер отсутствует в 13 предложениях из 20). Контексты, в которых отсутствует выраженный субъект и посессивное согласование, как правило, являются генерическими, т. е. могут быть соотнесены с любым субъектом, как в (16).

- (16) *tumaj-et,* *vara* *ta-maxan'* *vuj-äškä* *pār-en* *ke-ä,*
 думать-NPST.2SG потом INDEF-какой голова-ILL входить-CVB идти-NPST.3SG
i *sir-ältä-mä* *šo-n* *kolt-a.*
 и писать-PUN-NMLZ достигать-CVB посылать-NPST.3SG
 'Думаешь, потом что-то в голову приходит, и захочется написать'.
 [Корпус: «Стихи с комментариями», 19].

2. Морфосинтаксис

В данном разделе будут рассмотрены способы отражения внутренней динамики волитивной ситуации, а именно выражения начальной (инхоативное прочтение) и срединной (прогрессивное прочтение) стадий ситуации желания по отношению к разным временным планам (см. раздел 2.1). В разделе 2.2 будет последовательно дан обзор моделей кодирования односубъектного желания (субъект желания и субъект желаемой ситуации совпадают) и разносубъектного желания (субъект желания и субъект желаемой ситуации не совпадают).

2.1. Выражение темпоральных и аспектуальных значений

Конструкция NMLZ + *šoaš* обладает бóльшими возможностями в выражении аспектуальных значений, чем форма дезидератива. Так, инхоативное прочтение может иметь только конструкция с *šoaš*. В (17) представлена пунктивная ситуация, выраженная сложным глагольным комплексом с грамматикализированным предикатом *koltaš* 'посылать' (подробнее о конструкциях такого типа см. (Dyachkov, 2019), который не может кодировать ситуацию, предполагающую наличие срединной фазы и тем самым не являющуюся мгновенной (18).

- (17) a. *mān'-än* *amalā-m-em* *šo-n* *koltā-š.*
 я-GEN спать-NMLZ-POSS.1SG достигать-CVB посылать-AOR

- b. **mən'* *amal-en* *koltā-ne-m* *əl'ə / ələn*.
я спать-CVB посылать-DES-1SG RETR1/RETR2
'Мне захотелось спать'.
- (18) **mən'* *šənzə-š-əm*, *šənzə-š-əm*, *dä* *mən'-ən* *izi-n* *olen*
я сидеть-AOR-1SG сидеть-AOR-1SG да я-GEN маленький-ADV медленно
amalā-m-em *šo-n* *koltā-š*
спать-NMLZ-POSS.1SG достигать-CVB посылать-AOR
Ожидаемое значение: 'Я сидел-сидел, и мне потихоньку захотелось спать'.

Референция к начальной точке ситуации осуществляется с помощью глагола *təngäläš* 'начинать' как по отношению к прошлому (19), так и по отношению к будущему (20). Построить дезидеративную форму от *təngäläš* в таких контекстах невозможно, а дезидератив сам по себе не имеет референции ни к прошлому, ни к будущему, поэтому грамматична только конструкция NMLZ + *šoaš*.

- (19) a. *tengečä* *kändäkš* *cäš-ən* *mən'-ən* *amalā-m-em* *šo-aš* *təngäl-ən*.
вчера восемь час-GEN я-GEN спать-NMLZ-POSS.1SG достигать-INF начинать-PRET
b. **tengečä* *kändäkš* *cäš-ən* *mən'* *amal-aš* *təngäl-ne-m* *əl'ə / ələn*.
вчера восемь час-GEN я спать-INF начинать-DES-1SG RETR1/RETR2
'Вчера в 8 часов мне начало хотеться спать'.
- (20) a. *irgod-əm* *mən'-ən* *kändäkš* *cäš* *vad-eš*
завтрашний_день-ACC я-GEN восемь час вечер-LAT
amalā-m-em *šo-aš* *təngäl-eš*.
спать-NMLZ-POSS.1SG достигать-INF начинать-NPST.3SG
b. **irgod-əm* *kändäkš* *cäš* *vad-eš* *mən'* *amal-aš* *təngäl-ne-m*.
завтрашний_день-ACC восемь час вечер-LAT я спать-INF начинать-DES-1SG
'Завтра в 8 часов вечера мне захочется спать'.

Как дезидератив, так и конструкция NMLZ + *šoaš* могут иметь прогрессивное прочтение с референцией к настоящему и прошлому (21), но футуральная интерпретация в большинстве идиолектов возможна только у конструкции с *šoaš* с глаголом *təngäläš* 'начинать' или *li-eš* (становиться-NPST.3SG), при этом *lieš* допускается меньшим числом носителей (22)⁵.

- (21) a. *tengečä* *mən'-ən* *kečä* *măč* *amalā-m-em* *šo-n*
вчера я-GEN день конец спать-NMLZ-POSS.1SG достигать-PRET
/ *šo-eš* *əl'ə* / *šo-eš* *ələn*.
достигать-NPST.3SG RETR1 достигать-NPST.3SG RETR2
b. *tengečä* *mən'* *kečä* *măč* *amalā-ne-m* *əl'ə / ələn*.
вчера я день конец спать-DES-1SG RETR1/RETR2
'Вчера мне хотелось спать весь день'.

⁵ В горномарийском языке отсутствует специализированная форма будущего времени. Футуральную референцию может иметь форма не прошедшего времени, а также конструкции с глаголами *təngäläš* 'начинать' или *liäš* 'становиться' (подробнее о них см. (Дьячков, Мордашова, в печати), а также (Mordashova, Zakirova, 2018) о свойствах конструкции с *lieš*).

- (22) a. *mән'-ән* *irgod-əm* *kečä* *măč* *amalâ-m-em*
 я-GEN завтрашний_день-ACC день конец спать-NMLZ-POSS.1SG
šo-aš *tängäl-eš* /² *šo-eš* *li-eš*.
 достигать-INF начинать-NPST.3SG достигать-NPST.3SG становится-NPST.3SG
- b. *??mən'* *irgod-əm* *kečä* *măč* *amalâ-ne-m* *li-eš*.
 я завтрашний_день-ACC день конец спать-DES-1SG становится-NPST.3SG
 'Завтра мне весь день будет хотеться спать'.

Итог вышесказанному приводится в табл. 2.

Таблица 2

Инхоативное и прогрессивное прочтения у дезидератива и конструкции NMLZ + šoaš с временной референцией к будущему или прошлому

DES		Инхоативное прочтение	Прогрессивное прочтение
		past —	+ (<i>âl'â</i> / <i>âlân</i>)
NMLZ + šoaš		future —	?? (<i>lies</i>)
		past + (<i>šo-aš tängälän</i>)	+ (<i>šon; šoeš âl'â</i> / <i>âlân</i>)
		future + (<i>šo-aš tängäleš</i>)	+ (<i>šo-aš tängäleš</i> / <i>šoeš lies</i>)

С временными адвербиалами, характеризующими ситуацию как пунктивную, закономерно сочетается только конструкция NMLZ + šoaš (23), тогда как с адвербиалами, выражающими хабитуалис и длительность, сочетаются обе конструкции (24)–(25).

- (23) a. *mən'* *franci* *gišän* *k'ino-m* *anž-en-äm=ät*
 я Франция о кино-ACC смотреть-PRET-1SG=ADD
trük *par'iz-äš* *ke-m-em* *šo-n*
 вдруг Париж-ILL идти-NMLZ-POSS.1SG достигать-CVB
koltâ-š / *šo-aš* *tängäl'-Ø-äm*.
 посылать-AOR достигать-INF начинать-AOR-1SG
 'Я посмотрела фильм о Франции и вдруг захотела съездить в Париж'.
- b. **mən'* *franci* *gišän* *k'ino-m* *anž-en-äm=ät* *trük*
 я Франция о кино-ACC смотреть-PRET-1SG=ADD вдруг
par'iz-äš *ke-ne-m* (*âl'â*).
 Париж-ILL идти-DES-1SG RETR1
 Ожидаемое значение: 'Я посмотрела фильм о Франции и вдруг захотела съездить в Париж'.
- (24) a. *mən'* *šukâ* *veremä* *par'iz-äš* *ke-ne-m*.
 я много время Париж-ILL идти-DES-1SG
 'Я долгое время хочу поехать в Париж'.
- b. *mən'-ән* *šukâ* *veremä* *par'iz-äš* *ke-m-em* *šo-eš*.
 я-GEN много время Париж-ILL идти-NMLZ-POSS.1SG достигать-NPST.3SG
 'Мне долгое время хочется поехать в Париж'.
- (25) a. *tädä* *so* *ki-ne-žä*.
 он всегда лежать-DES-3SG
 'Он постоянно хочет лежать'.
- b. *tädä-n* *so* *ki-mä-žä* *šo-eš*.
 он-GEN всегда лежать-NMLZ-POSS.3SG достигать-NPST.3SG
 'Ему постоянно хочется лежать'.

2.2. Кодирование одно- и разносубъектного желания

В дезидеративной конструкции субъект желания всегда маркируется номинативом, в то время как при номинализации с глаголом *šoaš* иногда возникает вариативность: как правило, субъект маркирован генитивом, однако при двухместных предикатах может встретиться и дативное маркирование субъекта (по-видимому, под влиянием русского языка). Последнее, впрочем, признается лишь в единичных идиолектах. Предложение (26) может восприниматься как неоднозначное в тех идиолектах, где дативное маркирование субъекта допускается:

- (26) *ädär-län* *u* *plat'ä-m* *näl-mä(-žä)* *šo-eš*.
 девушка-DAT новый платье-ACC брать-NMLZ-POSS.3SG достигать-NPST.3SG
 ‘Девочке [кто-то] хочет купить новое платье’.
 ?? ‘Девочке хочется купить новое платье’.

Для кодирования разносубъектного желания используется глагол в форме каузатива с суффиксом *-äkt* (подробнее о его свойствах см. (Сибирева, 2017)). Подобная стратегия выражения разносубъектного желания не приводится в типологических описаниях (Ханина, 2005; Haspelmath, 2013), хотя в целом соответствует высказанной в них идее более экономного выражения односубъектного желания (Ханина, 2005: 230).

Если ситуация желания представлена одноместным предикатом, то субъект желания в конструкции с *šoaš* выражается генитивом, а субъект желаемой ситуации – аккумулятивом (в некоторых идиолектах допускается также дативное маркирование). Контексты типа (27) могут иметь и каузативное значение: ‘Я хочу заставить тебя улыбаться’.

- (27) *män'-än* *tän'-äm* / *ʔtälän-et* *so* *jär-äktä-mä* *šo-eš*.
 я-GEN ты-ACC/ты-DAT-POSS.2SG всегда улыбаться-CAUS.DIST-NMLZ достигать-NPST.3SG
 ‘Мне хочется, чтобы ты всегда улыбалась’.

Субъект желания при дезидеративе выражается номинативом, а субъект желаемой ситуации в большинстве идиолектов может оформляться дативом, хотя аккумулятив является предпочтительной опцией:

- (28) *män'* *tän'-äm* / *ʔtälän-et* *so* *jär-äktä-ne-m*.
 я ты-ACC/ты-DAT-POSS.2SG всегда улыбаться-CAUS.DIST-DES-1SG
 ‘Я хочу, чтобы ты всегда улыбалась’.

В случае с двухместными предикатами кодирование в обоих случаях последовательно: используется стандартный способ маркирования субъекта желания при каждой из конструкций, а также дативное маркирование субъекта желаемой ситуации при переходном глаголе (29) или аккумулятивное при глаголах типа *palšaš* ‘помогать’, требующих выраженного дативного участника (30).

- (29) a. *män'* *tälän-et* / **tän'-äm* *peled-äš-äm* *šänd-äktä-ne-m*.
 я ты-DAT-POSS.2SG / ты-ACC цвести-NACT-ACC сажать-CAUS.DIST-DES-1SG
 ‘Я хочу, чтобы ты посадила цветы’.
 b. *män'-än* *tälän-et* / **tän'-äm* *peled-äš-äm*
 я-GEN ты-DAT-POSS.2SG / ты-ACC цвести-NACT-ACC
šänd-äktä-m-em *šo-eš*.
 сажать-CAUS.DIST-NMLZ-POSS.1SG достигать-NPST.3SG
 ‘Мне хочется, чтобы ты посадила цветы’.

- (30) a. *mән' tән'-әм / *tә-län-et* *mә-län-em* *palš-әktә-ne-m.*
 я ты-ACC / ты-DAT-POSS.2SG я-DAT-POSS.1SG помогать-CAUS.DIST-DES-1SG
 'Я хочу, чтобы ты мне помог'.
- b. *mән'-ән* *tән'-әм / *tә-län-et* *mә-län-em*
 я-GEN ты-ACC / ты-DAT-POSS.2SG я-DAT-POSS.1SG
palš-әktә-m-em *šo-eš.*
 помогать-CAUS.DIST-NMLZ-POSS.1SG достигать-NPST.3SG
 'Мне хочется, чтобы ты мне помог'.

В контекстах типа (31) при отсутствии аккузативной ИГ возникает неоднозначность интерпретации: ИГ в дативе может восприниматься как субъект желаемой ситуации или как бенефактивный участник (при имплицитном субъекте желаемой ситуации – некоем третьем лице).

- (31) *mән' tә-län-et* *palš-әktә-ne-m.*
 я ты-DAT-POSS.2SG помогать-CAUS.DIST-DES-1SG
 'Я хочу, чтобы ты мне помог'.
- 'Я хочу, чтобы тебе помогли'.

При двухместных предикатах с косвенным дополнением выбор также делается в пользу аккузативного оформления субъекта желаемой ситуации:

- (32) a. *mән' tән'-әм / *tә-län-et* *saga-n-em* *kašt-әndal-әktә-ne-m.*
 я ты-ACC / ты-DAT-POSS.2SG около-FULL-POSS.1SG ходить-ATT-CAUS.DIST-DES-1SG
 'Я хочу, чтобы ты со мной погуляла'.
- b. *mән'-ән* *tән'-әм / *tә-län-et* *saga-n-em*
 я-GEN ты-ACC/ты-DAT-POSS.2SG около-FULL-POSS.1SG
kašt-әndal-әktә-m-em *šo-eš.*
 ходить-ATT-CAUS. DIST-NMLZ-POSS.1SG достигать-NPST.3SG
 'Мне хочется, чтобы ты со мной погуляла'.

Дитранзитивные предикаты имеют выраженных участников и в аккузативе, и в дативе. Конфликт между аккузативным и дативным оформлением субъекта желаемой ситуации разрешается в пользу датива (33). При этом в каузативных конструкциях, не содержащих дезидератив, наблюдается существенная вариативность⁶, ср. (34):

- (33) a. *mән' tә-län-et / *tән'-әм* *maša-lan* *kn'igä-m* *pu-ktә-ne-m.*
 я ты-DAT-POSS.2SG / ты-ACC Маша-DAT книга-ACC давать-CAUS.DIST-DES-1SG
 'Я хочу, чтобы ты дал Маше книгу'.
- b. *mән'-ән* *tә-län-et / *tән'-әм* *maša-lan* *kn'igä-m*
 я-GEN ты-DAT-POSS.2SG / ты-ACC Маша-DAT книга-ACC
pu-ktә-m-em *šo-eš.*
 давать-CAUS. DIST-NMLZ-POSS.1SG достигать-NPST.3SG
 'Мне хочется, чтобы ты дал Маше книгу'.

⁶ Вариативность в горномарийских каузативных конструкциях имеется также в контекстах с переходными глаголами, где каузируемый участник обычно кодируется дативом, однако в ряде идиолектов допускается его аккузативное маркирование, несмотря на наличие прямого дополнения в исходной клаузе. В дезидеративных же конструкциях двойное аккузативное маркирование запрещено, ср. (29). При непереходных предикатах и предикатах с исходным дативным участником стратегии кодирования каузируемого в каузативной конструкции и субъекта желаемой ситуации в дезидеративной конструкции совпадают (подробнее об общих свойствах каузативных конструкций см. (Белова, в печати)).

- (34) *pet'a* %*vas'a-lan* / %*vas'a-m* *kol'a-lan* *podarkâ-m* *kolt-âkt-en*.
 Петя Вася-DAT/Вася-ACC Коля-DAT подарок-ACC посылать-CAUS.DIST-PRET
 'Петя заставил Васю послать Коле подарок'. (Сибирева, 2017: 7).

Таким образом, из достаточно стройной структуры кодирования разносубъектного желания выбиваются только дезидеративные конструкции с одноместными предикатами, которые допускают (хотя и ограниченно) дативное маркирование субъекта желаемой ситуации наряду с аккумулятивным (табл. 3).

Таблица 3

Кодирование разносубъектного желания

	Субъект	Одноместные предикаты	Двухместные предикаты			Дитранзитивные предикаты
			DO	IO	OBL	
DES	желания	NOM	NOM	NOM	NOM	NOM
	желаемой ситуации	ACC / ? DAT	DAT	ACC	ACC	DAT
NMLZ + <i>šoaš</i>	желания	GEN	GEN	GEN	GEN	GEN
	желаемой ситуации	ACC / ?? DAT	DAT	ACC	ACC	DAT

Как видно из табл. 3, наличие прямого дополнения у глагола, обозначающего желаемую ситуацию, делает невозможным аккумулятивное маркирование субъекта желаемой ситуации. При отсутствии прямого дополнения аккумулятивное кодирование закрепляется за субъектом желаемой ситуации.

3. Типологические параллели

В (Майсак, 2005: 221) отмечается, что «наличие конструкции с глаголом ПРИХОДИТЬ, имеющей дезидеративное значение 'субъект хочет, чтобы ситуация имела место', по-видимому, является исключительной особенностью тюркских языков». В языках этой группы дезидеративное значение имеет конструкция с глаголами-когнатами корня *кел-* (*kel-*) со значением 'идти, приходить', которая присоединяет номинализацию или иную нефинитную форму. В частности, в **башкирском** языке имеется аналитическая конструкция, состоящая из «архаичной формы имени действия на *-гы/-ге* и спрягаемого десемантизированного глагола *кил-*», значение которой «сводится к выражению непроизвольного желания» (ГСБЯ, 1981: 270). Глагол *кил-* принимает показатели времени и наклонения, а согласование реализуется путем присоединения лично-числовых показателей к форме на *-гы* (35).

- (35) а. *минең* *бар-гы-м* *кил-ә*.
 я.GEN идти-ADJ-POSS.1SG приходить-IPFV
 'Мне хочется идти'.
 б. *без-зең* *бар-гы-быз* *кил-ә*.
 мы.GEN идти-ADJ-POSS.1PL приходить-IPFV
 'Нам хочется идти' (ГСБЯ, 1981: 270)⁷

Аналогичная конструкция есть и в **татарском** языке, где «форма на *-асы кил-* выражает желание, соотнесенное с любым лицом, с любым временным планом», причем «соотнесен-

⁷ Глоссирование примеров произведено в соответствии с обозначениями, принятыми в (Мищенко и др. (ред.), 2017).

ность с лицом выражается аффиксами принадлежности и факультативным употреблением местоимения или существительного в притяжательном падеже» (Закиев (ред.), 1993: 148). Приведем пример из мишарского диалекта татарского языка:

- (36) *sineŋ patša ukaz-ŋ-n üt-ä-se-ŋ kel-ä-m-i.*
 ты.GEN царь указ-3-OBL.ACC исполнять-ST-OBG-2SG хотеть-ST-NEG-ST.IPFV
 'Ты не хочешь исполнять царский указ'. (=Т14:13) (Татевосов и др., 2017: 559)⁸

В грамматике **турецкого** языка (Кононов, 1956: 248) приводится конструкция с формами глагола *gelmek* 'приходить', лексический глагол при котором выступает в форме отглагольного имени на *-(y)acak/-(y)ecek*, которое имеет «дублетную» форму на *-(y)ası/-(y)esi*, по-видимому, специфичную для этой волитивной конструкции. Согласование выражается на этих формах с помощью посессивных аффиксов.

- (37) a. *sen-i... çok gör-eceğ-im gel-iyor-Ø.*
 ты-ACC очень видеть-NMLZ.FUT-POSS.1SG приходить-PRS-3SG
 'Мне очень хочется повидать тебя' (букв. 'приходит мое будущее видение тебя').
 b. *bağır-ası-m gel-iyor-Ø.*
 кричать-NMLZ-POSS.1SG приходить-PRS-3SG
 'Мне хочется кричать'. (Кононов, 1956: 248)

В (Ханина, 2003) описана **чувашская** волитивная конструкция с глаголом *kilet^İ* 'приходить' в форме 3-го лица единственного числа. Он грамматикализовался в показатель желания и буквально может быть проинтерпретирован как 'приходит такая ситуация, что Р'. Желаемая ситуация оформляется неизменяемым причастием футурума, а субъект желания маркируется генитивом (38).

- (38) *man-ăn xam-ăn jultaş-a kura-s kil-e-İ.*
 я.OBL-GEN себя.1SG-GEN друг-DA видеть-PART.FUT приходить-ST-PRS.3.SG
 'Я хочу увидеть своего друга'. (Ханина, 2003: 101).

Разносубъектное желание в чувашском, как и в горномарийском, выражается конструкцией с каузативом на лексическом глаголе:

- (39) *amaşe-n ivăl-na kul-tar-a-s kil-e-İ.*
 мать-GEN сын-DA смеяться-CAUS-ST-PART.FUT приходить-ST-PRS.3.SG
 'Мать хочет, чтобы сын смеялся'. (Ханина, 2003: 108).

Чувашская конструкция, как отмечается в (Ханина, 2003: 109), «служит для выражения желания ситуации, существующей максимально независимо от субъекта». Ситуация желания как бы «настигает» субъекта, тогда как он не предпринимает никаких попыток для каузации желаемого (эти дефиниции выводятся на основании сопоставления конструкции с *kilet^İ* с другими дезидеративными конструкциями в чувашском языке, в которых отмечается «более высокая степень уверенности говорящего в наличии *X хочет Р*», наличие «каузирования (или намерения каузирования) X-м ситуации Р» (Ханина, 2003: 102). Такая характеристика схожа с поведением горномарийской конструкции с глаголом *žoaş*, которая позволяет расширить типологическое обобщение Т. А. Майсака по поводу дезидеративных конструкций, источником грамматикализации для которых является глагол со значением 'приходить'.

⁸ Здесь и далее мы сохраняем орфографию и глоссирование источника примера (если таковое имеется).

Наше обращение к материалу других уральских языков Поволжья позволяет обнаружить схожие паттерны в луговом марийском, мокшанском и удмуртском языках. В статье (Timár, 2018), посвященной выражению волитивности в луговом марийском языке, автор приходит к выводу, что употребление конструкции с глаголом ‘приходить’ более характерно для неформальной речи, когда необходимо передать желание, спонтанно возникающее под воздействием внешних факторов:

- (40) *sâlnâmut pojanlâk-na neryen uŷâċ da uŷâċ kutârâ-mo šu-eš.*
 literature wealth-POSS.1PL⁹ about again and again speak-PTCP.PASS arrive-3SG
 ‘Again and again (we) want talk about the richness of our literature’. (Timár, 2018: 265).

В доступных описаниях мокшанского языка, насколько нам известно, конструкция интересующего вида не упоминается (см. (Коляденков, 1962; Толдова, Холодилова (отв. ред.), 2018). Однако в корпусе мокшанских текстов, собранных коллективом экспедиции МГУ имени М. В. Ломоносова, встречаются сочетания глагола ‘прийти’ с номинализацией лексического глагола в значении желания:

- (41) *kaza-n'ê-t' sa-s'-Ø ver'âza-ma-c i ver'âza-s'-Ø.*
 коза-DIM-DEF.SG.GEN прийти-PST.3-SG ягниться-NMLZ-3SG.POSS.SG¹⁰ и ягниться-PST.3-SG
 ‘Козочка захотела оягниться, и она оягдилась’. [Экспедиционный корпус мокшанских текстов: «Сказка», 2].

В литературном удмуртском языке имеется конструкция с глаголом *потыны* ‘выходить’, который присоединяет номинализацию, как правило, с посессивным показателем (ГСУЯ, 1962: 215–216), см. (42). Аналогичная конструкция является основным средством выражения желания и в татышлинском говоре удмуртского языка, по которому у автора имеются полевые данные (43).

- (42) *Žapyk-lân kolhoz sarysь вера-ськ-ем-ез пот-э, нош*
 Žapyk-GEN kolhoz о говорить-MED-NMLZ-POSS.3SG выходить-PRS. 3SG а
кутскы-ны йон уг шедьты.
 начинать-INF способ NEG.PRS.3 найти
 ‘Žapyk хочет говорить о колхозе, но не знает, с чего начать’. (ГСУЯ, 1962: 215)

- (43) *ta ber-e in'i so-len vladjč'ica morskaja lü-em-ez pot-i-z <...>.*
 этот зад-ILL уже тот-GEN владычица морская быть-NMLZ-POSS.3SG выходить-PST-3SG
 ‘После этого ей захотелось стать владычицей морской <...>’. [Экспедиционный корпус текстов: «Рыбка», 96]¹¹.

Можно предположить, что присутствие конструкции подобной структуры в уральских языках Поволжья является результатом контактного влияния со стороны тюркских языков, где эта конструкция сформировалась независимо. Так, в (СИГТЯ, 1988: 436–437) указывается, что оптативная спрягаемая форма на *-уу kel-* (и синонимичная ей форма на *-asy/-äsi kel-*) возникла в тюркских языках на базе древнетюркской конструкции с именами существительными

⁹ В (Timár, 2018) для посессивных маркеров используется глосса PX. Мы используем унифицированный вариант POSS для удобства читателей.

¹⁰ В мокшанском корпусе для номинализаций используется глосса NZR. Мы используем унифицированный вариант NMLZ для удобства читателей.

¹¹ Корпус доступен на сайте Удмуртской экспедиции МГУ: <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws>.

и тем же глаголом *kel-* ‘идти, приехать’, обозначающей непереходные глаголы чувственного восприятия (ср. др.-тюрк. *örkä kel-* ‘сердиться’ от *örkä* ‘гнев, раздражение’, и *kel-* ‘хотеть спать’ от *и* ‘сон’). За конструкцией с номинализацией на *-уу* закрепилось значение желания.

В данной статье мы не ставим перед собой задачи глобального поиска схожих конструкций за пределами Поволжья, однако показательным, на наш взгляд, является отсутствие данной модели в коми языке, входящем в группу пермских языков наравне с удмуртским, и в отдельных языках других групп. Для выражения желания в коми используются глаголы *ковны* ‘быть нужным’ и *кӧсьыны* ‘хотеть’ (Бубрих, 1949: 122; Безносилова и др., 2009). В словарной статье глагола *локны* ‘идти, приходить’ в (Безносилова и др., 2000) отмечается лишь устойчивое выражение *ун локтӧ* [сон приходить-PRS.3SG] ‘клонит ко сну’, которое не демонстрирует продуктивную грамматическую модель. Мы также рассмотрели грамматики отдельных языков других групп (угорская группа: восточнохантыйский (Filchenko, 2010), восточномансийский (Forsberg, 2007); самодийская группа: тундровый ненецкий (Буркова, 2010; Nikolaeva, 2014) и нганасанский (Терещенко, 1979). Волитивные конструкции в рассмотренных языках предполагают наличие спрягаемого глагола со значением ‘хотеть’, который управляет инфинитивом (восточнохантыйский, восточномансийский) или формой номинализации в дативе (тундровый ненецкий), или же образуются с помощью специализированного дезидеративного суффикса (нганасанский).

Заключение

Мы рассмотрели две стратегии выражения желания в горномарийском языке: синтетическую (с помощью формы дезидератива) и аналитическую (конструкция NMLZ + *ӓоеӓ* ‘достигать-NPST.3SG’). Семантику обеих конструкций предлагается рассматривать с точки зрения введения шкалы альтернатив, одна из которых (выраженная лексическим глаголом) является наиболее предпочтительной для субъекта в настоящий момент времени. Конструкция с дезидеративным суффиксом при этом имеет дополнительный семантический компонент, связанный с готовностью субъекта к инициативным действиям для реализации желания и контролем над дальнейшим сценарием развития событий.

С точки зрения морфосинтаксиса аналитическая конструкция, в силу наличия в ее структуре спрягаемого глагола, обладает большей свободой выражения ТАМ-категорий: она не имеет ограничений на временную референцию (дезидеративная форма совместима только с прошедшим и настоящим) и аспектуальный контекст (дезидеративная форма не совместима с инхоативными контекстами). Кодирование субъекта желаемой ситуации при разносубъектном желании у обеих конструкций совпадает с точностью до контекстов с одноместными предикатами, где дезидеративная конструкция допускает (хотя и ограниченно) дативное маркирование наряду с аккумулятивным.

Типологически близкие корреляты горномарийской аналитической конструкции обнаруживаются и в других языках Поволжья: уральских (луговом марийском, мокшанском, удмуртском) и тюркских (татарском, башкирском, чувашском). Выдвигается гипотеза о контактном происхождении данной конструкции под влиянием тюркских языков, где конструкция данного типа имеется и за границами рассматриваемого ареала (ср. турецкий).

Список сокращений:

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, ACC – аккумулятив, ADD – аддитивная частица, ADJ – адъективизатор, ADV – адвербиализатор, AOR – аорист, ATT – аттенуатив, CAUS – каузатив, CAUS.DIST – дистантный каузатив, CVB – конверб, CVB.ANT – конверб предшествования, DAT – датив, DA – датив-аккумулятив, DEF – определенность, DES – дезидератив, DIM – диминутив, EMPH – эмфатическая частица, FULL – полная форма, GEN – генитив, ILL – иллатив, INDEF – показатель

неопределенности, INF – инфинитив, IPFV – имперфектив, ITER – итератив, LAT – латив, MED – медий, NACT – отглагольное имя, NEG – отрицание, NMLZ – номинализация, NMLZ.FUT – номинализация с футуральным значением, NPST – непрошедшее время, OBG – облигатив, OBL – косвенная основа, PART.FUT – причастие будущего времени, PL – множественное число, POSS – посессивный показатель, PRET – претерит, PRS – настоящее время, PTCP.PASS – пассивное причастие, PUN – пунктив, RETR1/RETR2 – ретроспективный сдвиг, SG – единственное число, SIM – симилятив, ST – показатель основы.

Литература:

- Апресян Ю. Д.** (ред.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.
- Безноскова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.** Коми-роч кывчукӧр (Коми-русский словарь) / отв. ред. Л. М. Безноскова; ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000.
- Безноскова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И., Айбабина Е. А.** Русско-коми словарь. Коми-роч кывчукӧр. Сыктывкар: Титул, 2009.
- Белова Д. Д.** Каузатив / отв. ред. Е. В. Кашкин. Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. В печати.
- Бубрих Д. В.** Грамматика литературного коми языка. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, 1949.
- Буркова С. И.** Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа) // Диалектологический словарь ненецкого языка / под ред. Н. Б. Кошкарёвой. Екатеринбург: Баско, 2010.
- ГСБЯ** = Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1981.
- ГСУЯ** = Грамматика современного удмуртского языка / отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1962.
- Добрушина Н. Р.** Семантическая зона опатива в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания, № 5, 2009. С. 48–75.
- Дьячков В. В., Мордашова Д. Д.** Формы времени и акциональность / отв. ред. Е. В. Кашкин. Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. В печати.
- Закиев М. З., Ганиев Ф. А.** (ред.) Татарская грамматика: В 3-х тт. Т. 2. Морфология. Казань: Татарское книжное изд-во, 1993.
- Коляденков М. Н.** Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Часть 1: фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1962.
- Кононов А. Н.** Грамматика современного турецкого литературного языка. М.–Л., 1956.
- Майсак Т. А.** Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Мищенко Д. Ф., Овсянникова М. А., Оскольская С. А., Сай С. С.** Исследования по грамматике башкирского языка // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2017.
- Мордашова Д. Д.** О грамматикализации одной дезидеративной формы в горномарийском языке // Малые языки в большой лингвистике: сб. трудов конференции 2020 / ред. Кс. П. Семёнова. М.: Буки Веди, 2020. С. 166–174.
- Саваткова А. А.** Горное наречие марийского языка. Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Сибирева А. А.** Дистантный каузатив в горномарийском языке. Экспедиционный отчет (рукопись). М., 2017.
- СИГТЯ** = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988.
- Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш.** (ред.) Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М.: Буки Веди, 2017.
- Терещенко Н. М.** Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979.
- Толдова С. Ю., Холодилова М. А.** (отв. ред.) Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / ред. С. Ю. Толдова (отв. ред.), М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин. М.: Буки Веди, 2018.
- Ханина О. В.** Опыт описания семантической зоны желания и средств ее выражения (на материале чувашского языка). Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология, 5, 2003. С. 101–116.

- Ханина О. В.** Языковое оформление ситуации желания (опыт типологического исследования). М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2005. Дис. ... канд. филол. наук.
- Alhoniemi A.** Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Bonch-Osmolovskaya A.** The statistic verification of a semantically based hypotheses: Russian verbs of volition: хотеть and хотеться. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 22/LNG/2015, 2015. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2606642>
- Dyachkov V.** Complex verb constructions, aspect and telicity in Hill Mari // Conference on the syntax of Uralic languages (SOUL 2019, Tartu, 18-19 June 2019). Abstracts. Online publication: <https://sisu.ut.ee/soul2019/conference-program>
- Filchenko A. Yu.** Aspects of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk: TSPU-Press, 2010.
- von Fintel K.** NPI-Licensing, Strawson-Entailment, and Context-Dependency // Journal of Semantics 16.1, 1999. P. 97–148.
- Forsberg U.-M.** Eastern Mansi (Konda) Grammar. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2007.
- Hacquard V.** Aspects of Modality. PhD dissertation. Massachusetts Institute of Technology, 2006.
- Haspelmath M.** On the cross-linguistic distribution of same-subject and different-subject 'want' complements: Economic vs. iconic motivation. SKY Journal of Linguistics, 26, 2013. P. 41–69.
- Heim I.** Presupposition Projection and the Semantics of Attitude Verbs. Journal of Semantics, 9, 1992. P. 183–221.
- Khanina O.** How universal is wanting? Studies in language 32:4, 2008. P. 818–865.
- Lewis D.** On the plurality of worlds. Oxford: Blackwell, 1986.
- Mordashova D., Zakirova A.** Construction with the verb form *lieš* 'becomes' in Hill Mari and the origo // XV Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.).
- Nikolaeva I.** A Grammar of Tundra Nenets. Berlin/Boston: Mouton de Gruyter, 2014.
- Perry J. R.** Semantics, possible worlds // E. Craig (ed.). Routledge encyclopedia of philosophy. London: Routledge, 1998.
- Timár B.** The expression of volition in Meadow Mari // Linguistica Uralica 54 (4), 2018. P. 259–269.
- Zakirova A.** The Hill Mari -šaš: speaker's control and its implications. (Доклад, представленный на Четырнадцатой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.).
- Zakirova A.** Person constraint in modals: the case of the Hill Mari -šaš. (Доклад, представленный на конференции 51st Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, Таллин, 29 августа – 1 сентября 2018 г.)

Мордашова Дарья Дмитриевна.

Младший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, г. Москва, 125009.

Аспирант.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Ленинские горы, 1, г. Москва, 119991.

E-mail: mordashova.d@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 12 ноября 2022 г.

D. D. Mordashova

STRATEGIES OF ENCODING VOLITION IN HILL MARI

The article discusses the expression of volition in Hill Mari, a language belonging to the Uralic family. The author focuses on two strategies for expressing volition: a synthetic strategy using the desiderative mood with the suffix *-ne* and an analytical strategy using the construction *NMLZ + šoeš* ('achieve-NPST.3SG'). The semantics of these constructions is analyzed in terms of the subjects' preference for certain alternatives, with the lexical verb representing the most preferred option. The construction with the desiderative suffix adds an additional component of the subjects' strong willingness to realize their desire and take control of future events. The morphosyntax of the constructions is also compared, with the analytical construction being more flexible in terms of expressing tense and subject. The author also proposes a hypothesis about the development of the analytical construction in Hill Mari and other languages in the Volga region under the influence of Turkic languages, where a similar construction also exists. In contrast, languages in other groups of the Uralic family, such as Ugric and Samoyed, as well as the Permic language Komi, use constructions with the finite verb 'want' or a desiderative affix rather than an analytical construction with a grammaticalized verb of movement.

Keywords: *volition, scale of alternatives, semantics, morphosyntax, areal typology, Hill Mari, Uralic languages.*

References:

- Apresyan Yu. D.** (ed.) Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [A new explanatory dictionary of synonyms in Russian]. M., Vena: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh, 2004.
- Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Kosnyreva R. I.** Komi-roch kyvchukör (Komi-russkiy slovar') [Komi-Russian dictionary] / L.M.Beznosikova (ed. in charge); IYaLI Komi NTs UrO RAN. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 2000.
- Beznosikova L. M., Zaboeva N. K., Kosnyreva R. I., Aybabina E. A.** Russko-komi slovar'. Komi-roch kyvchukör [Russian-Komi dictionary]. Syktyvkar: Titul, 2009.
- Belova D. D.** Kauzativ [Causative] // E. V. Kashkin (ed. in charge). Elementy gornomariyskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. V pechati.
- Bubrikh D. V.** Grammatika literaturnogo komi yazyka [A grammar of Standard Komi]. L.: Izd-vo Leningradskogo gosudarstvennogo ordena Lenina universiteta im. A. A. Zhdanova, 1949.
- Burkova S. I.** Kratkiy ocherk grammatiki tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka (po materialam govorov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga) [A short grammatical sketch of the Tundra dialect of Nenets (based on Yamalo-Nenets Autonomous Okrug subdialects)] // Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka / N. B. Koshkareva (ed. in charge). Ekaterinburg: Basko, 2010.
- GSBYa** = Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka [A grammar of Modern Standard Bashkir]. / A. A. Yuldashev (ed. in charge). M.: Nauka, 1981.
- GSUYa** = Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka [A grammar of Modern Udmurt]. / P. N. Perevoshchikov (ed. in charge). Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.
- Dobrushina N. R.** Semanticheskaya zona optativa v nakhsko-dagestanskikh yazykakh [Optative semantic domain in Nakh-Daghestanian] // Voprosy yazykozaniya, №5, 2009. S. 48–75.
- Dyachkov V. V., Mordashova D. D.** Formy vremeni i aktsional'nost' [Tense forms and aktionsart] // E. V. Kashkin (ed. in charge). Elementy gornomariyskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. V pechati.
- Zakiev M. Z., Ganiev F. A.** (red.) Tatarskaya grammatika: V 3-kh tt. T. 2. Morfologiya [Tatar Grammar: in 3 volumes. Vol. 2. Morphology]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993.
- Kolyadenkov M. N.** Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) yazykov. Chast' 1: fonetika i morfologiya. [A grammar of Mordvin (Moksha and Erzya) languages. Part 1: phonetics and morphology]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.
- Kononov A. N.** Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazyka [A grammar of Modern Standard Turkish]. M.–L., 1956.
- Maysak T. A.** Tipologiya grammatikalizatsii konstruktivnykh s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Typology of grammaticalization of constructions with verbs of motion and position]. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005.
- Mishchenko D. F., Ovsyannikova M. A., Oskol'skaya S. A., Say S. S.** Issledovaniya po grammatike bashkirskogo yazyka [Studies on the grammar of Bashkir] // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN / N. N. Kazanskiy (ed. in charge). SPb.: Nauka, 2017.
- Mordashova D. D.** O grammatikalizatsii odnoy deziderativnoy formy v gornomariyskom yazyke [On grammaticalization of a desiderative form in Hill Mari] // Malye yazyki v bol'shoy lingvistike. Sbornik trudov konferentsii 2020 / Red. Ks. P. Semenova. M.: Buki Vedi, 2020. S. 166–174.
- Savatkova A. A.** Gornoe narechie mariyskogo yazyka [Hill dialect of Mari]. Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Sibireva A. A.** Distantnyy kauzativ v gornomariyskom yazyke [Distant causative in Hill Mari]. Ekspeditsionnyy otchet (rukopis'). M., 2017.
- SIGTYa** = Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya [A historical-comparative grammar of Turkic languages]. / E. R. Tenishev (ed. in charge). M.: Nauka, 1988.
- Tatevosov S. G., Pazel'skaya A. G., Suleymanov D. Sh.** (eds.) Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskiy dialekt [Elements of Tatar from a typological perspective. Mishar dialect]. M.: Buki Vedi, 2017.
- Tereshchenko N. M.** Nganasanskiy yazyk [Nganasan]. L.: Nauka, 1979.
- Toldova S. Yu., Kholodilova M. A.** (eds. in charge) Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii [Elements of Moksha from a typological perspective] / S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova (eds. in charge). M.: Buki Vedi, 2018.
- Khanina O. V.** Opyt opisaniya semanticheskoy zony zhelaniya i sredstv ee vyrazheniya (na materiale chuvashskogo yazyka) [An attempt at description of the semantic domain of volition and its encoding devices (based on Chuvash)]. Vestnik moskovskogo universiteta, ser. 9, Filologiya, 5, 2003. 101–116.
- Khanina O. V.** Yazykovoe oformlenie situatsii zhelaniya (opyt tipologicheskogo issledovaniya) [Linguistic expression of a volitive situation (an attempt at a typological study)]. M.: MGU imeni M. V. Lomonosova, 2005. Diss. ... kand. filol. nauk.

- Alhoniemi A.** Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Bonch-Osmolovskaya A.** The statistic verification of a semantically based hypotheses: Russian verbs of volition: хотеть and хотеться. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 22/LNG/2015, 2015. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2606642>.
- Dyachkov V.** Complex verb constructions, aspect and telicity in Hill Mari // Conference on the syntax of Uralic languages (SOUL 2019, Tartu, 18-19 June 2019). Abstracts. Online publication: <https://sisu.ut.ee/soul2019/conference-program>
- Filchenko A. Yu.** Aspects of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk: TSPU-Press, 2010.
- von Fintel K.** NPI-Licensing, Strawson-Entailment, and Context-Dependency // Journal of Semantics 16.1, 1999. P. 97–148.
- Forsberg U.-M.** Eastern Mansi (Konda) Grammar. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2007.
- Hacquard V.** Aspects of Modality. PhD dissertation. Massachusetts Institute of Technology, 2006.
- Haspelmath M.** On the cross-linguistic distribution of same-subject and different-subject 'want' complements: Economic vs. iconic motivation. SKY Journal of Linguistics, 26, 2013. P. 41–69.
- Heim I.** Presupposition Projection and the Semantics of Attitude Verbs. Journal of Semantics, 9, 1992. P. 183–221.
- Khanina O.** How universal is wanting? Studies in language 32:4, 2008. P. 818–865.
- Lewis D.** On the plurality of worlds. Oxford: Blackwell, 1986.
- Mordashova D., Zakirova A.** Construction with the verb form *lieš* 'becomes' in Hill Mari and the origo // A talk at the XV Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (Saint-Petersburg, November 22–24, 2018).
- Nikolaeva I.** A Grammar of Tundra Nenets. Berlin/Boston: Mouton de Gruyter, 2014.
- Perry J. R.** Semantics, possible worlds // E. Craig (ed.). Routledge encyclopedia of philosophy. London: Routledge, 1998.
- Timár B.** The expression of volition in Meadow Mari // Linguistica Uralica 54 (4), 2018. P. 259–269.
- Zakirova A.** The Hill Mari -šaš: speaker's control and its implications // A talk at the XIV Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (Saint-Petersburg, November 23–25, 2017).
- Zakirova A.** Person constraint in modals: the case of the Hill Mari -šaš // A talk at the 51st Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Tallinn, 29 August – 1 September, 2018).

Mordashova Daria Dmitrievna.

Junior researcher.

Institute of Linguistics RAS.

B. Kislovski Av., 1. str. 1., Moscow, Russia, 125009.

Graduate student.

Lomonosov Moscow State University.

Leninskie gory, 1, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: mordashova.d@yandex.ru

Р. Т. Муратова

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ БУЗ 'СИВЫЙ, СЕРЫЙ' В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматривается происхождение, историческое развитие и особенности употребления цветообозначения *буз* 'сивый, серый' в башкирском языке. Слово впервые рассматривается в широком хронологическом диапазоне: прослеживается развитие лексемы от происхождения слова до современного состояния. Этимология слова основывается на трудах ученых, в которых восстанавливаются древние формы, эволюция значений слова прослеживается по письменным источникам, начинающимся с древнетюркского периода. Актуальность исследования обусловлена отсутствием комплексного исследования по происхождению, развитию и функционированию данной лексемы в тюркских языках. В ходе исследования выявлено, что лексема *буз* восходит к пратюркскому **boŕ* 'серый', которое, в свою очередь, произошло от праалтайского **boŕV* 'серый'. Рефлексы праалтайской формы наблюдаются в тюркских и монгольских языках в значении сивой, серой масти лошади. Обнаружено, что в башкирском языке основная семантическая нагрузка слова *буз* заключается в обозначении масти лошади шерстью серого цвета с темными переливами, окраски животных и птиц. Но все же материал из корпусов прозы показывает, что в современном башкирском языке слово *буз* расширило семантику и употребляется в значениях 'светло-серый', 'светло-пепельный', 'землисто-серый', 'пустой', 'пустынный', 'молодой', 'вольный', 'беззаботный', 'одинокый'. Цветообозначение может сочетаться с названиями широкого круга предметов: с названиями животных, соматизмами, ботаническими терминами, названиями горных пород и минералов, неба и небесных тел, ландшафта, абстрактных понятий.

Ключевые слова: цветообозначение серый, сивый, башкирский язык, тюркские языки, семантика, сравнительно-историческое исследование.

Введение

Рассмотрение названий цвета в сравнительно-историческом и лексико-семантическом аспектах является актуальной проблемой в современной лингвистике в связи с тем, что цветообозначения являются одной из самых древних групп лексики любого языка и изучение данного пласта лексики может пролить свет на многие вопросы, связанные с историей конкретного языка или языковой семьи в целом. В этом плане не составляют исключения и цветообозначения тюркских языков, в том числе и башкирского. Исследование развития названий для обозначения цвета в сравнительно-историческом плане позволяет сделать некоторые выводы по тенденции развития цветообозначающей лексики башкирского языка на общетюркском фоне.

Так, в башкирском языке интересную семантику имеет лексема *буз* 'сивый, серый', которая требует детального изучения.

Для обозначения серого цвета в тюркских языках в целом доминируют две лексемы – рефлексы ПТю. **sūr* 'серый, бурый' и ПТю. **boŕ* 'серый'. Лексема **boŕ* 'серый' функционирует как основная лексема для серого цвета в киргизском, алтайском, уйгурском, гагаузском, азербайджанском языках. В башкирском языке основной лексемой является рефлекс **sūr* 'серый, бурый', употребление которого в качестве лексемы-доминанты для серого цвета имеет ареальный характер, свойственный для кыпчакских языков, распространенных в центральной части Евразии (Муратова, 2021: 138–143).

Для обозначения серого цвета и его оттенков в башкирском языке в основном применяются две лексемы – *һоро* и *буз*. Слово *һоро* в литературном башкирском языке занимает доминирующее положение для обозначения ахроматического серого цвета, а *буз* употребляется для обозначения масти лошади с шерстью серого цвета с темными переливами, окраски животных и птиц. По происхождению *буз* является древней лексемой, которая зафиксирована в первых памятниках тюрков, а *һоро* считается относительно новым явлением.

Но все же материал из корпусов башкирской прозы показывает, что в языке народа буз употребляется и для обозначения цвета других предметов в значениях 'сивый', 'светло-серый', 'светло-пепельный', 'землисто-серый'.

1. Цветообозначения *boz* 'сивый, серый' в древних и современных тюркских языках

Фонетические формы слова встречаются во многих тюркских языках: каз., ккалп., ног., кбалк., кум., кр.-тат., кирг., гаг., туркм., уйг. *боз*, тат. *бүз*, аз., тур. *boz*, узб. *бўз*, тув. *бора*, хак. *пора*, алт. *боро*, шор. *нос* (АРС, 2006: 348, АРС, 2015: 31, Бектаев, 1995: 103, ГРМС, 1973: 88, КБРС, 1989: 154, КРС, 1958: 111, КРС, 1969: 79, КРС, 1985, I: 138, НРС, 1963: 83, РТС, 1980: 530, ТРС, 1968: 108, ТРС, 1977: 129, ТРС, 2007: 274, ТувРС, 1968: 113, УРС, 1959: 93, УРС, 1961: 39, Усеинов, 2007: 353, ШРС, 1993: 131, ЭСТЯ, 1978: 172).

Основное значение слова в вышеуказанных языках определяется как 'сивый' (башк., каз., ккалп., ног., кбалк., кум., кирг., уйг., алт., тув., хак., шор.), 'серый' (башк., каз., кум., тур., гаг., аз., туркм., уйг., алт., тув., хак.), 'бурый' (кум., кирг., тур., гаг.), 'белесый' (ккалп., ног., кбалк., кирг.). Имеются и другие значения слова: 'сизый' (башк., кбалк.), 'пасмурный' (аз.), 'бледный' (тат., узб.) и др.

Праотюркская форма лексемы восстановлена как **boŕ* 'серый'. Праалтайская форма реконструируется как **boŕV* 'серый' (EDAL, 2003: 376). Кроме тюркских, лексема в значении серой, сивой масти лошади встречается в монгольских языках: бур. *боро*, халх.-монг., калм. *bor* (Кормушин, 2001: 605, ЭСТЯ, 1978: 172).

Первичное значение слова предполагается как 'серый' во всех его оттенках – в соответствии с серой мастью домашних животных, в первую очередь лошади. Архетип *боз* А. М. Щербак восстанавливает как **nōs* 'бурый', 'серый'. М. Рясянен считает тюрк. *боз* и монг. *боро* гомогенными (ЭСТЯ, 1978: 172).

Как отмечает И. В. Кормушин, монгольские параллели *bora* и т. д. удостоверяют древнейший праязыковой характер тюркского слова. Об этом же говорит и первичная нерасчлененность цветообозначения – от темного до серого с отливом, отразившаяся в двух основных значениях – 'бурый' и 'серый', с сокращением первого в пользу второго и «просветлением» второго до 'белесый, беловатый'. Если семантическая история «белого» для тюркских языков связана с просветлением темного, с рассветом, то в случае с **bo:z* такие формы, как алт. *позам* 'потемки, сумерки', по-видимому, свидетельствуют об обратной направленности – переходе от светлого к темному (Кормушин, 2001: 606).

Рефлексы **boŕ* 'серый' употребляются для обозначения сивого, серого цвета во всех тюркских языках, кроме чувашского. В чувашском серый цвет представлен лексемами *сăр/сăрă* (кыпчакское заимствование) (< ПТю. **sūr* 'серый, бурый'), *кăвăк* (< ПТю. **gōk* 'синий, зеленый; макро-синий'): *сăрă лаша* 'лошадь серой масти', *сута-сăрă* 'светло-серый' (ЧРС, 1985: 354).

Также для серого в некоторых тюркских языках функционируют рефлексы лексемы ПТю. **sūr* 'серый, бурый': алт. *сур* 'светло-серый (о масти лошади)' (АРС, 2015: 108), ккалп. *сур қасқыр* 'серый волк' (КРС, 1958: 589), кирг. *сур коён* 'серый заяц', *сур булут* 'серые тучи', *сур түтүн* 'серый дым' (КРС, 1985, II: 165), уйг. *сур бөрә* 'серый волк', *сур сукно* 'серое сукно' (УРС, 1961: 167), як. *сур бөрө* 'серый волк', *сур күүдээх* 'серая мышь' (ЯРС, 1972: 344).

Для обозначения серого цвета в тюркских языках функционируют и другие лексемы: например, туркм. *чал* < ПТю. **čāl* 'серый, седой' (*чал топрак* 'серозем') (КРТС, 1968: 419, ТРС, 1968: 719), тур. *külrengi* 'букв. цвета пепла', *gri* < франц. *gris* (*külrengi gözler* 'серые глаза', *gri ceket* 'серый пиджак') (БРТС, 2009: 476, ТРС, 1977: 359), тув. *куу* < ПТю. **Kuba* / **Koba* 'желтоватый, сероватый' (*куу пөс* 'серая ткань') (ТувРС, 1968: 113, 267), кум. *кюлтюс*, *кюлсынат* 'букв. цвета пепла' (*кюлтюс къумач* 'серая ткань') (РКС, 1960: 916, КРС, 2011, 150), узб. *кул ранг* 'букв. цвета пепла, пепельный' (УРС, 1959: 222).

Как видно из примеров, в тех языках, где для обозначения серого цвета не функционирует лексема **boŕ*, может использоваться либо другая тюркская лексема (**čāl*, **sūr*), либо заимствование (*gri* < франц. *gris*), либо дериват, образованный от слова **kül* ‘зола, пепел’ и обозначающий ‘пепельный цвет’.

В изучении развития цветообозначающей лексики большую ценность представляют письменные источники, в которых зафиксированы лексемы, обозначающие цвет. Первые письменные памятники у тюрков относятся к древнетюркской эпохе. В памятниках данного периода можно найти названия цветов, которые дают возможность представить общую картину о системе цветообозначений тех времен. Отметим, что еще в древнетюркских памятниках встречается рассматриваемое нами слово *boz*: *Kül tigin Başıu boz at binip tögdi* ‘Кюль-Тегин, сев на серого коня Башгу, произвел атаку’ (Малов, 1951: 32, 41), *boz at* ‘серый конь’ (памятник Кули-Чуру) (Малов, 1959: 27), *boz булыт йорыды* ‘серое облако шло’ («Ырк Битиг») (Малов, 1951: 84, 90).

Источники среднетюркской эпохи дополняют материал по цветообозначающей лексике и показывают ее развитие в динамике. Данный период характеризуется появлением лексикографических трудов, в которых, естественно, нашли отражение и цветообозначения. В них представлены, кроме основных значений лексем, и дополнительные значения. Например, слово *boz* зафиксировано в кыпчакских источниках в следующих значениях: *boz* ‘серый, соловый’, *темир боз* ‘серый, букв. Железо + серый, цвета железа, т. е. серого цвета’, *темир боз* ‘серое, пепельного цвета, цвета железа’, *Бозгуш/Бозкуш* ‘Серая птица’ (антроп.) («Тюркско-арабский словарь», 1245 г.) (Курышжанов, 1970: 98, 99, 198).

2. Денотативные и коннотативные компоненты слова *буз* ‘сивый, серый’ в башкирском языке

2.1. Основное доминирующее значение слова в башкирском языке – сивый (о масти лошади): *буз ат* ‘сивая лошадь’, *ак буз* ‘светло-сивый’, *ала буз* ‘серо-пегий (с преобладанием белого)’. Лошади сивой масти обычно бывают смешанными с другими цветами: *ак буз* ‘светло-сивый’, *күк буз* ‘голубовато-сивый’, *кара буз* ‘темно-сивый’, *сыскан һыртлы буз* ‘сивый, с серой полосой вдоль хребта, букв. сивый с мышастым хребтом’. В фольклоре есть образ коня *Акбузат* ‘букв. светло-сивая лошадь’, который является волшебным крылатым богатырским конем, родоначальником тулпаров.

Значение ‘сивый’ слова *буз* широко представлено в художественных произведениях: *Кинйә атка атланғас, Айым менге яғына килеп, буз кашканың шул якка ятып үскән озон ялдарын һыйпаны, маңлайындағы кашкаһын һөйзө* ‘Когда Кинзя сел на коня, Аим взяла сивого (коня) с проточиной на лбу под уздцы, погладила его выпуклый лоб, провела рукой по шелковистой гриве’ (Г. Ибраһимов (КБЯП)).

Как отмечает У. Ф. Надергулов, *буз* и *күк* очень близки по окраске. Поэтому лошадей одной и той же масти могут называть как *буз ат*, так и *күк ат* (Надергулов, 2000: 54).

Данное значение является общетюркским явлением, так как оно встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме чувашского: ккалп. *боз* ‘сивый, светло-серый’, *боз ат* ‘сивая лошадь’ (КРС, 1958: 251), ног. *боз ат* ‘сивая лошадь’ (НРС, 1963: 83), тат. *буз ат* ‘лошадь пепельного цвета’ (ТРС 2007: 274), кирг. *боз ат* ‘сивая лошадь’ (КРС, 1985, I: 138), туркм. *боз ат* ‘серый конь’ (ТРС, 1968: 108), уйг. *ақ боз ат* ‘светло-серая лошадь’, *көк боз ат* ‘серая лошадь’ (УРС, 1968: 208), тув. *бора* ‘сивый (о масти лошади)’ (ТувРС, 1968: 113).

2.2. Другое цветовое значение слова – ‘светло-серый’, ‘светло-пепельный’, ‘землисто-серый’: *буз кауырһын* ‘серое перышко’.

В письменной и разговорной речи встречаются производные со значением высокой или недостаточной степени проявления признака – *бун-буз* (редко) ‘серый-пресерый’, которым передается степень светлоты серого цвета; *бузгыл*, *бузһыу*, с помощью которых отмечается

степень светлоты серого цвета и насыщенности хроматических цветов, т. е. их сероватые оттенки: *бузгыл күмер* 'сероватый уголь', *бузгыл төс* 'сероватый цвет'.

Цветообозначение буз 'серый' участвует в образовании сложных цветообозначений – различных оттенков серого цвета по светлоте (например, *ак буз*, *акһыл буз* 'светло-серый', 'светло-сивый', *кара буз* 'темно-сивый'), цветового тона, имеющегося в составе ахроматического цвета (*күк буз*, *күкһел буз* 'голубовато-серый, голубовато-сивый').

Данное значение широко представлено в прозе: *Кояш инде ысын һизәп кеүек акһыл буз төскә инеп артык югары күтәрелмәй* 'Солнце уже не поднимается высоко и не принимает светло-сивый цвет' (С. Агиш (КБЯП)); *Акбулатка Миңләямал көндөз ашай торған вак-төйәктәрен әзерләп, баләкәй генә бер буз тоқсайға төйөнсөкләп бирзе* 'Минляямал приготовил Акбулату перекусы для обеда и завернул ее в маленький серый мешок' (Г. Давлетшин (КБЯП)).

В других тюркских языках также наблюдается значение 'серый', 'светло-серый', 'землистый', 'белесый': калп. *боз* 'беловатый, белесый' (КРС, 1958: 251), кирг. *боз* 'светло-серый, светло-пепельный, сивый (о лошади)' (КРС, 1985, I: 138), алт. *боро бөрү* (РАС, 1964: 688), гаг. *боз тўўлў йабаны* 'серый волк' (ГРМС, 1973: 88), аз. *boz buludlar* 'серые тучи', *boz toprak* 'серозем' (АРС, 2006: 348), тур. *boz* 'цвета земли, серый, бурый', *boz kurt* 'серый волк' (ТРС, 1977: 129), уйг. *боз* 'светло-серый, серый' (УРС, 1968: 208), тув. *бора* 'серый' (ТРС, 1968: 113). Слово также участвует в словообразовании: аз. *boz qovaq* 'тополь, букв. серый куст' (АРС, 2006: 348), уйг. *боз жилиан* 'медянка, букв. 'серая змея' (УРС, 1968: 208).

Как показывают примеры, данное значение наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, кроме чувашского, следовательно, можно считать его общетюркским явлением.

2.3. Словом буз в башкирском языке также обозначается серая, сивая или сизая окраска птиц: *буз тургай* 'воробей полевой'. Это значение широко представлено в художественных произведениях: *Һауалағы буз тургай дәртле йырзы ишетеүгә, үз көйөн оңотоп, бер урында талпынды* 'Сивый жаворонок в небе, услышав веселые песни, перестал петь и начал махать крыльями' (А. Байрамов (КБЯП)).

Данное значение также наблюдается в других тюркских языках и носит общетюркский характер: ног. *боз торгай* 'жаворонок' (НРС, 1963: 83), аз. *boz qağayı* 'сизая чайка' (АРС, 2006: 348), уйг. *боз тоғай* 'вид жаворонка' (УРС, 1968: 208).

2.4. Со словами *дала* 'степь', *ялан* 'поле', *кыр* 'поле, нива' и т. д. слово буз принимает значения 'пустой, пустынный': *буз дала* 'пустынная степь', *буз кырзар* 'пустые/пустынные поля'. Это значение можно считать общетюркским, так как оно встречается и в других подгруппах тюркских языков: кирг. *боз* 'сухая степь без сочной растительности', *боз жер* 'земля без сочной растительности', *боз талаада жеке калган каркырадай болдум* 'я был подобен испуганному журавлю, оказавшемуся в одиночестве в степи' (КРС, 1985, I: 138), гаг. *боз кыр* 'степь' (ГРМС, 1973: 88), туркм. *боз* 'невозделанный, целинный, залежный', *боз мейдан* 'целина, целинные земли' (ТРС, 1968: 108), тур. *boz* 'целинный' (ТРС, 1977: 129), уйг. *боз* 'нетронутая земля, залежная земля, новь', *боз йәр* 'целина' (УРС, 1968: 208), узб. *бўз* 'целина', *бўз ерлар* 'целинные земли' (УРС, 1989: 45).

2.5. Наблюдаются значения 'молодой', 'вольный', 'беззаботный', 'одиноким' слова буз: *буз бала* 'беззаботный/несовершеннолетний ребенок', *буз егет* 'неженатый юноша', *буз мал* 'скот, пущенный на волю', *буз дөйә* 'одиноким верблюд'. Например, в башкирском языке значение 'вольный' зафиксировано в народной песне: *Әрмеләргә китә, һай, башығыз, буз балалар инде хушығыз* 'В армию уходите вы, вольные дети, до свиданья вам' (Песня «Вторая Армия»).

Это значение также можно считать общетюркским, так как оно встречается и в других подгруппах тюркских языков: тат. *бүз* 'молодой, юный', *бүз егет* 'молодой парень', *бүз бала* 'подросток' (ТРС, 2007, I: 274), кирг. *боз бала* 'молодой паренек' (КРС, 1985, I: 138), уйг. *боз бала* 'парень', *боз жигит* 'неженатый парень' (УРС, 1968: 208). Есть антропонимы

с компонентом *буз*, в котором заключено значение ‘холостой, неженатый’: *Бузейгет* ‘букв. неженатый парень’, *Бузтимер* < *буз* ‘неженатый’ + *антрон*. Тимер ‘букв. железо’.

2.6. В гидронимах цветообозначение *буз* ‘светло-серый’ указывает на темный, серый, мутный оттенок воды: *Бузыйлга* ‘букв. светло-серая река’ (название реки в Кугарчинском районе РБ).

2.7. Значение ‘тусклый, синий, темный’ прослеживается в глагольной форме цветообозначения – *бузарыу* ‘тускнеть, становиться серым, синим, мрачнеть (о лице)’: *күк йөзө бузарзы* ‘небо посерело’, *кер бузарзы* ‘белое стало серым (от плохой стирки)’, *һыуыктан кулдары бузарзы* ‘от холода руки у него посинели’, *йөзө бузарзы* ‘лицо его стало мрачным’.

Кроме вышеперечисленных, в других тюркских языках наблюдаются следующие значения: бурый (гаг. *боз айы* ‘бурый медведь’, тур. *boz ayı* ‘бурый медведь’), смуглый (кирг. *боз киле* ‘смуглянка’), пасмурный (аз. *boz gün* ‘серый/пасмурный день’), грубый (аз. *boz adam* ‘грубый человек’), неважный (тув. *бора будун* ‘неважный, посредственный, букв. целиком серый’), печальный (кирг. *эки көзүн боз чалды* ‘его глаза стали печальными’), южный (тур. *boz yel* ‘южный ветер’), марево (кирг. *Чөйдүн талаасына боз түшүп турду* ‘на Чуйских полях держалось марево’), бледный (узб. *бўзар* – ‘бледнеть’) и др. (АРС, 2006: 348, ГРМС, 1973: 88, КРС, 1985, I: 138, ТРС, 1977: 129, ТувРС, 1968: 113, УРС, 1989: 45).

3. О семантической сочетаемости слова *буз* ‘сивый, серый’ в башкирском языке

Для языковой семантики цветообозначений также важно не только то, «какую часть спектра охватывает название цвета, но и его сочетаемость и коннотации» [Дыбо, Михайлова, Норманская, 2002: 8–10]. Выделяют названия с неограниченным предметным сочетанием и слова с ограниченной лексической сочетаемостью. Названия с неограниченным предметным сочетанием применимы для описания окраски любого предмета. Слова с ограниченной лексической сочетаемостью имеют способность вступать в сочетания лишь с ограниченным количеством (или единицами) слов (названия мастей животных, цветов автомобилей и т. д.). Цветообозначения, которые изначально характеризовались предметно-ограниченной сочетаемостью в тюркских языках, в современном башкирском языке расширили семантику и приобрели свойство употребления с неограниченным кругом предметов.

Таблица

Семантическая сочетаемость цветообозначения *буз* ‘сивый, серый’ в башкирском языке

Семантическое поле	Предмет, объект, явление	Примеры
Человек	Кожа	<i>йөзө бузарзы</i> ‘лицо помрачнело, букв. посерело’
Животный мир	Лошадь Воробей	<i>буз ат</i> ‘сивый конь’ <i>буз тургай</i> ‘жаворонок, букв. сивый воробей’
Растительный мир	Березовые почки	<i>кайын бөрөһө буз төстә</i> ‘березовые почки сероватого цвета’
Горные породы, минералы	Уголь	<i>буз күмер</i> ‘сероватый, бурый, уголь’
Небо, небесные тела	Небо	<i>күк йөзө бузарыу</i> ‘небо посерело’
Ландшафт	Степь	<i>буз дала</i> ‘пустынная степь, букв. серая степь’
Абстрактные понятия	Душа	<i>күңел бузарыу</i> ‘душа помрачнела, букв. посерела’

Возможно, и цветообозначение буз 'сивый, серый' изначально имело ограниченную сочетаемость, употреблялось по отношению к животным. Но в современном башкирском языке данное цветообозначение расширило семантику и используется уже в сочетании с названиями неограниченного круга предметов:

Как представлено в таблице, цветообозначение буз 'сивый, серый' в башкирском языке употребляется не только в сочетании с названиями животных, но и других предметов и понятий: соматизмами, ботаническими терминами, названиями горных пород и минералов, неба и небесных тел, ландшафта, абстрактных понятий.

Заключение

В ходе исследования выявлено, что лексема буз восходит к пратюркскому *boŕ 'серый', которое, в свою очередь, произошло от праалтайского *boŕV 'серый'. Рефлексы праалтайской формы наблюдаются в тюркских и монгольских языках в значении сивой, серой масти лошади.

Слово зафиксировано уже в первых письменных памятниках тюрок, в которых оно в основном употребляется относительно масти серой, сивой лошади, также встречается его употребление в качестве эпитета облака.

В башкирском языке основная семантическая нагрузка слова буз заключается в обозначении масти лошади шерстью серого цвета с темными переливами, окраски животных и птиц. Но все же материал из корпусов прозы показывает, что в современном башкирском языке слово буз расширило семантику и употребляется в значениях 'светло-серый', 'светло-пепельный', 'землисто-серый', 'пустой', 'пустынный', 'молодой', 'вольный', 'беззаботный', 'одинокый'. Цветообозначение может сочетаться с названиями широкого круга предметов: с названиями животных, соматизмами, ботаническими терминами, названиями горных пород и минералов, неба и небесных тел, ландшафта, абстрактных понятий.

Список сокращений:

Языки: аз. – азербайджанский, алт. – алтайский, башк. – башкирский, бур. – бурятский, гаг. – гагаузский, каз. – казахский, кбалк. – карачаево-балкарский, кирг. – киргизский, калм. – калмыцкий, ккалп. – каракалпакский, кр.-тат. – крымскотатарский, кум. – кумыкский, халх.-монг. – халха-монгольский, ног. – ногойский, тат. – татарский, тув. – тувинский, тур. – турецкий, туркм. – туркменский, узб. – узбекский язык, уйг. – уйгурский, хак. – хакасский, чув. – чувашский, шор. – шорский, як. – якутский.

Литература:

- АРС 2006** – Азербайджанско-русский словарь. Т. I. Баку, 2006.
АРС 2015 – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2015.
Бектаев К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. Алматы, 1995.
БРТС 2009 – Большой русско-турецкий словарь. М., 2009.
ГРМС – Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.
Дыбо А. В., Михайлова Т. А., Норманская Ю. В. Основные цветообозначения в кельтских языках // Московский лингвистический журнал. 2002. Т. 6. № 1. С. 7–52.
КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
КБЯП – Корпус башкирского языка. Проза. <http://212.193.132.98/bashkorp/bashkorp>. Дата обращения: 14.07.2022.
Кормушин И. В. Цветообозначения // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001. С. 592–608.
КРС 1958 – Каракалпакско-русский словарь. М., 1958.
КРС 1969 – Кумыкско-русский словарь. М., 1969.

- KPC 1985, I** – Киргизско-русский словарь. Кн. 1 (А–К). Фрунзе, 1985.
KPC 1985, II – Киргизско-русский словарь. Кн. 2 (Л–Я). Фрунзе, 1985.
KPC 2011 – Кумыкско-русский словарь. Махачкала, 2011.
KPTC 1968 – Краткий русско-туркменский словарь. Ашхабад, 1968.
Курышжанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. Тюркско-арабского словаря. Алма-Ата, 1970.
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М., Л., 1951.
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959.
Муратова Р. Т. Происхождение и лексико-семантическая характеристика цветообозначения *һоро* ‘серый’ в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 1. С. 138–143. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.22.
Надергулов У. Ф. Животноводческая лексика башкир. Уфа, 2000.
НРС – Ногайско-русский словарь. М., 1963.
РАС 1964 – Русско-алтайский словарь. М., 1964.
РКС 1960 – Русско-кумыкский словарь. М., 1960.
РТС 1980 – Русско-тувинский словарь. М., 1980.
ТРС 1968 – Туркменско-русский словарь. М., 1968.
ТРС 1977 – Турецко-русский словарь. М., 1977.
ТРС 2007 – Татарско-русский словарь. Т. I. Казань, 2007.
ТувРС 1968 – Тувинско-русский словарь. М., 1968.
УРС 1959 – Узбекско-русский словарь. М., 1959.
УРС 1961 – Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961.
УРС 1968 – Наджип Э. Н. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.
Усеинов С. М. Русско-крымско-татарский, крымско-татарско-русский словарь. Симферополь, 2007.
ЧРС – Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1985.
ШРС 1993 – Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993.
ЭСТЯ 1978 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву “Б”. М., 1978.
ЯРС 1972 – Якутско-русский словарь. М., 1972.
EDAL – *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

Муратова Римма Талгатовна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

Пр. Октября, 71, г. Уфа, 450054.

E-mail: bairima@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 4 сентября 2022 г.

R. T. Muratova

COLOR TERM BUÐ ‘GRAY’ IN THE BASHKIR LANGUAGE: HISTORICAL-ETYMOLOGICAL AND LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS

This article is devoted to the study of the origin, historical development and use of the color designation *buð* ‘gray, grey’ in the Bashkir language. For the first time, this word is considered in a wide chronological range: the development of the lexeme from the origin of the word to the current state is traced. The etymology of the word is based on the works of scientists, in which ancient forms are restored, the evolution of the word meanings can be traced through written sources starting from the ancient Turkic period. The relevance of the study is due to the lack of a comprehensive research on the origin, development and functioning of this lexeme in the Turkic languages. The study revealed that the lexeme *buð* goes back to the Proto-Turkic **boř* ‘gray’, which, in turn, came from the Proto-Altaic **bořV* ‘gray’. It was found that in the Bashkir language the main semantic load of the word *buð* is the designation of the color of the gray hair and the color of animals and birds. But nevertheless, the material from the text corpus shows that in the modern Bashkir language the word *buð* has expanded its semantics and has meanings of ‘light gray’, ‘light ash’, ‘earthy gray’, ‘empty’, ‘desert’, ‘young’, ‘free’, ‘carefree’, ‘lonely’.

Color designation can be combined with the names of a wide range of objects: animals, somatisms, botanical terms, names of rocks and minerals, sky and celestial bodies, landscape, abstract concepts.

Keywords: *color naming of gray, Bashkir language, Turkic languages, semantics, comparative historical research.*

References:

- Azerbaydzhansko-russkiy slovar'** [Azerbaijani-Russian dictionary]. – Vol. 1. Baku, 2006.
- Altaysko-russkiy slovar'** [Altaiian-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2015.
- Bektaev K.** Bol'shoy kazakhsko-russkiy, russko-kazakhskiy slovar' [Great Kazach-Russian, Russian-Kazach dictionary]. Almaty, 1995.
- Bol'shoy russko-turetskiy slovar'** [The Big Russian-Turkish dictionary]. M., 2009.
- Gagauzsko-russko-moldavskiy slovar'** [Gagauz-Russian-Moldavian dictionary]. M., 1973.
- Dybo A. V., Mikhaylova T. A., Normanskaya Yu. V.** Osnovnye tsvetoooboznacheniya v kel'tskikh yazykakh [Basic color designations in Celtic languages]. Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal. 2002. Vol. 6. No. 1. Pp. 7–52. (In Russian).
- Karachaevo-balkarsko-russkiy slovar'** [Karachai-Balkar-Russian dictionary]. M., 1989.
- Korpus bashkirskogo yazyka.** Proza. [Corpus of the Bashkir language. Prose]. URL: <http://212.193.132.98/bashkorp/bashkorp> (accessed 07.08.2022). (In Bashkir).
- Kormushin I. V.** Tsvetooboznacheniya [Color terms] // Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic languages. Lexis]. M., 2001. Pp. 592–608. (In Russian).
- Karakalpaksko-russkiy slovar'** [Kara-Kalpak-Russian dictionary]. M., 1958.
- Kumyksko-russkiy slovar'** [Kumyk-Russian dictionary]. M., 1969.
- Kirgizsko-russkiy slovar'** [Kirghiz-Russian dictionary]. Vol. 1. Frunze, 1985.
- Kirgizsko-russkiy slovar'** [Kirghiz-Russian dictionary]. Vol. 2. Frunze, 1985.
- Kumyksko-russkiy slovar'** [Kumyk-Russian dictionary]. Makhachkala, 2011.
- Kratkiy russko-turkmenskiy slovar'** [A short Russian-Turkmen dictionary]. Ashgabat, 1968.
- Kuryshzhanov A. K.** Issledovanie po leksike starokypchakskogo pis'mennogo pamyatnika XIII v. – Tyurksko-arabskogo slovarya [A study on the vocabulary of Starokypchaksky written monument of the XIII century. Turk-Arabic dictionary]. Alma-Ata, 1970. (In Russian).
- Malov S. E.** Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. Teksty i issledovaniya [Monuments of Old Turkic writing. Texts and studies]. M., L., 1951. (In Russian).
- Malov S. E.** Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti Mongolii i Kirgizii [Monuments of ancient Turkic writing Mongolia and Kyrgyzstan]. M–L., 1959. (In Russian).
- Muratova R. T.** Proiskhozhdenie i leksiko-semanticheskaya kharakteristika tsvetooboznacheniya slova 'seryy' v bashkirskom yazyke [Origin and lexical and semantic characteristics of the color designation word 'gray' in the Bashkir language]. Vestnik Bashkirskogo universiteta (Bulletin of Bashkir University). 2021. Vol. 26. No. 1. P. 138–143. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.22. (In Russian).
- Nadzhip E. N.** Tyurkoyazychnyy pamyatnik XIV veka «Gulistan» S. Sarai i ego yazyk [The 14th century Turkic monument "Gulistan" by S. Sarai and his language]. Alma-Ata, 1975. (In Russian).
- Nadergulov U. F.** Zhivotnovodcheskaya leksika Bashkir [Bashkir livestock vocabulary]. Ufa, 2000. (In Russian).
- Nogaysko-russkiy slovar'** [Nogai-Russian dictionary]. M., 1963.
- Russko-altayskiy slovar'** [Russian-Altai dictionary]. M., 1964.
- Russko-kumykskiy slovar'** [Russian-Kumyk dictionary]. M., 1960.
- Russko-tuvinskiy slovar'** [Russian-Tuvan dictionary]. M., 1980.
- Turetsko-russkiy slovar'** [Turkish-Russian dictionary]. M., 1977.
- Turkmensko-russkiy slovar'** [Turkmen-Russian dictionary]. M., 1968.
- Tatarsko-russkiy slovar'** [Tatar-Russian dictionary]. Vol. 1. Kazan, 2007.
- Tuvinsko-russkiy slovar'** [Tuvan-Russian dictionary]. M., 1968.
- Uygursko-russkiy slovar'** [Uighur-Russian dictionary]. Alma-Ata, 1961.
- Uzbeksko-russkiy slovar'** [Uzbek-Russian dictionary]. M., 1959.
- Nadzhip E. N.** Uygursko-russkiy slovar' [Uighur-Russian dictionary]. M., 1968.
- Useinov S. M.** Russko-krymskotatarskiy, krymskotatarsko-russkiy slovar' [Russian Russian-Crimean Tatar, Crimean Tatar-Russian dictionary]. Simferopol', 2007.
- Chuvashsko-russkiy slovar'** [Chuvash-Russian dictionary]. Cheboksary, 1985.

Kurpeshko-Tannagasheva N. N., Apon'kin F. Ya. Shorsko-russkiy i russko-shorskiy slovar' [Russian Russian and Russian-Shorsky dictionary]. Kemerovo, 1993.

Sevortyan E. V. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na «Б» [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with Б]. М., 1978. (In Russian).

Yakutsko-russkiy slovar' [Yakut-Russian dictionary]. М., 1972.

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

Muratova Rimma Talgatovna.

PhD, senior researcher.

Institute for History, Language and Literature

Ufa Federal Research Centre of RAS.

Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.

E-mail: bairima@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЯ

Е. В. Барсуков

ОЗЕРА НА «ЧЕРТЕЖЕ ЗЕМЛИ НАРЫМСКОГО ГОРОДА» С. У. РЕМЕЗОВА: ГЕОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ¹

«Чертежная книга Сибири» – уникальный источник по истории и географии Сибири XVII–XVIII вв. Представлен анализ входящего в ее состав документа – «Чертежа земли Нарымского города». В русский период истории эта территория была известна под собирательным названием «Нарымский край». Согласно современному административному делению, это центральная и северная часть Томской области. Условной топографической основой этого чертежа является гидрографическая сеть, которая представлена фрагментом среднего течения бассейна р. Оби. Одним из ее важнейших элементов являются озера, представленные на нарымском чертеже несколькими типами условных обозначений. Нарымский край известен богатством и обилием озер, однако на данной карте С. У. Ремезова зафиксировано только 12 водоемов этого типа. Также анализируются особенности локализации этих озер на чертеже и изучение используемых картографом условных знаков и текста легенд, представленных на русском и голландском языке. На основании комплекса источников, сведений исследователей и путешественников XVIII–XIX вв. и исторических картографических материалов проводится идентификация обозначенных С. У. Ремезовым озер с известными на исторических и современных картографических материалах водоемами. Рассматривается вопрос о критериях выбора картографом для фиксации на чертеже конкретных водных объектов, изучается их значение для местного населения. Делается вывод, что С. У. Ремезовым зафиксированы реально существующие географические объекты, которые, по данным комплексного анализа источников, могут быть соотнесены с озерами, зафиксированными на современных географических картах. Эти водоемы являлись важным элементом системы жизнеобеспечения обитателей Нарымского края, были хорошо им известны, причем выявляются не только промысловые качества этих озер, но и их культовое значение. Отмечается, что большая часть отмеченных на нарымском чертеже водоемов географически тяготеет к очагам раннего русского освоения, что характеризует специфику сбора С. У. Ремезовым информации и особенности используемых им сведений и источников.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Нарымский край, гидрографическая сеть, озера, С. У. Ремезов, Чертежная книга Сибири, Чертеж земли Нарымского города, археология, этнография.*

«Чертежная книга Сибири», автором-составителем которой является Семен Ульянович Ремезов, заслуживающий за свои труды звания самого известного сибиряка, оправданно считается важнейшим источником по истории и географии Сибири XVII–XVIII вв. Этот документ не нуждается в дополнительных представлениях, входящие в его состав материалы – неотъемлемый документ эпохи, включенный в историографию начального периода русского освоения Сибири.

Несмотря на то что для чертежей С. У. Ремезова в качестве синонима специалисты традиционно используют термин «карта», отождествить их с современными картографическими материалами невозможно и не только из-за технической разницы в передаче информации, но и из-за другого принципа отображения действительности. Ремезовские чертежи как бы наслаивают в себе разнопрофильные данные, которые сегодня разнесены на специализированные физические, политические, историко-географические и пр. карты. По нашему мнению, их функциональное поле гораздо шире, они напоминают своеобразную «энциклопедию», хоть и подготовленную с использованием методов картографии, свойственных своему времени. Несмотря на выборочное представление материала, отсутствие масштаба и нарушение пропорций, это не хаотичное нагромождение знаков и подписей, а система взаимосвязанных элементов, представленных условными обозначениями, дополненными легендами и краткими текстовыми пояснениями к ним (Черная, 2002: 10–13). С помощью этого

¹ Работа выполнена по теме Госзадания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

нехитрого инструментария картограф зафиксировал огромный массив разнообразной информации о Сибири, однако расшифровка и прочтение этих сведений требуют нетривиального подхода.

Данная статья входит в серию работ, в которых рассматривается информационный потенциал «Чертежа земли Нарымского города» (ЧКС, 1882: 10), и нацелена на анализ озер – одного из элементов гидрографической сети. Документ (10 лист «ЧКС») характеризует территорию, которая в русский период истории Зауралья была известна под собирательным названием «Нарымский край» (Плотников, 1901: 1). Согласно современному административному делению, это центральная и северная часть Томской области (за исключением большей части территории Александровского района) (рис. 1).

Практически на всех картах, входящих в состав «ЧКС», условной топографической основой является гидрографическая сеть, которая представлена в этом источнике достаточно подробно. Именно на гидрографию ориентируются исследователи, анализирующие карты С. У. Ремезова при осуществлении пространственной «привязки» тех или иных объектов, используя водотоки как своеобразные топографические репера. Внимательное и вдумчивое изучение речной сети обеспечивает достоверность извлекаемых сведений и качество интерпретаций.

На «Чертеже земли Нарымского города» основу гидрографической сети составляет р. Обь и ее притоки, которые по вышеуказанным причинам в первую очередь обращают на себя внимание исследователей. Нужно заметить, что кроме рек на чертеже присутствуют и озера, но они, как правило, остаются вне исследовательского внимания, хотя, являясь элементами гидрографической сети, не менее важны при анализе этого источника.

На нарымском чертеже выявлено всего 12 условных обозначений, которые трактуются как озерные водоемы. Факт их присутствия на данной карте не представляется уникальным, зафиксированы они и на других листах «ЧКС», однако именно для Нарыма эта деталь имеет особое значение. Еще в конце XIX в. отмечалось, что обилие, богатство и разнообразие озер – одна из природных особенностей края (Костров, 1872: 1; Плотников, 1901: 12). В настоящее время на территории Томской области зафиксировано 112,9 тысячи озер (Сурнов, Земцов, 1990: 59–60). Большая часть этих водоемов расположена именно в пределах Нарымского края. В этом контексте их незначительное количество на нарымском чертеже (лишь 12 озер) требует объяснения, особенно на фоне обозначений других географических объектов. К примеру, здесь не единожды указаны «горы», хотя с конца XIX в. утвердилось мнение: «гор на всем пространстве Нарымского края нет...» (Костров, 1872: 1).

Отмеченная ситуация делает вполне естественными следующие вопросы: каким критерием руководствовался картограф при выборе конкретных озер для фиксации? что привлекло его внимание и обусловило представление именно этих 12 водоемов? Предположение о «случайном» или «иллюстративном» характере их появления на нарымском чертеже является несостоятельным, так как для некоторых из этих водоемов указаны названия, которые сохранились на современных картах и имеют аналогичную локализацию, по этой причине их тождество с реально существующими водоемами не подлежит сомнению. Аналогичным образом можно рассуждать и о степени осведомленности картографа, предполагая, что он мог обладать данными только об указанной группе водоемов, но и это не объясняет выбор конкретных 12 озер из нескольких тысяч. Зафиксированные на чертеже озерные водоемы не обладают уникальными природно-географическими характеристиками: размерами, площадью водной глади, глубиной, свойствами воды и т. д., это означает, что при их выборе картограф руководствовался другими мотивами.

Все вышесказанное позволяет высказать предположение, что обозначенные на нарымском чертеже озера в период его составления являлись для местных жителей не рядовыми географическими объектами. Они были включены в систему жизнеобеспечения, выступали ее важным звеном и выполняли значимые функции, обусловив не только известность среди

нарымских обитателей, но и необходимость обозначения на чертеже. Таким образом, представленная статья нацелена не только на анализ локализации и идентификацию озер по современным данным, но и на выявление роли и значения этих объектов для населения Нарымского края.

Важнейшим этапом исследования является разработка методики идентификации обозначенных на нарымском чертеже озерных водоемов и их корреляция с современной топографической ситуацией, позволяющая охарактеризовать их географию с позиций знаний сегодняшнего дня. Связующим звеном между сведениями С. У. Ремезова и данными современных географических карт являются подробные описания Нарымского края, подготовленные исследователями и путешественниками XVIII–XIX вв. Прежде всего это материалы Г. Ф. Миллера, статьи Н. П. Григоровского, работы Н. Кострова и А. Ф. Плотникова (Сибирь XVIII века..., 1996; Григоровский, 1884; Костров, 1872; Плотников, 1901). Не менее важными являются исторические картографические материалы XIX – начала XX в., из многообразия которых особенно информативными и пригодными для целей исследования оказались «Карта Томской губернии» 1911 г. и «Карта населенных мест Нарымского края» 1914 г., составленные Томской переселенческой комиссией (Карта Томской губернии, 1911; Карта населенных мест..., 1914). Использование комплекса источников позволяет преодолеть отмеченный хронологический разрыв между нарымским чертежом и современными картографическими материалами, свести к минимуму ошибку в идентификации озерных водоемов.

Специфика изображения и подписи к выявленным 12 объектам на «Чертеже земли Нарымского города» позволяют интерпретировать их как условные обозначения озер. С. У. Ремезов использует два типа знаков (рис. 2). В большинстве случаев это круг или овал с заливкой темно-серого или черного цвета. Менее распространен вариант, где водоемы передаются овалами и кругами, представляющими собой контур, прорисованный аналогичным темно-серым или черным цветом, с точечной или мелкоштриховой заливкой по внутреннему абрису на белом фоне. Нужно отметить условно-схематичное размещение этих условных обозначений на поле чертежа, что выражается в нарушении пропорций и значительном смещении озер и окружающих их объектов относительно реальной топографической ситуации.

В некоторых случаях изображения озер сопровождаются подписями-легендами, однако 4 объекта представлены без текстового дополнения (рис. 2). Даже у такой немногочисленной группы объектов структура легенд не отличается единообразием. Надписи выполнены черным цветом, только в одном случае использована красная краска. Большая часть легенд двусоставная, состоящая из указания разновидности географического объекта, в данном случае типа водоема, и его названия. Для первой части подписей-легенд используется преимущественно слово «озеро», в единичных случаях буква «о». Большинство надписей представлено в единственном числе, в одном случае для группы озер употребляется множественное, причем присутствует только слово «озера», без названия.

Легенды условных обозначений озер дополнены надписями на голландском языке. Для указания типа водоема используется термин «meyer» или «meyeren», либо просто буква «m». Аналогично с русским вариантом в надписях на голландском используется единственное и множественное число. Интерес представляет сравнительный анализ надписей на русском и голландском языке: преимущественно это просто транслитерация русского варианта, однако в исключительных случаях, когда в качестве наименования используются обычные слова, представлен буквальный перевод, например, «озеро Болшее» – «gross meyr». В некоторых случаях название, выступающее в русском варианте как существительное, в надписи на голландском вынесено на первое место в качестве уточняющего прилагательного, например, русский вариант «озеро Нарым» – в переводе «narymse meyr». Анализ надписей на голландском языке, имеющих отношение к этой небольшой группе объектов, указывает, что они не всегда идентичны своему русскому аналогу. Это означает, что потенциально они могут выступать источником дополнительной информации и о других деталях чертежа.

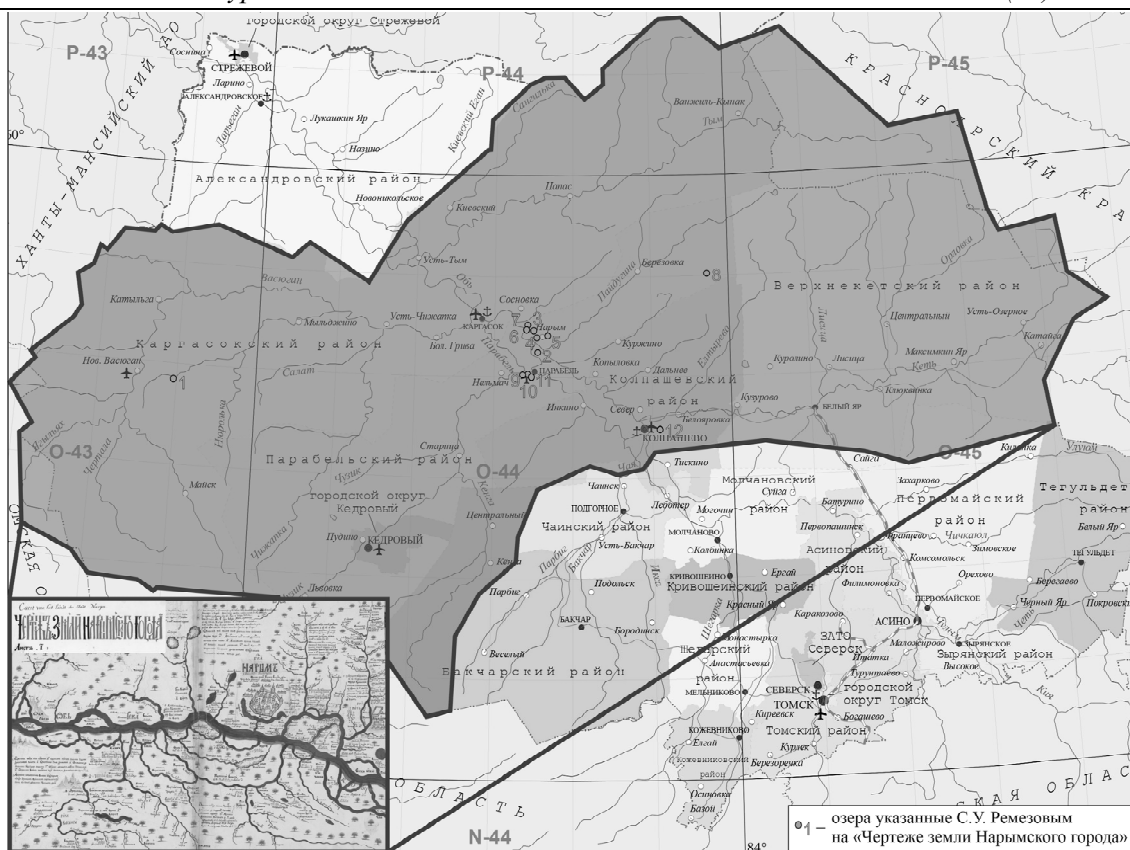

Рис. 1. «Чертеж земли Нарымского города». Проекция на карту современной Томской области

Озера на «Чертеже земли Нарымского города»					
№	обозначения на чертеже	конфигурация на современных картах	названия на чертеже		современные названия
1			Нюрилское озеро	<i>nürylske meyz</i>	оз. Тухэмптор
2			озеро Пижежино	<i>m. Pyzhezhino</i>	протока Пиго, оз. Кривое
3			озеро Нарым	<i>Narymske meyz</i>	протока Безымянная, р. Нарымка
4			озеро Тюхтерово	<i>m. Tyukhterevo</i>	оз. Тюхтерово
5			озеро Большое	<i>dyvny meyz</i>	оз. Черное
6			оз. Пинимелак	—	оз. Мелкое
7			озеро	<i>meyzren</i>	оз. Люнгниткино
8			озеро	<i>meyzren</i>	оз. Городищенское
9			без названий	—	—
10			без названий	—	—
11			без названий	—	—
12			без названий	—	—

Рис. 2. Озера «Чертежа земли Нарымского города» по данным С. У. Ремезова и сведениям современных карт

Прежде чем перейти к характеристике озерных водоемов, обозначенных на нарымском чертеже, необходимо представить общую характеристику озер Нарымского края. По нашему мнению, это логично сделать по сведениям, собранным до начала планомерных научных исследований в крае. Данные о гидрографии этого района, накопленные за 300 лет русского присутствия в Сибири, были впервые обобщены в конце XIX в. и представлены в первых сводных работах, посвященных Нарымскому краю в исследованиях Н. Кострова и А. Ф. Плотникова (Костров, 1874: 9–10; Плотников, 1901: 12–13). Согласно этим данным, озера представлены двумя типами: первые локализуются в «попесье» и «урманах», по-местному – «материках» и известны под названием «боровых озер». Вторую группу составляют озера, находящиеся в пределах низменностей (пойм), около русел рек или на незначительном удалении от них, подобная местность называлась по-местному – «сор». Производным от этого термина является название данного типа водоемов – «соровые озера». Если оно сообщалось с рекой посредством небольшого канала, который пересыхал при спаде воды летом, то по-местному его называли «чвором».

«Боровые» и «соровые» озера отличались не только генезисом, но и характеристиками. Как отмечает А. Ф. Плотников, первые характеризовались значительной глубиной, достигающей 5–6 аршин (3,5–4,2 м) и более чистой пригодной для употребления водой; «соровые» имели непостоянные отметки глубины, которая колебалась от 1 до 4 аршин (0,7–2,8 м), а воду можно было употреблять только после кипячения. По форме боровые озера являются преимущественно круглыми, соровые – овальными (Плотников, 1901: 13). Пойменные и материковые озера были богаты рыбой и активно использовались в промыслах местного населения, а также были объектом преданий и легенд (Тучкова, 2014: 51–54). Не подлежит сомнению, что на нарымском чертеже обозначены оба типа озер: «боровые» и «соровые».

1. Озеро Нюрилское

На «Чертеже земли Нарымского города» в левобережной части р. Обь отмечено пять озер. Среди них своими размерами выделяется водоем, указанный в бассейне р. Васюган, на его правобережье. Озеро обозначено под названием Нюрилское и является единственным, для которого на чертеже указаны размеры, причем длина определяется днями пути, а ширина верстами: «Нюрилское озеро ходу по нем в длину 1 день, в ширину с версту». По данным С. У. Ремезова, расстояние до этого озера от устья р. Чижанки оценивалось в три дня пути, от устья Васюгана шесть дней (ЧКС, 1882: 10).

На современных картах в интересующей нас части долины Васюгана значительными размерами выделяется единственный озерный водоем. Это одно из крупнейших озер Нарымского края, известное под названием «Тухэктор», с хантыйского «озеро», «большое озеро» (Лукина, 1980 с. 93). В конце XIX – начале XX в. оно обозначалось также под наименованием «Тух-сигат» (Карта Томской губернии, 1911; Плотников, 1901: 13).

На нарымском чертеже озеро имеет неправильную вытянутую форму, извилистые берега. Нужно заметить, что конфигурация озера, выполненная С. У. Ремезовым, напоминает форму водоема на современных топографических картах, схожими являются и размеры. На современных картах оно имеет приблизительную длину 7–8 км, ширину 1–1,5 км.

На нарымском чертеже в северо-восточной оконечности озера обозначена вытекающая из него река, название которой представлено только на голландском языке – «niulrys». Она впадает в водоток с нехарактерным для этой местности названием – «Кирилка». По нашему мнению, под этой рекой следует понимать известную на современных картах р. Нюрольку, наименование которой не совсем верно отображено на чертеже. В целом описанная ситуация соответствует современной топографии Тухэктора, согласно которой на северо-востоке из озера вытекает р. Тухсигат, левый приток р. Нюрольки. По-видимому,

в период создания «Чертежной книги» название главной реки Нюрольки распространялось на озеро и вытекающую из него реку.

Тухэмтор имел промысловое значение и был хорошо известен населению Привасюганья. На берегу озера издревле располагались юрты инородцев, которые в XIX в. назывались Тух-Сигат-пуголь, а позднее стали известны как Озерные. Кроме этого, водоем являлся важным сакральным объектом, часто упоминался в местных преданиях и сказаниях. В истоке р. Тухсигат, вытекающей из озера, находился так называемый «Могильный мыс», в пределах которого располагалось хантыйское кладбище, практически полностью исследованное в 1973 г. В. А. Дремовым. По сведениям местных жителей, рядом находилось другое хантыйское кладбище – детское (Яковлев, 1994: 38–39).

Кроме этого, на озере и связанных в нем водотоках находилось несколько культовых и священных мест (Лукина, 1980: 98–99). Еще в XIX в. существовали предания о небольшом островке, на котором находился амбарчик с хранящимися в нем остяцкими куклами-идолами: «Ортыни-пай (богатая баба) и две ее прислужницы (айми) ... очень уважалась инородцами как приносящая семейное счастье и удачи в промыслах, почему ей приносили много подарков» (Плотников, 1901: 200–201).

Близ этого озера находилось и другое священное место. Это громадная пихта, у корня которой приносились в дар «юнгу» деревянные колотушки, которыми при рыбном промысле били рыбу по голове. По местным убеждениям, каждый из приехавших на промысел инородцев должен был сделать подарок духу, в противном случае можно было остаться без рыбы (Григоровский, 1884: 39–40; Плотников, 1901: 201).

Озеро Тухэмтор было заселено с глубокой древности. На его берегах известен комплекс разнотипных археологических памятников, древнейшие из которых датируются эпохой неолита. Памятники были открыты и исследовались Ю. Ф. Кирюшиным с 1970-х гг. (Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990: 173–178).

2. Озеро Пиженжино

Кроме Нюрилского на нарымском чертеже в левобережье Оби обозначено озеро под названием Пиженжино. Его локализация однозначно указывает на пойменный характер этого водоема, то есть это «соровое» озеро или «чвор». Пиженжино являлось частью обской протоки Пиго и находилось недалеко от ее верхнего устья.

Обнаружить этот обской рукав на современных картах не составляет большого труда. Пиго – протяженная протока на левом берегу р. Обь, верхнее устье находится в урочище Чистый яр, приблизительно в 10 км выше пос. Нарым, нижнее – в 16–17 км ниже пос. Каргасок. Продолжением этой протоки на юге является озеро Кривое, бывшее, видимо, ее старым верхним устьем. На современных картах Пиго – это сеть пойменных («соровых» или «чворовых») озер, которые в отдельные периоды года не составляют единой системы, однако во время весенних половодий образуют огромный водоем. В настоящее время эта протока известна обилием щуки, а также функционированием на ее берегах, в урочище «Чистый яр», туристического объекта с гидротермальными источниками.

Таким образом, обозначенное на нарымском чертеже озеро Пиженжино является южной частью вышеописанной протоки, вероятнее всего, связано с озером Кривым. Сегмент поймы, который дренирует протока Пиго, интересен тем, что через него проходил зимний путь из Парабели до Нарыма. Место перевала через р. Обь называлось Татауровский волок. По письменным источникам известно, что в этом районе располагались юрты с таким названием, переставшие существовать к концу XIX в. (Плотников, 1901: 172). Путь этот, видимо, был проложен очень давно, использовался русским населением нижнего течения р. Парабель, обитателями так называемого «Парабельского кряжа». В настоящее время здесь

проходит автозимник до пос. Нарым, который протекает в том числе и по берегу протоки Пиго и озеру Кривому. Таким образом, протока и соединенные с ней озера, в том числе озеро Пиженжино, были хорошо известны местному русскому населению, так как через эту местность пролегал путь, соединявший русские селения на р. Парабель и город Нарым.

3. Озеро Нарым

На правобережье р. Обь озерные водоемы сконцентрированы по большей части в районе «град Нарыма». Ближайшим к нему является озеро Нарымское, обозначенное с западной стороны от города, оно как будто «обнимает» с этого направления его стены. С р. Обью озеро соединяется протокой Нарымской, с устьем в центральной части озера. Местоположение «град Нарыма» на чертеже совпадает с локализацией современного одноименного поселка, однако на современных географических картах в непосредственной близости от Нарыма схожих по параметрам озер не зафиксировано, здесь только протоки и реки. С севера границей поселка является берег р. Нарымки, которая впадает в протоку Безымянную, являющуюся западной границей Нарыма. Разобраться в ситуации позволяют сведения письменных источников, свидетельства исследователей и путешественников XVII–XIX вв.

Самыми ранними и хронологически близкими датам создания чертежа являются данные Милеску Спафария: «а город Нарым не строен по Обе реке, но на острове близ проточки, которая течет из Кети реки в Обь, однакоже и с полверсты не будет дале от реки Оби» (Путешествие через Сибирь..., 1882: 67).

Эту информацию дополняют подробные свидетельства Г. Ф. Миллера: «Перед городом в Обь течет маленькая речка, которая в 3–4 верстах отсюда вытекает из маленького озера. Она называется по-остяцки Kuotschel-teo, то есть Городцкая протока... На северном берегу этой реки и стоит город. При высоком уровне воды «озеро, из которого вытекает речка Kuotschel-teo, имеет сообщение с р. Кетью посредством которого, а также вдоль речки образуется довольно широкая протока из Кети в р. Обь, которая, однако, следует не вдоль всей речки до ее устья, а поворачивает вправо, как только минует город. В то время как другая протока течет из Оби вверх по речке и соединяется с предыдущей немного ниже города, так что район тех домов в Камчатке этими обеими протоками превращается в остров (Сибирь XVIII века..., 1996: 186–187). И наконец, описание Нарыма А. Ф. Плотниковым: «Город Нарым омывается водами с двух сторон: с южной – речкой Нарымкой, впадающей в Обь, с западной – рекою Обью. Протока Безымянная вытекает из Нарымки и впадает в Обь в 7 верстах от города. Во время разлива вешних вод ее ширина перед городом бывает от 100 до 150 саженей, глубина от 5 до 7 саженей. Осенью иногда эта протока высыхает до того, что бывает доступна даже для пешеходов, между тем как в половодье она “быстра и сердита”» (Плотников, 1901: 129–130).

В приведенных сведениях XVII–XIX вв. упоминается современная р. Нарымка, на ее северном берегу расположен Нарым. Она берет начало в 4–5 км от города, в высокую воду соединяет рр. Кеть и Обь. На некоторых картах XIX в. она обозначена как протока между этими реками. Протоку Безымянную упоминает только А. Ф. Плотников, причем характеризует ее как продолжение р. Нарымки, а не как обской рукав. По его данным, в некоторые годы к осени она пересыхала, по-видимому, не имела стока в р. Обь в нижнем устье. Схожая информация и у Г. Ф. Миллера, который также указывает, что эта протока – продолжение р. Нарымки, ее гидрологический режим меняется в «высокую воду».

Таким образом, сведения исторических источников, дополненные результатами натурального обследования пос. Нарым, позволяют предполагать причины несоответствия между описаниями С. У. Ремезова и современной топографией. Естественно, что по сравнению с рубежом XVII–XVIII вв., гидрологическая сеть претерпела серьезные изменения. Вероятнее

всего, в качестве озера Нарым С. У. Ремезов обозначил современную обскую протоку Безымянную и р. Нарымку, объединив их в один водоем. Указанная у него протока Нарымская – это южный фрагмент современной протоки Безымянной, от верхнего устья до впадения р. Нарымки.

4. Озеро Тюптерово

В окрестностях Нарыма С. У. Ремезов зафиксировал еще несколько озер, одно из них Тюптерово, указанное картографом к северу от Нарыма. На чертеже оно обозначено овалом неправильной формы, ориентированным по линии северо-запад-юго-восток с заливкой черного цвета. Идентифицировать это озеро на современных картах не составляет большого труда. По современным данным, озеро Тюхтерово располагается приблизительно в 9–10 км к северо-востоку от современного Нарыма. Оно соединяется с рекой Обью посредством р. Исан, на чертеже этот водоток не указан. Однако если внимательно «приглядеться» к изображению озера, в западной оконечности водоема можно заметить прорисованное устье реки. По-видимому, картограф делал попытку отметить вытекающую из водоема реку, но ее перекрыла подпись инородческих юртов. Возможно, этот короткий отрезок водотока и является на чертеже р. Исан, которая не была прорисована в полной мере.

Данное озеро хорошо известно как русскому, так и инородческому местному населению. В разные периоды на берегах озера или р. Исан располагались инородческие юрты Тюхтерева/Тюптерева или Чвороль-эт/Чворхол-эт (Тучкова, 2014, с. 140). Как отмечает А. Ф. Плотников, юрты эти очень древние, и место их расположения освоено с глубокой древности. Вблизи этого селения находятся курганы, согласно преданию, это бывшие жилища «чудаков» (чудь), ранее составлявших два селения волости (Плотников, 1901: 174–175).

К середине XVIII в. за этими водотоками уже закрепились топонимы известные по современным картам, хотя на некоторых картах XIX в. оно обозначалось и под другим названием – Чургултет-то (Карта Томской губернии, 1911). Подробная географическая ситуация была зафиксирована еще Г. Ф. Миллером, который сообщал следующее: «рч. Туптерова, по-остяцки Issen-kige, впадает с правой стороны ... а возникает в 1/2 дня пути отсюда из озера Tuepter-dschuar, длиной с юга на север в 3 версты и шириной в 1/2 версты. На восточном берегу озера имеются остяцкие жилища Подгородной волости, называемые по-русски Туптеровы юрты, а по-остяцки Dschuardschibil-et. По прямой сухопутной дороге отсюда до Нарыма 4 версты. В это озеро с западной стороны впадает речка Tschingil-kige, которая берет начало в половине дня пути отсюда из другого маленького озера» (Сибирь XVIII века..., 1996: 193). Это описание первой половины XVIII в. перекликается с информацией «Чертежа» и соответствует зафиксированной на современных картах ситуации.

5. Озеро Болшее

Озеро Болшее, обозначенное С. У. Ремезовым овалом с заливкой черного цвета, указано на чертеже к северо-востоку от Нарыма. Из озера вытекает река, которая имеет название Исток, немного ниже озера в нее впадает безымянный приток. На чертеже оз. Болшее локализуется между озером Тюптерово и р. Тайбохтиной. На современных картах здесь располагается оз. Черное. Оно находится менее чем в 1 км к востоку от пос. Нарым и своей конфигурацией напоминает водоем, обозначенный С. У. Ремезовым. На западе из этого озера вытекает исток, который приблизительно в 2,5 км от озера соединяется с р. Когурса.

Идентифицировать современное озеро Черное и озеро Болшее на чертеже С. У. Ремезова позволяют материалы Г. Ф. Миллера, который сообщает, что озеро Большое (по-остяцки Uekol-tu) располагается в 1/2 версты от берега реки-протоки Городцкая (Нарымка), между

деревнями Радиковой и Перемитиной. Озеро имеет 1 версту в поперечнике (Сибирь XVIII века..., 1996: 186). Приведенные данные полностью соответствуют местоположению оз. Черного на современных картах.

Среди местного населения водоем был не менее известен, чем озеро Тюптерово. Это озеро пользовалось «худой» славой, поэтому его называли «диким». Местные крестьяне считали, что в нем живут нечистые духи. Иностранцы называли это озеро «озером чертей» – «лози»-«ильта». Оно изобиловало щуками больших размеров, карасями и окунями (Плотников, 1901: 239).

На берегу озера располагалась д. Черная. А. Ф. Плотников сообщает, что название произошло от того, что первые люди, которые поселились на этом месте, долго жили в домах, построенных наподобие бань, без труб с простыми чужалами, отчего внутри помещения чернели. Люди, жившие в них, были также постоянно черны. Из-за этого крестьяне соседних деревень прозвали эту деревню Черной. Существовало предание, что на месте деревни был бугор, в котором жили три брата-богатыря. Один поселился недалеко от этого места, позднее там появилась д. Кузьмина. Третий поселился недалеко от д. Городищенской. Уже к концу XIX в. в этой деревне остался только один дом с 8 обитателями (Плотников, 1901: 239).

6. Озеро Пинимельду

На нарымском чертеже самое маленькое по размерам озеро отмечено на левом берегу р. Тайбохтиной, на современных картах это р. Пайдугина. Долина этой реки является одной из самых информативных на чертеже, здесь обозначено самое большое количество притоков. Возможно, это объясняется близостью к Нарыму, как следствие, большим объемом сведений о реке, которые могли оказаться в распоряжении С. У. Ремезова. Своим названием водоток обязан Тайбохте, сыну последнего князя Пегой орды, который после основания Нарыма находился на государственной службе, по-видимому, владел угодьями в долине этой реки, по-остяцки она называлась Тоегуел-ки (Сибирь XVIII века..., 1996: 187).

На чертеже озеро обозначено овалом с заливкой темно-серого цвета, рядом указано название Пинимельду. С этого водоема берет начало р. Калы, являющаяся притоком р. Пайдугиной. Река со схожим названием Koeli, упоминается Г. Ф. Миллером, который помещает ее левобережье р. Тайбохтиной в 7,5 днях пути от устья (Сибирь XVIII века..., 1996: 187). Корреляция сведений чертежа С. У. Ремезова, данных Г. Ф. Миллера, картографических материалов XIX–XX вв. позволяет предполагать, что на современных картах этот водоток соответствует р. Еголдоковой, исток которой находится в водораздельном озере Мелком. По нашему мнению, этот водоем соответствует обозначенному на нарымском чертеже оз. Пинимельду. Верхнее течение р. Тайбохтиной было хорошо известно инородческому населению в XVII–XVIII вв. Сведения об этой реке Г. Ф. Миллер собирал у местного населения, которое посещало для охоты ее верховье. По его данным, Тайбохтина имеет исток в Комарном болоте, из которого также берут начало реки бассейна Енисея (Сибирь XVIII века..., 1996: 187). Верхнее течение р. Тайбохтиной находилось на своеобразном «перекрестке», где был возможен переход в систему рр. Кети, Тыма и Енисея, не исключено, что через оз. Мелкое проходил один из таких маршрутов. На картах XX в. в этом районе на водоразделе обозначена заимка Тиунова, что указывает на посещение этой труднодоступной местности даже в этот период.

7–12. Озера без названия

Восточнее озера Тюптерово на «Чертеже» указана группа из двух озер, которые по стилю изображения и по надписи «озера» можно считать связанными между собой. Для водоемов не указано названий, они подписаны только типом объекта. Одно из них

соединяется с Обью рекой Каранак. По нашему мнению, этими условными знаками С. У. Ремезов указал на группу озер, известную приблизительно в 10–12 км к северу от Нарыма. В состав группы озер входят: Городищенское, Лиогниткино, Дикое, соединенные речкой Тигоска. В этом же районе на современных картах встречается топоним «Каранак» или «Карнак» (так называется обская протока и урочище).

Эти озера были хорошо известны и описаны еще в первой половине XVIII в. Г. Ф. Миллером (Сибирь XVIII века..., 1996: 193). Озеро Городищенское было примечательно тем, что, по одной из версий, недалеко от него находился первый Нарымский острог.

На левобережье р. Обь обозначены еще три озера, названия которых не указаны. Они локализуются в бассейне р. Парабель, в ее нижнем течении. Самое северное указано на правобережье р. Парабель, недалеко от д. Ивашки Деева. Еще два водоема находились в междуречье двух речушек Коисан и Сексылки. Одно из озер обозначено рядом с селом Останиным, другое в верхнем течении р. Сексылки. Отмеченный здесь «микрорайон» – село Останово и окружающие его деревни и заимки – располагались в районе современного с. Парабель.

На исторических и современных географических картах в этом районе отмечено несколько озер. К сожалению, отсутствие названий водоемов у Ремезова не позволяет идентифицировать их. Можно предположить, что обозначение С. У. Ремезовым этих трех озер обусловлено освоением этого района крестьянским земледельческим населением, которое было знакомо с природно-географическими особенностями окружающих пространств, владело сведениями о местных водоемах. Естественно, что интерес для местных обитателей представляли озера, доступные для промысла и расположенные недалеко от деревень.

Самым южным является озеро, указанное у границы карты, между р. Кетью и обской протокой. Озеро обозначено овалом с заливкой темно-серого цвета без указания названия. На современных картах в этом районе находится несколько водоемов, к сожалению, отсутствие названия на чертеже не позволяет его идентифицировать. В нижнем течении Кети в XVII в. было основано несколько деревень, здесь же находился Кетский острог. Указанное здесь озеро могло представлять промысловый интерес для местного русского населения.

Анализ информации, зафиксированной на «Чертеже», позволяет констатировать, что С. У. Ремезов знал о существовании в Нарымском крае озер разного типа. Тем не менее для изобилующего озерами Нарымского края фиксация картографом лишь 12 водоемов, на первый взгляд, является недостаточной для передачи этой природно-географической особенности. Чертеж не формирует ощущение емко сформулированное чинами Томского переселенческого комитета в начале XX в.: «Нарымский край – холодное и мокрое пятно Томской губернии» (Праздников, Сборовский, Шуман, 1910). Анализируя комплекс озер, отмеченных на «Чертеже», нужно отметить, что без внимания картографа остались самые крупные озерные водоемы Нарымского края (Варга-то, Когозес, Перельто и т. д.). Более того, из 12 зафиксированных водоемов, большая часть тяготеет к очагам раннего русского освоения. Наибольшее количество озер отмечено вокруг Нарымского острога в окрестностях которого с XVII в. начинает формироваться сеть русских селений. Исключением является только озеро Тух-Эмтор и Пинимельду, которые располагались далеко от районов русского освоения Нарымского края в XVII в., видимо, действительно имели широкую известность уже в указанный период.

Можно сделать однозначный вывод, что картографом были зафиксированы реально существующие водные природные объекты, которые были локализованы с достаточной степенью достоверности, позволяющей, по данным комплексного анализа, соотнести их с современными озерами. Кроме этого, анализ археологических и этнографических данных, имеющих отношение к указанным на «Чертеже» водоемам, позволяет констатировать их перспективность в плане обнаружения объектов культурного наследия разных хронологических

периодов. К сожалению, на сегодняшний день обследованию подверглись берега только некоторых озер.

Очевидно, что подробности ландшафта, указанные С. У. Ремезовым, обозначают перспективные районы нахождения объектов историко-культурного наследия и являются ориентирами при планировании археологических и этнографических разведок.

Литература:

Григорьевский Н. П. Описание Васюганской тундры // Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Омск: Типография окружного штаба, 1884. кн. VI. С. 1–68.

Карта населенных мест Нарымского края Томской губернии, по данным статистико-экономического исследования, произведенного Томским переселенческим районом в 1910–1911 гг. Издание Томского переселенческого района, 1914.

Карта Томского округа Томской губернии. Томск. Издание картографического заведения А. Ильина. Карту чертил чертежник Томской губернской чертежной И. Зайцев, 1890.

Карта Томской губернии. Составлена Томской переселенческой районной организацией. Томск: издание Томского переселенческого района, 1911.

Костров Н. Нарымский край. Томск: Типография Губернского правления, 1872. С. 96.

Лукина Н. В. Культовые места хантов р. Нюролька // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск: изд-во Том. ун-та., 1980. С. 92–100.

Нагнибеда В. Я. Томская губерния. Статистический очерк. 2 доп. издание. Вып. 1. Томск: Нар. Тип. № 3. 1920. С. 42, карта.

Плотников А. Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда Томской губернии). Историко-статистический очерк. Спб.: Типография В. Ф. Киршбаума, д. М-ва Финансов, на дворц. Площ., 1901. 366 с (прил., карта-вклейка).

Праздников А. А., Сборовский Н. А., Шуман Н. К. Нарымский край. Сводка отчетных данных по обследованию в 1908–1909 гг. чинами Томской Переселенческой организации левобережной – по Оби – части Нарымского края. Томск, Типо-литография. Т-ва Печатн. Дела, уг. Дворянск. Ул и Ямск. Пер., соб. Д., 1910. 76 с.

Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева // Спб.: Типография В. Киршбаума, в д. М-ва Финансов, на Дворц. площ., 1882. С. 216.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. С. 310.

Сурунов Н. Ф., Земцов А. А. Озера Томской области и генезис их котловин // Человек и вода. Тезисы докладов к научно-практической конференции «Водные ресурсы Томской области, их рациональное использование и охрана». Томск: Б. и., 1990. С. 69–61.

Тучкова Н. А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных групп. Томск: изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 224 с.

Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 692 с.

Черная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: изд-во Том. гос. ун-та, 2002. 187 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Спб.: тип. А.М. Котомина и Ко., 1882.

Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И. Археологическая карта Томской области. Томск: изд-во Том. гос. ун-та, 1990. Т. 1. 340 с.

Шостакович Б. П. Поездка по рекам Васюгану и Чижапке в 1876 году. Томск, Губернская типография, 1877. 20 с.

Яковлев Я. А. Могильники дорусского населения XVIII – начала XX вв. на территории Томской области // Труды Томского гос. объединенного историко-культурного музея. Томск: изд-во Том. гос. ун-та, 1994. Т. VII. С. 28–54.

Барсуков Евгений Владимирович.

Научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, 630090.

E-mail: barsukovevg@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30 ноября 2022 г.

E. V. Barsukov

LAKES ON “THE DRAWING OF THE NARYM CITY TERRITORY” BY S. U. REMEZOV: GEOGRAPHY, ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY

“The Drawing Book of Siberia” is a unique source on the history and geography of Siberia in the XVII–XVIII centuries written by the Russian cartographer S. U. Remezov. It contains a document called “The Drawing of the Narym City Territory”. Narym region is known for the abundance of lakes, but on this map by S. U. Remezov only 12 reservoirs of this type are recorded. The aim of the article is to analyze the localization features of these lakes on the map. The criteria for selecting specific water objects for registration on the drawing are considered, and their significance for the local population is studied. On the basis of various historical and cartographic materials, a conclusion is drawn that S. U. Remezov marked real geographical objects, which according to a comprehensive analysis of the sources can be associated with the lakes, indicated on modern geographical maps. These reservoirs played an important role in life of the Narym Territory inhabitants, and were used not only for fishing but also as cult places. It is noted that most of the water objects marked on the drawing geographically gravitate to the centers of early Russian development. This fact characterizes the specifics of S. U. Remezov's data collection and the features of the information and sources used by him.

Keywords: *Western Siberia, Narym Territory, hydrographic network, lakes, S.U. Remezov, The Drawings Book of Siberia, The Drawing of the Narym city territory, archeology, ethnography.*

References:

- Grigorovskij N. P.** Opisanie Vasyuganskoj tundry [Description of the Vasyugan Tundra]. // Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Omsk: Tipografiya okruzhnogo shtaba, 1884. kn. VI. S. 1–68.
- Karta** naselennyh meste Narymskogo kraja Tomskoj gubernii, po dannym statistiko-ekonomicheskogo izsledovaniya, proizvedennogo Tomskim pereselencheskim rajonom v 1910-1911 gg. [Map of the populated areas of the Narym Territory of the Tomsk Governorate according to the data of the statistical and economic study carried out by the Tomsk Resettlement District in 1910 and 1911]. Izdanie Tomskogo pereselencheskogo rajona, 1914.
- Karta** Tomskogo okruga Tomskoj gubernii [Map of the Tomsk District of the Tomsk Governorate]. Tomsk, Izdanie kartograficheskogo zavedeniya A. Il'ina. Kartu chertil chertezhnik Tomskoj gubernskoj chertezhnoj I. Zajcev, 1890.
- Karta** Tomskoj gubernii [Map of the Tomsk Governorate]. Sostavlena Tomskoj pereselencheskoj rajonnoj organizaciej. Tomsk: izdanie Tomskogo pereselencheskogo rajona, 1911.
- Kostrov N.** Narymskij kraj [Narym Territory]. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1872. S. 96.
- Lukina N. V.** Kul'tovye mesta hantov r. Nyurol'ka [Ritualistic places of the Khanty of the Nyurolka river] // Voprosy etnukul'turnoj istorii Sibiri. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta., 1980. S. 92–100.
- Nagnibeda V. Ya.** Tomskaya guberniya. Statisticheskij ocherk [Tomsk Governorate: Statistical essay]. 2 dopolnennoe izdanie. Vyp. 1. Tomsk: Nar. Tip. № 3. 1920. S. 42, karta.
- Plotnikov A. F.** Narymskij kraj (5 stan Tomskogo uezda, Tomskoj gubernii). Istoriko-statisticheskij ocherk [Narym Territory (5 stan of the Tomsk Uyezd, Tomsk Governorate). Historical and statistical essay]. Spb.: Tipografiya V.F. Kirshbauma, d. M-va Finansov, na dvorc. Ploshch., 1901. 366 s (pril., karta-vklejka).
- Prazdnikov A. A., Sborovskij N. A., SHuman N. K.** Narymskij kraj. Svodka otchetnyh dannyh po obsledovaniyu v 1908–1909 gg. chinami Tomskoj Pereselencheskoj organizacii levoberezhnoj – po Obi – chasti Narymskogo kraja [Narym Territory: Summary of reporting data on the survey in 1908 and 1909 by the Tomsk Resettlement Organization officials of the left bank part – along the Ob river - of the Narym Territory]. Tomsk, Tipo-litografiya. T-va Pechatn. Dela, ug. Dvoryansk. Ul i Yamsk. Per., sob. D., 1910. 76 s.
- Puteshestvie cherez Sibir'** ot Tobol'ska do Nerchinska i granic Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu. Dorozhnyj dnevnik Spafariya s vvedeniem i primechanijami YU.V Arsen'eva [Travel through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China of the Russian envoy Nikolai Spathari in 1675: Travel diary of Spathari with introduction and notes by Yu.V. Arseniev] // Spb.: Tipografiya V. Kirshbauma, v d. M-va Finansov., na Dvorc ploshch., 1882. S. 216.
- Sibir' XVIII veka** v putevyh opisaniyah G. F. Millera [18th century Siberia in the travel descriptions of G.F. Miller]. Novosibirsk: «Sibirskij hronograf», 1996. S. 310.

Surunov N. F., Zemcov A. A. Oзера Tomskoj oblasti i genezis ih kotlovin [Lakes of the Tomsk Region and the genesis of their basins] // Chelovek i voda. Tezisy dokladov k nauchno-prakticheskoj konferencii «Vodnye resursy Tomskoj oblasti, ih racional'noe ispol'zovanie i ohrana». Tomsk: B. i., 1990. S. 69–61.

Tuchkova N. A. Sel'kupsкая ojkumena. Obzhitoe prostranstvo sel'kupov yuzhnyh i central'nyh grupp [Selkup oecumene. Inhabited space of the Selkups of the southern and central groups]. Tomsk: izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 2014. 224 s.

Horograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri S.U. Remezova [S.U. Remezov Chorographic Book of Drawings of Siberia]. Tobol'sk: Obshchestvennyj blagotvoritel'nyj fond «Vozrozhdenie Tobol'ska», 2011. 692 s.

Chyornaya M. P. Tomskij krem' serediny XVII–XVIII v. Problemy rekonstrukcii i istoricheskoi interpretacii [Tomsk Kremlin in middle of the XVII–XVIII centuries]: Tomsk: izd-vo Tom. gos. un-ta, 2002. 187 s.

Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu [The Book of Drawings of Siberia compiled by the Tobolsk boyar scion Semyon Remezov in 1701]. Spb.: tip. A.M. Kotomina i Ko., 1882.

Chindina L. A., Yakovlev Ya. A., Ozheredov Yu. I. Arheologicheskaya karta Tomskoj oblasti [Archaeological map of the Tomsk Region]. Tomsk: izd-vo Tom. gos. un-ta, 1990. T. 1. 340 s.

Shostakovich B. P. Poezdka po rekam Vasyuganu i Chizhapke v 1876 godu [Trip along the Vasyugan and Chizhapka rivers in 1876]. Tomsk, Gubernskaya tipografiya, 1877. 20 s.

Yakovlev Ya. A. Mogil'niki dorusskogo naseleniya XVIII-nachala XX vv. na territorii Tomskoj oblasti [Burial sites of the pre-Russian population of the 18th-early 20th centuries on the territory of the Tomsk Region] // Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoriko-kul'turnogo muzeya. Tomsk: izd-vo Tom. gos. un-ta, 1994. T. VII. S. 28–54.

Barsukov Evgenij Vladimirovich.

Researcher.

Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS.

Academician Lavrentiev Av., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: barsukovevg@mail.ru

Ф. Г. Галиева

ТРАДИЦИИ ДОМАШНЕГО ПИВОВАРЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПИВА НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ЧУВАШЕЙ БАШКОРТОСТАНА¹

Рассматривается домашнее пиво – традиционный напиток многих народов в разные времена. Ставится цель – изучить степень сохранности этнической традиции в повседневной жизни и обрядовой культуре чувашей Башкортостана, выявить изменения в рецептах пивоварения, обусловленные местными природными условиями, развитием технологий и промышленности, полиэтническим окружением. В качестве источников для исследования использованы ранее опубликованные работы историков, этнографов и фольклористов, интернет-ресурсы, полевые материалы автора. Методом сравнительно-исторического анализа установлено, что рецепты пива чувашей Башкортостана базируются на одних и тех же продуктах, что и на исторической родине. В Башкортостане они стали многовариантными благодаря фантазии хозяев, использованию местных трав (девясил) и продуктов питания (чернослив, морковь, свекла, конфеты фабричного производства). В сравнении с прошлыми десятилетиями произошло ускорение процедуры изготовления пива путем обращения к современной технике (вместо печи – духовки для подсушки зерен) и продуктам (фабричные дрожжи). Выявлено, что пивоварением занимаются непременно женщины, исполняя песни-благопожелания с упоминанием пива. У чувашей Башкортостана пиво употребляется с целью утоления жажды, получения живительной энергии, как лечебно-оздоровительный напиток, а также преподносится Земле для благополучия людей. Традиционно этот напиток готовится ко многим календарным (*сурхури*, *семик*, *учук* и др.), свадебным и похоронно-поминальным обрядам (*юпа умё* и др.), хотя и не всеми хозяевами и не в тех больших масштабах как раньше. Как ритуальный напиток пиво особенно популярно у некрещеных чувашей (носителей традиционной этнической веры), проживающих в селах Юльtimiровка и Ахманово Бакалинского района. Сохранилась традиционная деревянная посуда для изготовления и употребления пива в домашних условиях.

В ходе исследования установлено конструирование усилиями местных деятелей культуры на основе традиционного ритуала поминовения усопших *кёр сәри*, *кёрхи сәра* веселого чувашского республиканского праздника *Кёр сәри* (Осеннее пиво).

Ключевые слова: чувашаи Башкортостана, пивоварение, рецепты пивоварения, сохранение традиций, календарные и семейные обряды.

Цель настоящей статьи – на примере чувашей Башкортостана изучить изменение традиций потребления и разнообразие рецептов приготовления домашнего пива (*сәра*). Научная новизна исследования заключается в том, что внимание предыдущих исследователей было обращено к фиксации разнообразия этого напитка в разных культурах (Наумов: 2001), историко-этнографических сведений в системе питания и ритуальной практике чувашей (Ягафова, 2016; Ягафова, Петров, 2016). Вместе с тем в последнее время, когда общество особо требовательно к качеству продуктов и предпочитает натуральные, приготовленные своими руками по традиционным рецептам, представляется актуальным обобщить накопленные сведения, в научный оборот ввести новые источники о современном состоянии домашнего пивоварения. Объектом исследования являются чувашаи Башкортостана, в среде которых домашнее пиво было и остается частью национальной кухни и атрибутом обрядовой культуры. Методы исследования включают комплексный анализ ранее опубликованных и полевых материалов, описание, сравнение прошлых и ныне бытующих традиций. Практическая значимость связана с накоплением материалов, которые могут использоваться организаторами чувашских народных праздников, специалистами в области народной кухни и всеми, кто интересуется этническими традициями.

Домашнее пиво было и остается частью традиционной культуры многих народов Евразии и других континентов (Наумов, 2011). В Башкортостане оно особенно популярно у чувашей. Его употребляли в ходе проведения ритуалов все чувашаи, независимо от социального положения. Об этом в 1859 г. писал В. М. Черемшанский: «Пьют большею частью воду,

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2024 гг.

но к праздникам все – от богача до последнего бедняка – варят непременно пиво, до которого они большие охотники» (Черемшанский, 1858: 178).

В научной литературе описывается наличие в прошлом отдельной посуды для коллективного приготовления пива. Например, А. К. Салмин привел сведения о подготовке к обряду *учук* в XIX в., когда население выезжало на место проведения ритуала, прихватив «два-три пивных котла на телеге» (Салмин, 2016: 27).

Е. В. Сергеева домашнее пивоварение чувашей описывает как искусство и указывает на различия: безалкогольное (без хмеля и дрожжей) пиво использовалось в повседневной жизни, алкогольсодержащее – в календарных и семейных ритуалах. Ею же примечено, что традиция пивоварения передается из поколения в поколение по женской линии, как сакральное действие, наполненное женской добротой и теплом (Сергеева, 2015: 85, 83). Его пьют не для того, чтобы захмелеть, а чтобы утолить жажду, набраться сил, получить живительную энергию природы благодаря тому, что солод для пива готовится из проросших зерен зерновых растений (Национальный рецепт...).

Как следует из описаний Е. А. Ягафовой и И. Г. Петрова, домашнее пиво чувашей Башкортостана до сих пор употребляют на зимнем празднике *сурхури/сорхори* с обрядовыми танцами (*сурхури таиши*), на протяжении всего ритуала – от Рождества до Крещения. В с. Косяковка Стерлитамакского района на место праздника хозяйки приносят приготовленное ими накануне домашнее пиво, подают в красивой посуде между циклами танцев (Ягафова, Петров, 2016). У некрещеных чувашей Бакалинского района сохранилась традиция приготовления пива к весеннему празднику *мӑнкун* (букв. Великий день), который по времени совпадает с православной Пасхой. Правда, этот напиток готовят далеко не все хозяйки, как это было принято раньше (Петров, 2017: 137).

В некоторых селениях чувашей проводят семейно-родовой обряд освящения нового урожая *чӱклеме*, угощая гостей пивом из ковши. В прошлом у каждого ковши пива имелись свои обозначения (*савӑш курки*, *сӱре курки* и др.), которые постепенно были утрачены. Приняв ковш, следовало его выпить до дна и сказать: «*Тав сана!*», то есть «Благодарю тебя!». После угощений в одном доме гости отправлялись в другой и так далее по селу (Петров, 2017: 147). Традиция поочередного гостевания на *чӱклеме* к настоящему времени прервалась, но традиция употребления пива осталась. Хмельной напиток пьют также на празднике, проводимом после завершения полевых работ *акатуй*, который под влиянием татар и башкир стал называться *сапантуй* (Петров, 2018: 201).

В чувашском земледельческом календаре в прошлом имелись специальные даты, связанные с пивом. По случаю окончания молотбы хлеба чувашей устраивали ряд ритуалов, в числе которых Овинная каша (*авӑн пӑтти*) или Овинное пиво (*авӑн сӑри*) – благодарственное моление главы семьи и застолье. Осенью чувашей проводили обряд поминовения умерших предков *кӗр сӑри*, *кӗрхи сӑра* (Осеннее пиво) или *автан сӑри* (Петушиное пиво). Глубокой осенью некрещеные чувашей совершали обряд, связанный со скотоводческими занятиями, – *карта пӑтти* (Каша скотного двора). Он представлял собой благодарственное моление духам-хранителям с приготовлением для них каши, ритуальных лепешек и домашнего пива (Петров, 2018: 202).

Большинство из указанных обрядов в настоящее время утрачено. Вместе с тем есть пример переформатирования традиционного обряда местными деятелями культуры. В целях реализации государственной программы по возрождению этнических традиций ритуал поминовения усопших *кӗр сӑри*, *кӗрхи сӑра* превратился в республиканский праздник *Кӗр сӑри* (Осеннее пиво). Организатором мероприятия является Чувашский историко-культурный центр с. Суук-Чишмы Кармаскалинского района. В программе – выставки чувашского костюма и декоративно-прикладного искусства, концерт самодеятельных коллективов, презентация разных рецептов чувашского пива и других национальных угощений.

Пиво у чувашей было и остается элементом ритуалов, связанных с погребением и поминанием усопших. При этом его готовят не только для собственного употребления, но и для богов, пытаясь добиться их благосклонности, например во время ритуала *чимёк* – обряда летнего поминовения усопших предков с посещением могил родственников. При «кормлении» умерших по традиции на могилы отливают домашнее пиво (а также водку, оставляют кусочки хлеба, блинов, мяса и т. д.) (Петров, 2018: 202). Пиво немного льют на землю, где будут копать могилу, при этом обращаясь к «главе кладбища» с просьбой предоставить новопреставленному место (Петров, 2018: 206). Аналогично делают после погребения перед установкой деревянного антропоморфного памятника *калак* (Петров, 2017: 161).

Некрещенные чувашаи накануне сороковин проводят обряд *юпа умё* – устраивают поминки, пригласив умершего. Провожая обратно, в его честь льют пиво (Петров, 2017: 147). Напиток пьют на кладбище у могил во время посещения умерших родственников и на поминках *юпа*. В с. Ахманово Бакалинского района для этого на стол ставят ведро с напитком. Если умер мужчина, то пивом угощает мальчик, если женщина – девочка, в ответ собирая деньги на распоряжение хозяев (Петров, 2017: 157, 162).

Пиво присутствует в ритуалах, связанных с рождением ребенка и, конечно, на разных этапах свадьбы. Здесь каждая хозяйка демонстрирует свое мастерство и изобретательность. И хотя в последние десятилетия все большее внимание на свадебном столе уделяется напиткам фабричного производства, они не смогли полностью вытеснить натуральное пиво. Перечень обрядов с использованием пива можно продолжить, но все они свидетельствуют хотя и о сокращении масштабов бытования, но и о сохранении ритуального напитка.

Приготовление пива традиционно осуществляется в два этапа. Вначале готовится солод, затем отвар из хмеля, которые потом смешиваются и кипятятся. Согласно имеющимся источникам (Иванов, Матвеев, Салмин, 2011) и полевым материалам, солод делается из ячменя (в основном ярового) или ржи; упоминаются также пшеница, овес и реже полба, раньше использовали просо. Зерна хорошо промывают, замачивают (1–3 дня), набухшие зерна выкладывают в теплом месте и дают прорасти (1 см). Потом сушат на солнце или печи до получения темного оттенка (1–3 дня). Современные условия позволяют ускорить процесс благодаря духовке. Чтобы зерна не пригорели, надо их перемешивать. Потом зерна пропускают на ручной мельнице. Полученная масса является суслом для приготовления пива. Его хранят в сухом месте и используют в течение года.

Для пива берут и другие компоненты, прежде всего цветки хмеля, дающие хмелевое масло, кислоту, смолу и дубильное вещество, для придания приятного горького вкуса и сохранности пива. Хмель, как и раньше, собирают в лесу в августе–сентябре, выращивают в своих хозяйствах или покупают на базарах. Шишки хмеля должны быть зеленого цвета и не распустившимися, чтобы внутри имелась желтая пыль. Для детского пива идут мужские шишки, взрослого – женские (Наумов, 2001).

Также добавляют дрожжи, ржаную муку и сахар. Вместо сахара, как и раньше, иногда берут мед или сахарную свеклу. Свекла моется, рубится на мелкие кусочки и высушивается на солнце или в печи. Вода используется колодезная или артезианская: считается, что мягкая вода придает пиву хороший вкус, пенистость, крепость. Весной и летом колодезную воду разбавляют талой или дождевой водой. Некоторые хозяева для приготовления сусла и лучшего брожения мягкой воде предпочитают жесткую.

Процесс приготовления пива из имеющегося солода заключается в следующем. В воде кипятят солод и хмель. Далее готовят пивную закваску. Хмельной отвар выливают в кадку, добавляют пивные дрожжи, ставят в теплое место для брожения. Через двое-трое суток при температуре 16–19° получается молодое пиво *самрăк сăра*. Для полной готовности кадку ставят в погреб на две недели при температуре 4–6°, при необходимости добавляют сахар.

В рецепте, популярном в Чувашии, соотношение ингредиентов следующее. На 10 л пива: 40–100 г хмеля, 200–300 г пивных дрожжей или 10–15 г прессованных дрожжей, 100 г сахара

(Национальный рецепт...). Согласно полевым материалам автора статьи, чувашаи Башкортостана готовят напиток из тех же продуктов, но имеются свои варианты. В рецепте с. Веселовка Федоровского района, который передала Григорьева Валентина Сергеевна, на 10 л воды берутся: хмель 1–2 горсти, сахарная свекла 1–2 шт., сахар 0,5 кг, лекарственная трава девясил 1 горсть, солод ячменный 1 ст. л., дрожжи 1–2 ст. л., мука 1–2 ст. л. Мелконарезанные кусочки свеклы опускают в воду, после закипания варят 30–40 мин, затем добавляют хмель, минут через 10–15 – солод, девясил, варят еще 10–15 мин. На сковороде при постоянном помешивании сахарный песок доводят до коричневого цвета, затем убавляют огонь, медленно вливают в кастрюлю, помешивая до полного растворения. Немного остудив, добавляют дрожжи, настаивают. Жидкость процеживают через сито, кладут конфеты со вкусом дюшеса 4–5 шт. На первый-второй день напиток готов к употреблению.

В рецепте с. Ефремкино Кармаскалинского района используется солод из зерен ячменя, хмель, хлебная закваска, сахар. Хмель кипятится в колодезной воде вместе с солодом 20–25 мин. На 10 л воды берется горсть хмеля и 200–300 г солода. Пивные дрожжи делаются так. В небольшую посуду (ковш) вливают теплый отвар хмеля с солодом, добавляют 50 г хлебной закваски и немного сахара. Далее хмельной отвар переливают в кадку, добавляют дрожжи для брожения, ставят в теплое место. Через два-три дня переносят в погреб и доводят до полной готовности.

Рецепт с. Новоефедоровка Аургазинского района передала Архипова Валентина Васильевна. На 10 л воды – одна горсть хмеля, сушеный солод (из ржи или ячменя), сахарный песок, дрожжи (1 ч. л.) и 0,5 стакана ржаной муки. Также используется сахарная свекла или морковь и яблоки. Они варятся и добавляются к суслу. Полученную массу надо разделить на кусочки в виде ватрушек и высушить в печи или духовке. Для просушки побыстрее посередине делают несколько надрезов. Для получения закваски в литровую стеклянную банку кладется 1 ст. л. сахарного песка, 1 ч. л. домашних или покупных дрожжей и 0,5 стакана ржаной муки. Кипячение пива В. В. Архипова делает в двух сосудах. В одном сосуде – сушеный солод, в другом – хмель. Шишки хмеля кладутся только при закипании воды. Потом они кипятятся в течение получаса на медленном огне. Затем оба сосуда, с солодом и хмелем, остужаются в прохладном месте, доводятся до температуры тела, далее смешиваются, добавляется закваска (*сёпре*). Через сутки эта жидкость пропускается через сито, освобождается от солода. Если пиво горьковатое, кладут сахар. После этого снова ставится в прохладное место на двое суток. Для обычного употребления готовое пиво бывает легким и не очень хмельным. Для гостевого варианта берут больше хмеля, заквашивают в течение двух недель, потом держат в холодном погребе. Чтобы пиво не забродило и не потеряло вкус, время от времени хозяйка в напиток добавляет сахар.

Главная особенность приготовления пива – его нужно варить от всей души, только тогда оно получится вкусное и ароматное. Чтобы оно стало целебным, действия следует сопровождать обращениями к богу, словами-благопожеланиями, песнями. Прежде чем приступить к кипячению пива, В. В. Архипова произносит: «*Эй, Турă. çак сăрана техмĕлĕ те тутлă тума пилле. Тăвансене, хăнасене. ачасене, кўршĕ-аршăсене ёсме юрăхлă пултăр*» (О, Господи, благослови приготовить вкусное и душистое пиво. Пусть оно будет пригодным для питья родным, гостям, детям и соседям). На протяжении приготовления пива, по словам информатора, рекомендуется петь или приговаривать слова свадебной песни, связанные с пивом, например:

*Паян асла, паян асла,
Ыран сăра пулĕ-ха,
Паян сирĕн, паян сирĕн,
Ыран тирĕн пулĕ-ха.*

Сегодня солод, сегодня солод,
А завтра будет пиво,
Сегодня ваша, сегодня ваша,
А завтра будет уже наша.

Либо она поет свадебную песню:

*Паян йсла, паян йсла,
Ыран сйра пулй-ха.*

Сегодня солод, сегодня солод,
А завтра будет пиво.

В рецепте Васильевой Полины Андреевны, представленном на празднике *Кёр сйри* в 2018 г. в с. Суук-Чишмы Кармаскалинского района, используются чернослив и ячменная мука. На ведро воды – 1 кг сахара (растопить до коричневого цвета), 2 горсти шишек хмеля, 1 ст. л. дрожжей, 3 стакана ячменной муки, 4–5 шт. чернослива. Надо вскипятить 1 ведро воды, добавить хмель, растопить сахар, добавить ячменную муку, подержать 2 мин. Эту смесь вылить в кипяток и кипятить еще 15 мин. Остудить, добавить 1 ст. л. дрожжей и чернослив. Настоять три дня.

Для варки пива в чувашских селениях раньше были пивоварни; зимой варили в избах, а летом – на берегу речки, на очаге с подвесным котлом. Сейчас пиво варят в своих домах. Одни хозяйки любят пиво душистое, другие – с горчинкой. Делают его густым или жидким, крепким или слабым, для себя, гостей или для подношения богам. У одних на его приготовление уходит 9–12 дней, у других – три дня.

Переселение чувашей на территорию разных районов Башкортостана в XVI – начале XX в. способствовало формированию нескольких этнокультурных вариантов этого этноса (прибельская группа, приикская группа со множеством подгрупп). Несмотря на этнокультурное разнообразие, традиция употребления пива является общераспространенной, а разнообразие рецептов пива не соотносится с территориальным фактором. Оно объясняется фантазией хозяек, использованием местных произрастающих растений (девясил) и рынком продуктовых товаров (чернослив, конфеты).

Качество и вкус пива зависят от выбора, качества, соотношения ингредиентов, последовательности действий, места его варения. Ценность пива, по мнению информаторов, усиливается благодаря произнесению благопожеланий и исполнению чувашских народных песен в процессе его приготовления.

Сохранности традиции пивоварения и употребления пива способствует расселение чувашей преимущественно в сельской местности в прошлом и настоящем. В 2010 г. из 107 450 чувашей (2,7 % населения республики) в сельской местности проживало 57,1 %. Пиво является частью обыденной жизни и ритуальной практики всего чувашского населения, но особенно сильны традиции оказались у некрещеных чувашей. Влияние башкир можно усмотреть в том, что в некоторых районах, например в Куюргазинском, пиво во время районных праздников подается не в традиционных деревянных ковшах, а в сувенирных расписных башкирских чашах ООО «Агидель». Влияние чувашей на башкир заключается в популярности и высокой оценке качества этого напитка.

Литература:

Иванов В. П., Матвеев Г. Б., Салмин А. К., сост. Традиционное пивоварение и ритуалы потребления пива // Культурные традиции в условиях трансформации общества: материалы научно-практ. конф., посвященной 130-летию со дня рождения Н. В. Никольского. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 233–245.

Наумов Н. Е. История пивоварения и культура потребления пива в Чувашии // Чувашский национальный музей: Люди. События. Факты (1993–2000): сб. ст., посвященный 80-летию музея. Чебоксары: ЧНМ, 2001. С. 53–56.

Национальный рецепт чувашского пива. URL: http://петропорецпы.рф/board/rossija/chuvashskaja_kukhnja/chuvashskoe_pivo_chavash_sari/5-1-0-58 (дата обращения: 01.05.2022).

Петров И. Г. Полевое моление учук некрещеных чувашей деревни Юльтимировка Бакалинского района Республики Башкортостан (по материалам экспедиций 2010, 2014 гг.) // Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала. Вып. 1 / отв. ред. Ф. Г. Галиева. Уфа, 2017. С. 113–172.

Петров И. Г. Чуваши // Этнос в единой семье Башкортостана. М.: Перо, 2018. С. 177–212.

Рецепты пивоваров. Как в Чувашии варят пиво. URL: https://chv.aif.ru/dosug/hobby/hmelnoy_kray_vsy_o_nacionalnom_napitke_chuvashey (дата обращения: 26.05.2022).

Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 687 с.

Сергеева Е. В. Традиционная кухня и застольный этикет чувашей. Историко-этнографическое исследование по материалам этнографической группы низовых чувашей. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2015. 172 с.

Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. 472 с.

Ягафова Е. А. Праздники и обряды чувашей на рубеже XX–XXI вв. Самара: СГСПУ, 2016. 179 с.

Ягафова Е. А., Петров И. Г. Сурхури: новогодние праздники в традиционной и современной обрядности чувашей // Самарский научный вестник. 2016. № 2(15). С. 130–135.

Галиева Фарида Габдулхаевна.

Доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент, зав. отделом этнографии.

Институт этнологических исследований РАН.

Ул. К. Маркса, 6, г. Уфа, 450077.

E-mail: afg18@mail.ru

Материал поступил в редакцию 4 июня 2022 г.

F. G. Galieva

TRADITIONS OF HOME BREWING AND BEER CONSUMPTION ON THE EXAMPLE OF MODERN CHUVASH PEOPLE OF BASHKORTOSTAN

The article discusses homemade beer as a traditional drink of the Chuvash people of Bashkortostan. The aim is to study the degree of preservation of ethnic traditions related to beer in the everyday life and ritual culture of the Chuvash, and to identify changes in brewing recipes due to local natural conditions, technological and industrial developments, and the multi-ethnic environment. The research is based on previously published works, Internet resources, and field materials collected by the author. It was found that women are traditionally involved in brewing and singing songs that mention beer. Among the Chuvash of Bashkortostan, beer is consumed for thirst, energy, and health, and is also offered to the Earth as a way to bring well-being to people. While beer is traditionally prepared for various seasonal, wedding, funeral, and memorial ceremonies, it is not as widely consumed as it was in the past. However, it remains a popular ritual drink among unbaptized Chuvash (those who adhere to traditional ethnic faith) living in the villages of Yultimirovka and Akhmanovo. Traditional wooden dishes for making and drinking beer at home have been preserved. The study also discusses the establishment of the Autumn beer holiday, which is based on the traditional ritual of commemorating the deceased and is organized by local cultural figures.

Keywords: *Chuvash people of Bashkortostan, brewing, brewing recipes, preservation of traditions, seasonal and family rituals.*

References:

Ivanov V. P., Matveev G. B., Salminen K. A. Tradicionnoe pivovarenie i ritualy` potrebleniya piva. Prilozhenie [Traditional brewing and beer consumption rituals. Appendix]. Kul'turny`e tradicii v usloviyax transformacii obshhestva: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii [Cultural traditiosyn kalyk kare conditios: material of the scientific and practical conference]. Cheboksary, 2011. P. 233–245. (In Russian).

Naumov N. E. Istoriya pivovareniya i kul'tura potrebleniya piva v Chuvashii [The history of brewing and the culture of beer consumption in Chuvashia]. Chuvashskij nacional'nyj muzej: Lyudi. Soby'tiya. Fakty` (1993-2000): Sbornik statej, posvyashhenni`i 80-letiyu muzeya [Chuvash National Museum: People. Events. Facts (1993-2000): Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of the museum]. Cheboksary, 2001. P. 53–56. (In Russian).

Nacional'nyj recept chuvashskoe pivo [The national recipe is Chuvash beer]. URL: http://petporecipes.rf/board/rossija/chuvashskaja_kukhnja/chuvashskoe_pivo_chavash_sari/5-1-0-58 (accessed: 01.05.2022). (In Russian).

Petrov I. G. Polevoe molenie uchuk nekreshheny`x chuvashej derevni Yul'timirovka Bakalinskogo rajona Respubliki Bashkortostan (po materialam e`kspedicij 2010, 2014 gg.) [Field prayer of the teachers of the unbaptized Chuvash of the

village of Yultimirovka of the Bakalinsky district of the Republic of Bashkortostan (based on the materials of the expeditions of 2010, 2014)]/ Dokumenty i materialy po istorii i e'tnografii narodov Yuzhnogo Urala [Documents and materials on the history and ethnography of the peoples of the Southern Urals]. Issue 1. Ufa, 2017. P. 113–172. (In Russian).

Petrov I. G. Chuvashi [Chuvash]. E'tnosy v edinoj sem'e Bashkortostana [Ethnoses in a single family of Bashkortostan]. Moscow: Pero, 2018. P. 177–212. (In Russian).

Recepty pivovarov. Kak v Chuvashii varyat pivo [Brewers' recipes. How beer is brewed in Chuvashia]. URL: https://chv.aif.ru/dosug/hobby/hmelnoy_kray_vsy_o_nacionalnom_napitke_chuvashey (accessed: 05/26/2022). (In Russian).

Salmin A. K. Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda [Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvash Publishing House, 2016. 687 p. (In Russian).

Sergeeva E. V. Tradicionnaya kuxnya i zastol'nyj e'tiket chuvashej. Istoriko-e'tnograficheskoe issledovanie po materialam e'tnograficheskoy gruppy nizovyx chuvashej [Traditional cuisine and table etiquette of the Chuvash. Historical and ethnographic research based on the materials of the ethnographic group of the grassroots Chuvash]. Cheboksary: Foundation for Historical and Cultural Studies named after K.V. Ivanov, 2015. 172 p. (In Russian).

Cheremshansky V. M. Opisanie Orenburgskoj gubernii v xozyajstvenno-statisticheskom, e'tnograficheskom im promyshlennom otnosheniyax [Description of the Orenburg province in economic and statistical, ethnographic and industrial relations]. Ufa, 1859. 472 p. (In Russian).

Yagafova E. A. Prazdniki i obryady chuvashej na rubezhe XX–XXI vv. [Holidays and rituals of the Chuvash at the turn of the XX–XXI centuries]. Samara: SSPU, 2016. 179 p. (In Russian).

Yagafova E. A., Petrov I. G. Surxuri: novogodnie prazdniki v tradicionnoj i sovremennoj obryadnosti chuvashej [Surkhuri: New Year's holidays in the traditional and modern rituals of the Chuvash] Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Scientific Bulletin]. 2016. № 2(15). P. 130–135. (In Russian).

Galieva Farida.

Doctor of Philology, candidate of historical Sciences, associate Professor, Head of the Ethnography Department.

Institute for Ethnological Studies RAS.

6 K. Marx St., Ufa, Russia. 450077.

E-mail: afg18@mail.ru

Е. В. Головнева, И. А. Головнев

«КИНОАТЛАС СССР»: УЧЕБНЫЙ ФИЛЬМ «ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ» (1935)¹

Исследуется функционирование учебного кинематографа в СССР в 1930-е гг., связанного с показом на экране процессов «социалистической реконструкции» отдаленных регионов Союза. В качестве примера подобного рода картин анализируется учебный географический фильм «Восточная Сибирь» (1935), снятый на киностудии «Сибтехфильм» режиссером А. И. Гайдулем. Источником для анализа выступают сценарии к фильму и сопроводительная документация (монтажные листы, протоколы по приемке фильма дирекцией киностудией «Сибтехфильм», заключение о приемке фильма, отзывы научных консультантов), хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области. Фильм «Восточная Сибирь» анализируется с точки зрения истории регионального кинематографа и в рамках социального конструкционизма в контексте советской истории (как способ конструирования идей и образов на экране). Рассматриваются исторические обстоятельства создания учебного кино для советских школьников в 1930-х гг., раскрываются особенности функционирования кинопроизводства новосибирской студии «Сибтехфильм», вводится в научный оборот биография и метод создания учебных фильмов режиссера А. И. Гайдуля. Дается представление о направлении поисков и методологических разработках в области создания учебного кинематографа на киностудии «Сибтехфильм» в 1930-х гг. Делается вывод о том, что создание учебно-географических фильмов стало значимым этапом в истории отечественной визуальной антропологии, открывающим для современного исследователя понимание особенностей идеологических, концептуальных и творческих установок производства и применения просветительских фильмов в СССР в 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: *визуальная антропология, советское кино, кинопроизводство, учебный кинематограф в 1930-е гг., «Сибтехфильм», «Восточная Сибирь» (1935), А. И. Гайдуль.*

Введение

В 1920–1930-е гг. кинематографисты СССР в поисках репрезентации советской идентичности пробовали силы в самых разных направлениях и жанрах. В структуре советского кинопроизводства, наряду с художественными картинами, особое значение придавалось созданию документальных агитационных кинофильмов. Выполняя постановление Совнаркома СССР от 7 декабря 1929 г. о том, что «...кино может и должно стать могучим орудием в сфере политического, культурного и производственного просвещения широких масс трудящихся города и деревни в деле социалистического переустройства страны» (Гращенкова, Фомин, 2016: 215), в течение 1930-х гг. столичные и региональные советские киностудии развернули соцсоревнования по созданию политико-просветительских (политических, производственно-технических, военных, видовых, учебных и т. п.) картин. В итоге в СССР возникла своя уникальная практика создания просветительских документальных фильмов о территориях и народах страны (Головнев, 2021).

Содержание этих фильмов, часто определяемых как «культпросветфильмы», должно было соответствовать положениям, выдвигаемым партийными деятелями, отвечавшими за развитие кинематографа в стране. В частности, по утверждению руководителя Главреперткома П. Бляхина, «советская кинематография должна перенести на экран новое содержание, новую коммунистическую идеологию. С этой целью необходимо использовать в первую очередь и главным образом тематику наших дней, необходимо отразить современную советскую действительность во всем ее бесконечном разнообразии (не только

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Киноатлас СССР: опыт позиционирования многонационального государства» при поддержке РНФ (№ 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>).

«романчики»), всесторонне показать наше социалистическое строительство, наши успехи и недочеты, наш новый быт и логику старого, быт восточных народностей в советских условиях, их борьбу за свое освобождение, нужно дать изумительную панораму наших окраин и в конечном итоге показать Советскую страну в ее отличии от буржуазного мира, показать зрителю то, что не сможет показать заграничная фильма» (Бляхин, 1928: 98–99).

Одним из активно развиваемых направлений в области производства культурных и просветительских фильмов стал учебный кинематограф, который, наряду со школьной литературой («Убить Чарскую...», 2013), был ориентирован на выполнение важных образовательных и идеологических задач в процессе воспитания нового поколения. Идеологическое воспитание через фильмы рассматривалось в качестве приоритетного в школьном образовании. Как отмечают В. Михайлин и Г. Беляева в отношении школьного художественного кино, в 1930-е гг. оно представлялось не просто механизмом, регулирующим режимы производства и формы бытования художественных текстов, оно служило эффективным инструментом для создания целевой аудитории (Михайлин, Беляева, 2020: 11). Данная установка являлась справедливой и для документального учебного кинематографа. Не случайно, учебное кино как «школьное пособие для детей» (Познанский, 1929: 36) в 1920–1930-е гг. развивалось бурными темпами: создавались видовые, географические, научно-познавательные фильмы, осуществлялась кинофикация школ (если в 1927–1928 годах – всего 100 школьных установок, то в 1928–1929 гг. их уже около 800, а к концу пятилетки планировалось более 15 тыс.) (Милосердова, 2006: 9–10). В 1930 г. в статье «Как надо строить пятилетку» специально подчеркивалось: «Учебные фильмы должны войти в практику преподавания во всех учебных заведениях – от школ первой ступени до вузов. Хроника должна стать непрерывной кинематографической газетой, отражающей социалистическую стройку. В связи с этим должна быть развернута широкая сеть рабочих кинокорреспондентов, снабженных съемочной аппаратурой и пленкой» (Кино, 1930).

О том, что учебный кинематограф в 1930-е гг. занял достойное место в отечественном кинопроизводстве, свидетельствует, в частности, тот факт, что производственный план на 1932 г. предполагал выпуск 46 % технических и учебных картин в дополнении к 32 % художественных и 22 % кинохроники и агитпропа (Белодубровская, 2020: 26). В докладной записке в ЦК ВКП(б) о работе ГУФК в области детского кино в 1935 г. руководитель советской кинематографии Б. В. Шумяцкий указывал: «Наряду с созданием художественных игровых и мультфильмов для детей советская кинематография развернула за последнее время производство других видов кинопродукции для школы и детей, в том числе производство научно-популярных и учебных фильмов, специальной кинохроники для детей и диапозитивов. Создание научно-популярных и учебных фильмов было развернуто буквально на голом месте, несмотря на то, что за последние три года удалось создать свыше 100 программ» (Кремлевский кинотеатр, 2005: 283).

Учебное кино Новосибирской студии «Сибтехфильм»

В частности, среди региональных киностудий в 1930-е гг. производством учебных кинофильмов активно занималась Новосибирская киностудия научно-технических фильмов «Сибтехфильм», образованная в апреле 1930 г. путем слияния существовавших ранее организаций «Киносибирь» и «Совкино». Как отмечает историк новосибирского кино В. Ватолин, на киностудию края возлагались большие надежды: «Регион огромен, а общая и хозяйственная культура здесь крайне низкие, уровень грамотности в 2–3 раза уступает Центральной России, расстояния между поселениями многоверстны, поэтому традиционные средства политического и культурно-хозяйственного просвещения – через печать и устное общение – малоэффективны, их не сравнить с убедительными, наглядными и доступными каждому возможностями экрана» (Ватолин, 2010: 33).

Киностудия сосредоточилась на производстве культурфильмов (научно-популярных и технико-производственных) и хроники, снятых на местном материале и имевших общесоюзное звучание (Ватолин, 2010: 61). В том числе одним из значимых направлений кинопроизводства на «Сибтехфильме» стало создание учебных кинолент, используемых для преподавания различных дисциплин в школе. Большое место среди них занимали ленты географического, этнографического и бытового плана, предполагавшие съемки натуры, что способствовало развитию среди региональных кинематографистов экспедиционного типа работы и проведению киносъемки в разных частях страны. Поскольку перед режиссерами и сценаристами в регионах стояла задача «правильной подачи и оформления производственной и научной фильма без обычного трафарета» (Гращенкова, Фомин, 2016: 242), к разработке сценариев учебных кинолент на киностудии «Сибтехфильм» привлекались научные консультанты.

Первым этапом в создании учебных фильмов являлось написание литературного сценария (изложение в прозе фабулы будущей картины), к которым, как правило, привлекались писатели. Эти сценарии, как и детская литература того времени, носили очерковый характер. По утверждению писателя и критика В. Шкловского, отстаивавшего необходимость создания специального курса по строительству в очерках для детей, «нужно хорошо уметь пользоваться очерковой литературой, которая будет сейчас не только литературой путешествий (как было прежде), а литературой о сегодняшнем дне, о сегодняшнем строительстве... Необходима проверка очеркового материала, необходимо создание большого плана очерковой литературы» (Шкловский, 1930: 3). Учебный кинематограф для школьников, ставший частью очеркового проекта, как тогда казалось, мог наиболее полно и правдиво отразить содержание времени, размах работ и перемены, происходившие на удаленных от центра территориях СССР.

Следуя задаче создания сценариев экспедиционно-краеведческих картин, «которые всем ходом своего сюжетного действия могли развернуть познавательный материал» (Режиссерский сценарий..., 1937–1938: 179) и отразить идею строительства социализма на экране, сценаристы киностудии «Сибтехфильм» обращались в первую очередь к сибирским сюжетам (Головнева, Головнев, 2018; Родигина, 2020). В газете «Советская Сибирь» отмечалось: «Сибирские писатели создают свои новые произведения почти исключительно на материале Сибири. Одной из особенностей дореволюционной литературы была узость поля наблюдений. Это была, по определению Горького, по преимуществу литература Московской области... Урал, Сибирь, Волга и другие области остались вне поля зрения старой литературы. Советская литература распространила поле своего наблюдения на всю страну. В произведениях, которые сибирские писатели предлагают в текущем году для «Сибирских огней», исключительно широк географический охват Сибири... Читатель найдет в «Сибирских огнях» очерки и статьи о ненцах, хантэ, манси, эвенках, тофаларах, хакасах, шорцах и других народов Сибири» (Советская Сибирь, 1941: 4).

Второй этап сценарной работы предполагал создание, на основе литературного, постановочного сценария (покадровое описание фильма), которым занимался режиссер фильма. Сценарий лишь приблизительно соответствовал будущему фильму и мог быть многократно переделан и скорректирован политредакторами и консультантами, которые рассматривали то, что присылали им авторы. Рассмотрев текст на предмет «политических ошибок» и идеологической выдержанности, редакторы составляли заключение – письменное обоснование своего решения с рекомендациями по доработке. Принятые работы отправлялись в вышестоящее киноуправление, где в случае одобрения их подписывал председатель. Сценарии к картине можно было представлять на рассмотрение три раза, и, если в новой редакции были учтены замечания цензоров, ее, как правило, принимали (Белодубровская, 2020: 160). Производство учебных картин на региональных киностудиях предполагало цензорскую систему, которая, с одной стороны, следила за тем, чтобы кинематографические

данные подкрепляли социалистическую идеологию, с другой – содержала в себе элементы внешней, академической оценки.

Наряду с многоступенчатой цензурской системой, значительно затруднявшей производство картин на киностудии «Сибтехфильм», были и другие объективные трудности, с которыми региональные кинематографисты сталкивались при производстве учебных фильмов: дефицит квалифицированных кадров, надлежащего количества киноаппаратуры, зависимость от Москвы в принятии творческих и организационных решений и пр. (Луначарский, 1928: 16). В частности, по указанию столичных функционеров киностудии в 1930 г. было предписано «не увлекаться полнометражными культурфильмами», а сосредоточиться на производстве «оперативных документальных лент» (Ватолин, 2020: 61), принимаемых Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром при НКПТ РСФСР в Москве.

Несмотря на имевшиеся затруднения, в 1930-е гг. на киностудии «Сибтехфильм», директором которой являлся В. Л. Мордохович, было снято около сорока картин на этно-географическую и производственную тематику режиссерами А. И. Гайдулем, Я. Г. Задорожным, А. И. Ивановым, Д. И. Васысь, Г. М. Бобровым, В. А. Придорогиным, Н. Ф. Тургеневым, Н. Г. Соколовым и др. (Список сотрудников...). На студии была размещена звуковая аппаратура, расширилась география съемок: они велись не только в Сибири, но и на Дальнем Востоке, Украине, Северном Кавказе. Как отмечалось, к примеру, в газете «Сибирь Советская» в 1940 г.: «11 новых научно-технических фильмов закончено производством Новосибирской киностудии “Сибтехфильм”. Режиссером тов. Задорожным сдана снимавшаяся на Северном Кавказе и Украине картина «Выращивание телят». Она принята с отличной оценкой. Одновременно с работой над научно-популярным киноочерком «Якутия», который уже выпущен на экраны и скоро будет показан в Новосибирске, режиссер тов. Литвинов сделал немой географический фильм «Якутская АССР» (Советская Сибирь, 1940: 4). Примечательно, что объективные сложности в сфере кинопроизводства отчасти преодолевались инициативой «снизу», в том числе благодаря деятельности местных активистов-любителей кино (Гращенкова, Фомин, 2016: 229).

Учебный географический фильм «Восточная Сибирь» (1935) А. И. Гайдуля

Обратимся далее к одному из показательных примеров деятельности новосибирской киностудии – к учебному географическому фильму «Восточная Сибирь» (в шести частях для 7-го класса средней школы), который был снят на киностудии «Сибтехфильм» режиссером А. И. Гайдулем в 1935 г. по заказу Наркомпроса РСФСР (Литературные сценарии...). Источниками для анализа выступают сценарии, монтажные листы и сопроводительная документация к этому фильму, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области.

Обращение к данному материалу, с одной стороны, демонстрирует особенности кинопроизводства Новосибирской студии «Сибтехфильм» в 1930-е гг., с другой стороны, позволяет взглянуть на вопрос функционирования учебного кинематографа в стране в более широком контексте – в свете процессов, происходящих в советской культурной политике того времени и разработки проекта «Киноатлас СССР» (Головнев, 2020; Магидов, 2008). Познавательная ценность подобного рода работ состоит в том, что они наглядно демонстрируют, из чего формируется и как складывается замысел учебного географического фильма 1930-х гг., дают представление о методразработках этого периода в сфере создания учебных картин для школьников. Обращение к фильму «Восточная Сибирь», помимо прочего, имеет значение в рамках ревитализации имен репрессированных в сталинскую эпоху кинематографистов.

Как следует из автобиографии самого режиссера, Адольф Иосифович Гайдуль (1895–1938) происходил из крестьян бывшей Витебской губернии Бежецкого уезда, д. Скун, рос и учился в Псковской губернии города Великие Луки. Его отец всю жизнь проработал на постройках железных дорог, сначала простым рабочим, а затем десятником и умер

в 1909 г., когда Гайдуль был еще совсем ребенком. С 1906 г. А. И. Гайдуль поступил в Великолуцкое реальное училище, в котором проучился до 1911 г. В связи со смертью отца был вынужден прекратить обучение и до 1916 г. работал самостоятельно: репетитором, конторщиком и т. п. В 1916 г. был досрочно призван в царскую армию рядовым (по мобилизации) и как имевший образовательный ценз был направлен в 4 школу прапорщиков в Москве. По окончании школы произведен в прапорщики и направлен на Северный фронт, где пробыл до начала 1918 г., когда началась демобилизация. С февраля 1918 г. работал в Московской советской милиции в должности комиссара Черкизовского района милиции. В ноябре 1918 г. отправился добровольцем на Красный Восточный фронт и всю гражданскую войну провел или в частях, или в штабах Восточного фронта. В 1921–1922 г. работал в Народном комиссариате труда СССР в руководстве деятельности трудчастей Центрального района России. В 1923–1924 гг. служил на Северной железной дороге начальником района лесозаготовок. Его кинематографическая деятельность в качестве сценариста и режиссера началась в 1925 г. на 3-й фабрике «Госкино», продолжилась на Ялтинской кинофабрике и студии «Востоккино», а в 1932 г. он был принят в штат Новосибирской киностудии. А. И. Гайдуль участвовал в создании картин: «Второе рождение», «Евреи в Крыму», «В степях Предкавказья», «Центральный Кавказ», «Западный Кавказ», «Дагестан», «В стране сванов», «Азербайджанская СССР», «Армянская СССР», «Грузинская СССР», «Черноморское побережье Кавказа», «Уход за молочной коровой», «Производство меди», «Восточная Сибирь» (Гайдуль Адольф...). Как свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, А. И. Гайдуль был арестован органами НКВД 26 июля 1938 г. и расстрелян. Очевидно, что кинодокументалист, работавший в том числе над производством учебно-военно-секретных фильмов, стал одним из фигурантов новосибирской киностудии по делу главы советской киноотрасли – Б. З. Шумяцкого, которому по обвинительному заключению 28 июля 1938 г. вменялось в вину «создание в системе советского кино право-троцкистской и вредительско-диверсионной группы». Известно, что Б. З. Шумяцкий в 1919–1920 гг. был заместителем председателя Сибревкома, лично знаком с главой новосибирской студии М. Л. Мордоховичем, также пострадавшим от сталинских репрессий (Ватолин, 2010: 70–71).

С 1932 г. А. И. Гайдуль был привлечен к работе творческого и технического коллектива, который с января 1933 г. стал называться Западно-Сибирской фабрикой учебных, научных и технических фильмов треста «Союзтехфильм», сокращенное название которого – «Сибтехфильм». Следуя решению «сверху» – о разделении некогда единого Сибирского края и образования вместо него двух самостоятельных административных территорий – Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев, на киностудии «Сибтехфильм» во второй половине 1930-х гг. было запланировано создание двух учебных географических картин – фильма «Восточная Сибирь» (1935), к которому А. И. Гайдуль привлекался в качестве режиссера, и фильма «Западная Сибирь» (1937), снятого режиссером З. М. Каликом и сорежиссером Г. И. Смирнитским при научном консультировании проф. П. Н. Степанова. Обе картины, посвященные Сибири, создавались по схожим литературным и постановочным сценариям и активно участвовали в «системной программе съемки кинолетописи жизни страны» (Прожиго, 2004: 58).

Одним из главных принципов построения учебной картины являлся принцип панорамности изображаемого. Согласно литературному сценарию, фильм «Восточная Сибирь» открывался мультипликационной картой, на которой появлялись границы СССР. Средствами мультипликации (движущийся поезд, пароход) обозначался путь по равнинам Западной Сибири в Восточную Сибирь. Показ основных объектов природного ландшафта края (рек Енисей, Ангара, Селенги, озера Байкал, Красноярских столбов, Саян, Усть-Соликамска, Кяхты, Иркутска, Нерчинских гор и пр.) сопровождался закадровым текстом, дающим информацию о климатических и географических особенностях региона и его историко-

культурном значении. Образ Восточной Сибири в фильме маркировался через природные особенности и автохтонное население с подчеркиванием его «самобытности».

Ключевой линией развития темы в фильме выступал образ отдаленного от центра советского края, претерпевшего кардинальные изменения в ходе социалистического строительства. Визуальный образ дополнялся закадровым пояснительным текстом, формирующим у зрителя картину Сибири советской. Природные ландшафты региона изображались на экране как безжизненные, пустые, если в них не было человека – создателя «нового мира», покорителя и преобразователя (*Енисей. Зимой и летом. Редкие поселения разбросаны по берегам многоводной богатой реки... Дикий безмолвный берег Ангары был местом ссылки*). С помощью основных приемов кинематографического конструирования – кадрирования и монтажа – на экране формировался социалистический миф, предусматривающий, что вся Сибирь будет покрыта советским взглядом. В основу монтажа и драматургии документалистики ложился принцип противопоставления «старого» и «нового» мира (Долматовская, Малькова, Козырева, 2006: 187). «Старый мир» акцентировал идею дикости, неустроенности, несправедливости (*Царизм превратил дикую саянскую страну в место ссылки*). Показ социалистических преобразований дополнялся идеями о «подъеме хозяйства», росте культуры, на экране демонстрировались кадры строительства и зажиточной жизни в Советской Сибири (*Бывший острог в с. Новая Уда, где отбывал свою первую ссылку тов. Сталин – теперь школа... В Советской Бурятии вместе с подъемом хозяйства растет культура... Верхнеудинск вырос в новый социалистический город – столицу Бурято-Монгольской АССР – Улан-Удэ*). Атрибутами «нового мира» являлись молодость, энтузиазм, легкость и энергия, адаптация к неминуемым трудностям, а прошлое края конструировалось (и одновременно мифологизировалось) как отжившее, мертвое, косное и неспособное к развитию. Аутентичные персонажи окраины – эвенки, остяки (*По льду Енисея эвенки едут на оленях... Типичные для Енисея остяцкие поселения. Остяки тащат рыболовную сеть. В сетях плещется рыба... Тянут сети эвенки. Пустынно в эвенских чумах летом – все на работе*) – сменялись образами «советского человека» (*Эвенки теперь переходят на оседлость. Благоустроенный загон для оленей. Ребята-эвенки учатся в школе. Пионеры-эвенки на свежем воздухе занимаются гимнастикой... Пролетарии г. Бодайбо на банкете. Жизнь счастливая. Упитанные, довольные лица играющих в детском саду ребятишек*). Таким образом, как и фильмы других жанров этой эпохи, учебный фильм «Восточная Сибирь» в первую очередь был ориентирован, судя по разработанному сценарию, на показ нового социалистического быта в регионе. Он был призван демонстрировать школьникам «успехи нации» в рамках социалистического строительства.

Сопроводительная документация к фильму (монтажные листы, протоколы по приемке фильма дирекцией киностудией «Сибтехфильм», заключение о приемке фильма, отзывы научных консультантов), хранящаяся в архиве, с одной стороны, выявляет его непростую судьбу, с другой – дает представление о направлении поисков и методологических разработках в области создания учебного кинематографа в Сибирском регионе. Как известно, в рассматриваемый период неверный или недостаточный показ сценаристами и режиссерами советских преобразований на отдаленных территориях мог обернуться, по крайней мере, административными «неприятностями». Сданный в киноуправление фильм «Восточная Сибирь» подвергся основательной критике за недостаточное раскрытие темы «советизации окраин». В частности, от А. И. Гайдуля потребовали до января 1936 г. «включить в отдельные разделы фильма ряд кадров, которые убедительно и ярко показали бы учащемуся, что Восточная Сибирь, бывшая при царизме колонией и местом ссылки, сейчас ведет, как и все части нашего Советского Союза, социалистическое строительство, развивает культуру социалистическую по содержанию, национальную по форме. Конкретно надо акцентировать на показе следующих моментов: индустриальных объектов (если возможно найти в фильмотеке

кадры о стахановцах, транспорта или золотой и угольной промышленности) – показать радостный, социалистический труд; дать кадры сибирского колхоза – чтение акта о закреплении земли в вечное пользование или проработка на собрании колхозника сталинского устава о зажиточной жизни» (Заключение..., 1935: 35).

После вторичного просмотра комиссией НКП фильма «Восточная Сибирь» 15 февраля 1936 г. было установлено, что все исправления режиссером были проведены, однако дело с приемкой фильма опять осложнилось, так как были выявлены мелкие ошибки в картах. После длительной переписки с НКП, всяких личных переговоров трест установил, что считает целесообразным провести работу по исправлению карт в Москве, а также необходимости составления методической разработки (Заключение..., 1935: 31). Проведенные исправления, однако, опять вызвали нарекания. Среди них – диапозитивный характер изложения материала (кадр-надпись), не дающего убедительного показа динамики явлений, объектов и понятий; отсутствие строгой лаконичности в изложении, скверная операторская работа в большом количестве эпизодов, неумение всегда найти способы кинематографического раскрытия наиболее характерных процессов в советской действительности, выбрать наиболее яркое, типичное; наличие большого количества тяжеловесных, сухих и иногда неграмотных надписей (Заключение..., 1935: 37).

От создателя учебных географических фильмов киноуправление требовало, во-первых, работы над вопросами педагогики и методики преподавания географии в школе, знакомства с практикой живого урока и прежде всего киноурока. Во-вторых, на съемке должен был присутствовать главный редактор-консультант фильма, который был обязан участвовать в редактировании надписей. В-третьих, от режиссера требовалось систематическое изучение эффективности восприятия учащимися фильмов по географии, произведенных студией. Наконец, режиссер должен был осознавать необходимость работы на сжатом метраже, над лаконичной формой изложения учебно-воспитательного материала.

В качестве «новых путей яркого, увлекательного изложения» учебной картины «Восточная Сибирь», которые следовало бы методически развивать в дальнейшем, в том числе и в работе других режиссеров, отмечалось: 1) удачное использование кинематографического образа для раскрытия географического понятия (эпизод с Байкалом в сочетании с хорошей операторской работой дает ценный познавательный материал и эстетическое удовлетворение); 2) использование приема инсценировки ярких политико-воспитательных фактов и документов, работающих на иллюстрирование и углубление содержания конкретных физико-географических объектов (эпизод с письмом школьников Новой Уды тов. Сталину); 3) умение выбрать яркие, сочные объекты социалистической действительности и в отдельных эпизодах фильма дать им любовную, теплую кинематографическую трактовку (эпизод с бурято-монгольскими детьми, кадры счастливого детства); 4) умение сочетать показ научно-учебного материала с политико-воспитательным. Следовал вывод, что фильм, несмотря на отдельные слабые места, дает ценный физико-географический материал для учащихся и яркий правильный образ Восточной Сибири (Красноярский и Восточно-Сибирский край). От режиссера требовали учесть уроки фильма «Восточная Сибирь», чтобы сделать еще лучше предстоящий фильм об Алтае (Заключение..., 1935). 20 июня 1936 г. Главным управлением за зрелищами и репертуаром при НКПТ РСФСР было выдано разрешительное удостоверение на немую/звуковую кинокартину «Восточная Сибирь» (Разрешительное удостоверение, 1936: 5).

Заключение

Как видно из приведенного выше анализа, обстоятельства создания фильма «Восточная Сибирь» (1935) и его обсуждение на киностудии «Сибтехфильм» на микроуровне отражают общие процессы, происходившие в документальном кинематографе 1930-х гг., когда он стал

частью централизованной плановой системы управления. Сценарии фильма демонстрируют внимание его создателей в первую очередь к идеологическим вопросам – идее активного развития и продвижения образа Сибири советской в преподавании географии школьникам. На формирование этого образа комплексно работали основные приемы организации кинематографического материала, которые были задействованы в учебном фильме: панорамность показа регионов СССР, природно-зональный принцип организации географического материала, единство физической и экономической размерности в его структурировании, использование мультипликационной карты, идеологически нагруженные надписи к фильму и профессиональное научное консультирование. По всей видимости, образ Советской Сибири, раскрываемый в учебных географических кинокартинах «Восточная Сибирь» (1935) и «Западная Сибирь» (1937) и созданный силами сибирской киностудии, стал значимой частью развернувшегося в 1930-е гг. масштабного процесса по кинокартографированию страны. В настоящее время анализ этого материала, помимо прочего, позволяет понять особенности идеологических, концептуальных и творческих установок производства и применения просветительских фильмов в СССР в 1920–1930-х гг. в рамках отечественной визуальной антропологии.

Сокращения:

ГАО – Государственный архив Новосибирской области

Источники

Гайдуйль Адольф Иосифович (режиссер) // ГАО. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 613.

Заключение по фильму «Восточная Сибирь» (6 частей 1730 метров). Режиссер Гайдуйль, главный редактор проф. Половинкин. Производство Ново-Сибирской киностудии 1935 год // ГАО. Ф. 1123. Оп.1. Д. 122.

Кино. 1930. 15 марта. № 15.

Литературные сценарии «Восточная Сибирь» реж. А. Гайдуйль // ГАО. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 122.

Разрешительное удостоверение // ГАО. Ф. 1123. Оп.1. Д. 122. Л. 5.

Режиссерский сценарий по к/ф «У берегов Тихого океана». 1937–1938. Сценарий В. И. Черняк // ГАО. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 158.

Советская Сибирь. 1940. 27 октября. № 248.

Советская Сибирь. 1941. 30 марта. № 75.

Список сотрудников Новосибирской к/т «Сибтехфильм» за 1939 г. // ГАО. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 273.

Литература:

Белодубровская М. Не по плану. Кинематография при Сталине / пер. с англ. Л. Мезеновой. М.: НЛО, 2020. 264 с.

Бляхин П. Основные вопросы // Советское кино перед лицом общественности. М.: Театр-Кино-Печать, 1928. С. 90–103.

Ватолин В. А. Люди-вехи новосибирского кино. Новосибирск: Приобские ведомости, 2010. 201 с.

Головнев И. А. Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920–1930-х гг.). СПб: МАЭ (Кунсткамера) РАН, 2021. 439 с.

Головнев И. А. «Киноатлас СССР»: история проекта // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2020. № 38. С. 12–23.

Головнева Е. В., Головнев И. А. Образ региона в культурфильме (на материале литературных сценариев киностудии «Сибтехфильм») // Пути России. 1917–2017: сто лет перемен / под общ. ред. М. Г. Пугачевой и В. П. Жаркова. М., СПб: «Нестор-история», 2018. С. 194–202.

Гращенкова И. Н., Фомин В. И. История российской кинематографии (1896–1940 гг.). М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2016. 768 с.

Долматовская Г., Малькова Л. Козырева Л. Документальное кино // Страницы истории отечественного кино. М.: «Материк», 2006. С. 180–231.

Кремлевский киноматейтр. 1928–1953: Документы. М.: РОССПЭН, 2005. 1120 с.

Луначарский А. Советское кино на подъеме // Советское кино перед лицом общественности. М.: Театр-Кино-Печать, 1928. С. 9–20.

Магидов В. М. Киноатлас СССР: история создания серии фильмов по визуальной антропологии // Аудио-визуальная антропология: история с продолжением: сб. ст. / ред. Е. А. Андреева и др. М.: Институт наследия, 2008. С. 136–141.

Милосердова Н. Детское кино // Страницы истории отечественного кино. М.: «Материк», 2006. С. 7–134.

Михайлин В., Беляева Г. Скрытый учебный план: антропология советского школьного кино начала 1930-х – сер. 1960-х гг. М.: НЛО, 2020. 584 с.

Познанский Н. Ф. Школьное кино: метод. указания. Саратов, 1929. 62 с.

Прожиго Г. С. Концепция реальности в экранном документе. М: ВГИК, 2004. 453 с.

Родигина Н. Н. Как писать для детей о «нашем крае»: версия писателей Западной Сибири конца 1920-х–начала 1930-х гг. // Сибирский филол. журнал. 2020. № 4. С. 119–132.

«Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е–1930-е гг.): сб. ст. / сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб: Алетейя, 2013. 364 с.

Шкловский В. Детская книга. Нужен свежий ветер // Книга детям. 1930. №4. С. 1–5.

Головнева Елена Валентиновна.

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии СПбГУ, старший научный сотрудник Центра Арктических исследований МАЭ РАН.

Санкт-Петербургский государственный университет.

Ул. Смольного, 1/3, г. Санкт-Петербург, 191060.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

Университетская набережная, 3, г. Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Головнев Иван Андреевич

Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра Арктических исследований МАЭ РАН.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

Университетская набережная, 3, г. Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

Материал поступил в редакцию 4 сентября 2022 г.

E. V. Golovneva, I. A. Golovnev

"CINEMA ATLAS OF THE USSR": EDUCATIONAL FILM "EASTERN SIBERIA" (1935)²

The paper examines the role of educational cinema in the USSR during the 1930s, with a focus on films about the “socialist reconstruction” of remote regions of the Soviet Union. As an example, the film “Eastern Siberia” (1935) filmed at the “Sibtechfilm” studio, directed by A. I. Gaidul is analyzed, using scripts and other documentation from the State Archives of the Novosibirsk Region. The film is analyzed in terms of its place in the history of regional cinema and its role in the construction of ideas and images in the context of Soviet history. The paper also discusses the historical context of the creation of educational films in the 1930s, the production process at the Novosibirsk studio “Sibtechfilm”, and the biography and methods of the film's director, A. I. Gaidul are considered. The authors also address methodological issues related to educational cinema at the Sibtechfilm studio in the 1930s. It is concluded that the creation of educational geographical films was a significant development in Russian visual anthropology and that the analysis of such films helps to understand the ideological, conceptual, and creative considerations involved in their production and use in the USSR in the 1920s–1930s.

Keywords: *visual anthropology, Soviet cinema, film production, educational cinema in the 1930s, Sibtechfilm, Eastern Siberia (1935), A. I. Gaidul.*

GANO – State Archive of the Novosibirsk Region

² The article was prepared within the framework of the project "The Cinema Atlas of the USSR: the experience of positioning a multinational state" with the support of the Russian Science Foundation (No. 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>).

Sources

- Gajdul' Adol'f Iosifovich** (rezhisser) [Gaidul Adolf Iosifovich (director)] // GANO. F. 1123. Op. 1. D. 613.
- Kino** [Cinema]. 1930. 15 marta. № 15.
- Literaturnye scenarij** «Vostochnaja Sibir'» rezh. A. Gajdul' [Literary scenarios "Eastern Siberia" dir. A. Gaidul] // GANO. F. 1123. Op. 1. D. 122.
- Razreshitel'noe udostoverenie** [Permissive certificate] // GANO. F. 1123. Op. 1. D. 122. L. 5.
- Rezhisserskij scenarij** po k/f «U beregov Tihogo okeana». 1937-1938. Scenarij – V.I. Chernjak [Director's script based on the film "Off the coast of the Pacific Ocean". 1937–1938. Script - V. I. Chernyak] // GANO. F. 1123. Op. 1. D. 158.
- Sovetskaja Sibir'** [Soviet Siberia]. 1940. 27 oktjabrja. № 248.
- Sovetskaja Sibir'** [Soviet Siberia]. 1941. 30 marta. № 75.
- Spisok sotrudnikov** Novosibirskoj k/t «Sibtefil'm» za 1939 g. [List of employees of the Novosibirsk film theater "Sibtefilm" for 1939] // GANO. F. 1123. Op. 1. D. 273.
- Zakljuchenie po fil'mu** «Vostochnaja Sibir'» (6 chastej 1730 metr). Rezhisser Gajdul', glavnyj redaktor prof. Polovinkin.
- Proizvodstvo** Novo-Sibirskoj kinostudii 1935 god [Conclusion on the film "Eastern Siberia" (6 parts 1730 meters). Directed by Gaidul, editor-in-chief prof. Polovinkin. Production of the Novo-Siberian film studio in 1935] // GANO. F. 1123. Op. 1. D. 122.

References:

- Belodubrovskaja M.** Ne po planu. Kinematografija pri Staline / per. s angl. L. Mezenovoj. [Not according to plan. Cinematography under Stalin / transl. from English. L. Mezenova]. M.: NLO, 2020. 264 p. (In Russian).
- Bijahin P.** Osnovnye voprosy [Main questions] // Sovetskoe kino pered likom obshhestvennosti [Soviet cinema in front of the public]. M.: Teatr-Kino-Pechat', 1928. Pp. 90–103. (In Russian).
- Dolmatovskaja G., Mal'kova L. Kozyreva L.** Dokumental'noe kino [Documentary film] // Stranitsy istorii otechestvennogo kino [Pages of the history of national cinema]. M.: «Materik», 2006. Pp. 180–231. (In Russian).
- Golovnev I. A.** «Kinoatlas SSSR»: istorija proekta [Cinema-Atlas of the USSR: the history of the project] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history]. 2020. № 38. Pp. 12–23. (In Russian).
- Golovnev I. A.** Vizualizatsija etnichnosti v sovetskom kino (opyty uchenykh i kinematografistov 1920–1930-h gg.) [Visualization of Ethnicity in Soviet Cinema (Experiences of Scientists and Cinematographers of the 1920s–1930s)]. St. Petersburg: Kunstkamera RAN, 2021. 439 p. (In Russian).
- Golovneva E. V., Golovnev I. A.** Obraz regiona v kul'turfil'me (na materiale literaturnykh stsensarijev kinostudii «Sibtefil'm») [The Image of the Region in Kulturfilm (Based on Literary Scenarios of the Sibtefilm Studio)] // Puti Rossii. 1917–2017: sto let peremen / pod obshh. red. M.G. Pugachevoj i V.P. Zharkova. [Ways of Russia. 1917–2017: one hundred years of change / ed. ed. M.G. Pugacheva and V.P. Zharkova]. M., St. Petersburg: «Nestor-istorija», 2018. Pp. 194–202. (In Russian).
- Grashhenkova I. N., Fomin V. I.** Istorija rossijskoj kinematografii (1896–1940 gg.). [The history of Russian cinematography (1896–1940)]. M.: Kanon+ROOI «Reabilitatsija», 2016. 768 p. (In Russian).
- Kremlevskij kinoteatr. 1928–1953: Dokumenty. [Kremlin cinema. 1928–1953: Documents]. M.: ROSSPJEN, 2005. 1120 p. (In Russian).
- Lunacharskij A.** Sovetskoe kino na pod'eme [Soviet cinema on the rise] // Sovetskoe kino pered likom obshhestvennosti [Soviet cinema in front of the public]. M.: Teatr-Kino-Pechat', 1928. Pp. 9–20. (In Russian).
- Magidov V. M.** Kinoatlas SSSR: istorija sozdanija serii fil'mov po vizual'noj antropologii [Cinema Atlas of the USSR: the history of the creation of a series of films on visual anthropology] // Audiovizual'naja antropologija: istorija s pro-dolzheniem. Sb. st. / red. E.A. Andreeva, i dr. [Audiovisual anthropology: a story with a sequel / ed. E.A. Andreeva, etc.] M.: Institut nasledija, 2008. Pp. 136–141. (In Russian).
- Miloserdova N.** Detskoe kino [Children's cinema] // Stranitsy istorii otechestvennogo kino [Pages of the history of national cinema]. M.: «Materik», 2006. Pp. 7–134. (In Russian).
- Miloserdova N.** Detskoe kino [Children's cinema] // Stranitsy istorii otechestvennogo kino [Pages of the history of national cinema]. M.: «Materik», 2006. Pp. 7–134. (In Russian).
- Poznanskij N. F.** Shkol'noe kino: metodicheskie ukazanija. [School cinema: guidelines]. Saratov, 1929. 62 p. (In Russian).

Prozhiko G. S. Konceptsiya real'nosti v ekrannom dokumente. [The concept of reality in the screen document]. M: VGIK, 2004. 453 p. (In Russian).

Rodigina N. N. Kak pisat' dlja detej o «nashem krae»: versija pisatelej Zapadnoj Sibiri kontsa 1920-h-nachala 1930-h gg. [How to write for children about "our land": the version of the writers of Western Siberia in the late 1920s-early 1930s.] // Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Philological Journal]. 2020. № 4. Pp. 119–132. (In Russian).

Shklovskij V. Detskaja kniga. Nuzhen svezhij veter [Children's book. Need a fresh breeze] // Kniga detjam [Book for children]. 1930. № 4. Pp. 1–5. (In Russian).

«Ubit' Charskuju...»: paradoksy sovetskoj literatury dlja detej (1920-e-1930-e gg.): sbornik statej / sost. i red. M. R. Balina, V. Ju. V'jugin. ["Kill Charskaya ...": the paradoxes of Soviet literature for children (1920s-1930s): collection of articles / comp. and ed. M. R. Balina, V. Yu. Vyugin]. SPb: Aletejja, 2013. 364 p. (In Russian).

Vatolin V. A. Ljudi-vehi novosibirskogo kino. [People – milestones of Novosibirsk cinema] Novosibirsk: Priobskie vedomosti, 2010. 201 p. (In Russian).

Golovneva Elena Valentinovna.

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, St. Petersburg State University, Senior Researcher at the Center for Arctic Studies of the MAE (Kunstkamera) RAS.

St. Petersburg State University.

Smolny st., 1/3 (entrance 9), St. Petersburg, Russia, 191060.

Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) RAS.

Universitetskaya embankment, 3, St. Petersburg, 199034.

E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Golovnev Ivan Andreevich.

Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Arctic Studies of the MAE (Kunstkamera) RAS.

Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great RAS.

Universitetskaya embankment, 3, St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

В. В. Медведев

СЕВЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НОГАЙЦЕВ

Граждане Российской Федерации – представители поликультурного социума, осознающие при этом свою национально-культурную принадлежность и самобытность. Конструирование монолитного гражданского общества с единым прошлым и исторической памятью, демонстрирующего собственное этническое и культурное многообразие в современности, а также создающего гарантии стабильного будущего – вот задачи, в решении которых принимают участие различные государственные и общественные институты. Идентичность, самоидентификация и сопредельные с данной проблематикой вопросы представляют достаточно актуальные и востребованные предметы внимания современного гуманитарного знания. Неслучайно обсуждение аналогичной тематики входит в приоритетные сферы научных интересов антропологов, этнологов, социологов, философов и представителей смежных наук.

Целью настоящего исследования является определение и анализ дискурсов идентичностей, наблюдающихся среди ногайцев Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Понятие дискурса в данном случае подразумевает его интерпретацию как рассуждение о процессах идентификации, происходящих в наши дни среди представителей данной этнической группы и демонстрирующих их самосознание в действии. Объективная оценка ситуации стала возможной благодаря техникам эмпирического исследования, представленным приемами непосредственной фиксации материала – полужформализованному интервьюированию и включенному наблюдению. Приоритетной задачей представляется стремление понять информантов и предоставить авторскую беспристрастную трактовку их мнений. Разработка темы базируется на совокупности теоретических положений примордиализма, поскольку его контекстуальный подтекст сопровождает позицию информантов, и конструктивизма как точки зрения автора.

Материалы исследования позволяют создать полноценную мозаику ногайских идентичностей и их краткую историческую и этнокультурную характеристику, затрагивая проблематику миграционного движения, динамики численности, расселения и повседневности. В заключении делается вывод о том, что рассмотренные категории идентичности ногайцев Югры вполне устойчивы. Противоречива языковая ситуация, и данный сюжет вызывает тревожные настроения среди представителей изучаемого сообщества, но вполне естественен как процесс. В подобном контексте пример ногайцев региона перспективен для исследования, поскольку язык, уже не будучи средством повседневного и системного общения, не доминирует над самосознанием и идентификацией с собственной этнической группой и «ногайским миром».

Ключевые слова: *ногайцы, Югра, идентичность, этничность, численность и расселение, пространство, северный город.*

Введение

Многообразие идентичностей и происходящие с ними трансформации отражены в фундаментальных исследованиях зарубежных и отечественных авторов Б. Андерсона, Р. Брауна, М. Бэнкса, К. Вердери, Б. Латура, Э. Смита, Ф. Фукуямы, Э. Хобсбаума, С. Н. Абашина, М. Н. Губогло, Л. М. Дробичевой, В. Ю. Зорина, А. И. Миллера, С. В. Соколовского, В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана.

Теоретико-методологические принципы, апробированные публикациями данных авторов, посвящены этничности, нациестроительству, гражданственности и прочим проявлениям идентификационных процессов, сосуществующих в социуме и сознании человека. Ф. Фукуяма приходит к следующим выводам: «Идентичность может быть закреплена в официальных законах и учреждениях, определяющих, как преподавать историю страны в школах или какой язык будет официальным национальным языком. Однако национальная идентичность распространяется и на сферу культуры и ценностей. Она состоит из историй, которые люди рассказывают о себе: откуда они пришли, какие праздники празднуют, что хранится в их общей исторической памяти, что нужно, чтобы стать подлинным членом общества» (Фукуяма, 2019: 161–162).

Проблема отождествления себя с конкретной социальной либо этнической группой имеет первостепенное значение для личности. Идентичность всегда уникальна благодаря

многим факторам – историческим, этническим, конфессиональным, социальным, гражданским, экономическим, политическим, географическим. Мы нередко задаемся достаточно простым, но одновременно сложным вопросом: «Кто я?». Ответ вроде бы очевиден, но он может либо не удовлетворять, либо же быть каждодневно изменчивым. «Я» – человек, личность, житель конкретной страны, региона, локуса, приверженец определенной веры, часть социума, профессиональной группы, этнического сообщества. Такие интерпретации могут быть и шире, и разностороннее. Активность и динамика городской жизни создают для индивидуума и даже целых групп непростые ситуации, при которых идентичность и процессы отождествления с территориями и сообществами не всегда однозначны, предполагая пограничное сознание. А. К. Салмин справедливо оценивает личность как носителя нескольких граней идентичности. Согласно его мнению, детрадиционализация образа жизни в конечном счете приводит к вариативной идентичности (Салмин, 2022: 8).

Для горожан перспективным будет знакомство с кейсами мегаполисов или же, например, северных городов – подобные процессы своевременны и одной из категорий идентичности служит этничность, несмотря на все рефлексивные рассуждения о нивелировании ее позиции и роли в городском пространстве. Понятие этничности подразумевает интеграционные и разделительные процессы в этнических группах как следствие действия механизмов идентичности, осуществляемых посредством системы этнических признаков – истории, культуры, языка (Социокультурная, 2012: 960). «Этническая идентичность, как и любые другие, существует как у коллективов, так и у отдельных людей» (Атнагулов, 2018: 241). Другими словами, городской житель как и человек, проживающий в сельской местности, выступает в качестве носителя этнически маркирующих его жизнь признаков, идентифицирует себя частью этнического сообщества/сообществ и может это продемонстрировать, а нередко и рефлексивно. Например, этничность среди горожан динамично характеризует вегикулярное маркирование автомобилей (Медведев, 2019: 67–74).

Этничность и создающаяся, а справедливей поддерживаемая через нее связь с исторической родиной востребована в этнических сообществах, оказавшихся по самым разным причинам в иноэтничном окружении и удаленных территориально. Примером таковой этнической группы могут послужить ногайцы, проживающие в городах и их пригородах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, вследствие своей профессиональной привязанности к предприятиям нефтяной и газовой промышленности.

Изученность проблемы

Анализ различных аспектов исторического прошлого, культуры и этнографии ногайцев представлен многочисленными изданиями. Например, к числу авторов следует отнести публикации М. Б. Гимбатовой, Д. К. Джумаевой, Э. Ш. Идрисова, О. И. Казакбиевой, К. Н. Казалиевой, Ф. Ю. Канокковой, А. Ю. Каракаевой, Ф. С. Суюновой, А. А. Ярлыкапова и других. Работы прежде всего характеризуют сферы жизни и деятельности ногайцев, проживающих в регионах своего исконного расселения, а этнические группы данного народа, мигрировавшие за пределы этих территорий, остаются за гранью внимания исследователей. Также должным образом не рассматриваются и процессы, происходящие среди ногайцев в городах России, приводящие к трансформации повседневных практик и дискурсам идентичности. Таким образом, ногайцам, проживающим в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, и как территориально удаленному от родных регионов этническому сообществу, и как горожанам комплексных антропологических исследований адресовано не было, а в изданных работах авторы рассматривают группу не всегда системно.

Несмотря на существующую лакуну, следует сделать акцент на ряде публикаций, среди которых выделим издания А. А. Ярлыкапова (Ярлыкапов, 2005: 220–228; Ярлыкапов,

2008: 78–81; Ярлыкапов, 2014: 127–137). Исследователь рассматривает причины и механизмы миграционных процессов среди ногайцев в 1990–2000 гг., анализирует их последствия и предоставляет ответ на вопрос: «Как нефтегазовый бум в кризисной России стимулировал миграцию ногайцев на российский север и к каким переменам это привело» (Ярлыкапов, 2008: 78). В контексте нашей проблематики ключевыми служат следующие результаты, достигнутые автором. Прежде всего это статистические справки, реконструкция миграционных маршрутов, определение условий отъезда из родного населенного пункта, стратегия адаптации к новым условиям и конкретизация сфер профессиональной занятости.

Исследованием ногайцев как жителей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и конкретно как горожан Сургута занимается Е. Л. Капустина (Капустина, 2014: 158–176). Статья «Собственность на Север: мигранты из Дагестана и освоение городского пространства в Западной Сибири (на примере ситуации в г. Сургут)», посвященная этническим группам из Дагестана, содержит сюжеты, адресованные непосредственно ногайцам. Во-первых, на примере с. Терекли-Мектеб Ногайского района Дагестана характеризуется стратегия возвратной миграции, подразумевающей строительство или приобретение недвижимости в родном поселении и иных локусах республики. Во-вторых, демонстрация этничности в частных условиях – намеренно организованные мероприятия для «своих» (Капустина, 2014: 165, 170). Не обделены вниманием автора и пищевые трансферы, связавшие два региона. Так, полевой материал позволил выделить системно-организованную продажу мяса как одну из «этнических» сфер деятельности ногайцев на рынке Сургута (Капустина, 2020: 197).

Рассуждения об организации бизнеса по предоставлению транспортных услуг в направлениях «Юг (Дагестан, Чечня, Ставропольский край и сопредельные регионы) – Север (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ)» и «Север – Юг» актуальны в наши дни и наглядно демонстрируются в специализированных интернет-сообществах. Например, сообщество в социальной сети «ВКонтакте» – «Ногайцы Сургута (ХМАО – Югра, России)» (<https://vk.com/ngysurguta>) с подписчиками более 3000 человек регулярно размещает подобные сообщения.

«Еду сегодня, беру двух пассажиров 19:00», «Кто в ближайшее время летит из Сургута в Ногайский район? Нужно срочно отправить документ», «Есть один пассажир с Терекли до Сургута на 10 августа», «Кто вылетает из Сургута в Ногайский район. Нужно передать лекарство», «Здравствуйте, никто не знает есть ли в Сургуте в продаже мясо из Дагестана, Чечни», «Грузоперевозки на Юг. Принимаем груз. Фёдоровский до 21 июня. Сургут 22 июня. 25 руб./кг».

De facto, перед нами иллюстрации сознательной экономической манипуляции, сконструированной на необходимости стабильного трансферта между регионами в личных целях – проезд либо же транспортировка продуктов, вещей, предметов.

Автор данных строк также публиковал материалы, посвященные ногайцам Сургута, где представители этого этнического сообщества выступали в качестве объекта исследования. Были проанализированы практики, демонстрирующие этничность в повседневной жизни горожан (Медведев, 2020: 21–29). Один из сюжетов публикации связан с вегикулярными маркерами/автомаркерами, наносимыми ногайцами на автомобиль и способствующими коммуникации среди соотечественников, поскольку рассчитаны они на «своих». Знаково-символическая визуализация, демонстрируя этничность, ориентирована прежде всего на представителей собственного народа, но вместе с тем выражает ностальгию по малой родине и проживающим там родственникам и соплеменникам.

События из жизни ногайцев Ханты-Мансийского автономного округа – Югры регулярно освещаются региональными и местными средствами массовой информации. Информацион-

ным поводом, как правило, служит организация либо участие в значимых для городов и районов округа событиях, что отражают заголовки *newsbreak*.

«В Сургутском районе турнир по футболу собрал 17 коллективов со всего округа» (В Сургутском, 2019) – о проведении девятого Кубка по футболу «Ногай Эл», ежегодно объединяющего ногайские футбольные команды из Сургута, Нефтеюганска, Лянтора, Пыть-Яха и Фёдоровского. «Ногайский фестиваль собрал в Сургутском районе гостей со всей России» (Ногайский, 2021) – о культурно-спортивном празднике «Бирлик на Севере», укрепляющем коммуникацию ногайцев внутри округа – география участников Ханты-Мансийск, Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск, Лянтор, Салым, Пыть-Ях, Ульт-Ягун, Фёдоровский, а также за его пределами – Новый Уренгой (Ямало-Ненецкий автономный округ. – В. М.), Норильск (Красноярский край. – В. М.), Москва, Дагестан, Карачаево-Черкесия. «В Сургутском районе подвели итоги конкурса “Мир народных традиций”» (В Сургутском, 2022) о результатах конкурса эссе среди обучающихся и его победительнице Самире Аджикубуловой из п. Ульт-Ягун Сургутского района.

Одновременно с этим встречаются сюжеты, направленные на решение социальных проблем, – «Ногайцы из Фёдоровского проводят ночные рейды по “черным” аптекам». Активисты национально-культурного объединения постарались предотвратить случаи незаконной продажи лекарственных препаратов без рецепта, используемых среди наркозависимых. «Поначалу побаловались один, два раза – и потом уже зависимость получили, они не могут выйти из этой системы. Я знаю, таких людей (ногайцы. – В. М.), которые полностью уволились отсюда, кто в “Нефтегазе”, допустим, все распродали, потому что дети здесь умирают заживо и выезжают на “большую”, подальше отсюда», – прокомментировано в статье (Ногайцы, 2019).

Динамика численности и география расселения

Ногайцы – народ, для которого современный Ханты-Мансийский автономный округ – Югра является регионом, никак не связанным с исторической родиной и территорией исконного проживания. Тем не менее результаты переписей населения демонстрируют положительную динамику численности представителей данного этнического сообщества в регионе. Материалы Всесоюзной переписи населения 1970 г. в Ханты-Мансийском национальном округе впервые фиксируют ногайцев в количестве 4 мужчин. В их числе – 3 горожанина и 1 сельский житель (Всесоюзная-1). Всесоюзной переписью населения 1979 г. в округе записаны 20 ногайцев, а в 1989 г. – 355 человек (табл. 1).

Таблица 1

**Численность ногайцев Ханты-Мансийского автономного округа по материалам Всесоюзной переписи населения 1979 г. и Всесоюзной переписи населения 1989 г.
(Всесоюзная-2, Всесоюзная-3)**

Всесоюзная перепись населения 1979 г.									
Этническая принадлежность	Численность								
	Всего			Городское население			Сельское население		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
ногайцы	20	13	7	19	12	7	1	1	0
Всесоюзная перепись населения 1989 г.									
Этническая принадлежность	Численность								
	Всего			Городское население			Сельское население		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
ногайцы	355	197	158	336	185	151	19	12	7

Всероссийская перепись населения 2002 г. также свидетельствует о положительной динамике численности ногайцев в регионе. На момент ее проведения их количество составило 2 502 человека (Итоги-1, 2005: 13). По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. число ногайцев возрастает до 5 323 человек, т. е. 0,4 % всего населения округа (табл. 2).

Таблица 2

Численность ногайцев Ханты-Мансийского автономного округа (с 2003 г. – Югры) по материалам Всероссийской переписи населения 2002 г. и Всероссийской переписи населения 2010 г. (Итоги-1, 2005: 74–78; Всероссийская)

Всероссийская перепись населения 2002 г.									
Этническая принадлежность	Численность								
	Всего			Городское население			Сельское население		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
ногайцы	2502	1366	1136	2317	1266	1051	185	100	85
Всероссийская перепись населения 2010 г.									
Этническая принадлежность	Численность								
	Всего			Городское население			Сельское население		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
ногайцы	5323	2705	2618	5070	2573	2497	253	132	121

Ногайцы изначально расселялись в городах округа и формировались как горожане, что демонстрируют переписи населения разных лет. Однако это противоречит культурным паттернам данной этнической группы и образу жизни в соответствии с традициями, но несмотря на имеющуюся антиномию, ногайцы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры прежде всего жители городов (табл. 3).

Таблица 3

Численность ногайцев в городах и сельских районах по материалам всесоюзных и всероссийских переписей населения (Итоги-2, 2013: 8–9)

Переписи населения	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Ногайцы – городские жители	3	19	336	2317	5070
Ногайцы – сельские жители	1	1	19	185	253

Для составления завершенной картины географии расселения ногайцев в городах округа представим подробную таблицу их сосредоточения в городских пространствах (табл. 4).

Поскольку до настоящего времени еще не полностью обработаны и не опубликованы результаты Всероссийской переписи населения 2020 г., состоявшейся в октябре 2021 г., мы опираемся на официальные статистические материалы 2010 г., в соответствии с которыми в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре проживает 5 323 ногайца. Данная цифра заслуживает внимания и того, чтобы исследователи озвучивали ее, характеризуя статистические сведения о ногайцах. Наряду с этим возникают вопросы: насколько актуальна информация? действительно ли число ногайцев в Югре соответствует результатам переписи?

Ответы на них отчасти содержатся в выступлениях и докладах разного уровня ведущего отечественного специалиста по истории и этнографии ногайцев А. А. Ярлыкапова, неоднократно делавшего акцент на том, что от 30 % до 40 % ногайцев сосредоточены на Севере. Территориально речь идет о двух регионах – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ (5 323 и 3 479 ногайцев в соответствии с официальными статистическими материалами). Другими словами, если по итогам Всероссийской переписи

Таблица 4

**Ногайцы в городских округах Ханты-Мансийского автономного округа (с 2003 г. – Югры)
(Итоги-1, 2005: 180–322; Итоги-2, 2013: 48–76)**

Городские округа	Всесоюзная перепись населения 1989 г.			Всероссийская перепись населения 2002 г.			Всероссийская перепись населения 2010 г.		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
Городской округ г. Ханты-Мансийск	0	0	0	64	35	29	179	86	93
Городской округ г. Когалым	0	0	0	14	9	5	33	19	14
Городской округ г. Лангепас	0	0	0	68	38	30	71	37	34
Городской округ г. Лянтор	0	0	0	208	111	97	сведения отсутствуют		
Городской округ г. Мегион	0	0	0	59	38	21	115	66	49
Городской округ г. Нефтеюганск	0	0	0	102	57	45	304	158	146
Городской округ г. Нижневартовск	50	24	26	111	63	48	300	163	137
Городской округ г. Нягань	0	0	0	31	16	15	31	18	13
Городской округ г. Покачи	0	0	0	7	5	2	4	4	0
Городской округ г. Пыть-Ях	0	0	0	273	148	125	305	171	134
Городской округ г. Радужный	0	0	0	35	18	17	42	21	21
Городской округ г. Сургут	90	42	48	201	95	106	1126	534	592
Городской округ г. Урай	0	0	0	10	6	4	7	3	4
Городской округ г. Югорск	0	0	0	0	0	0	0	0	0

населения 2010 г. в стране проживает 10 3660 ногайцев, то более 31 000 человек (30 %) или же более 41 000 представителей данной этнической группы (40 %) сосредоточены в двух регионах. Кстати, динамика численности ногайцев Ямало-Ненецкого автономного округа налицо (2002 г. – 1 708 человек, 2010 г. – 3 479 человек). De facto, ситуация такова – оба региона экономически стабильны и этим привлекательны для представителей внешней и внутренней миграции. Так, с 2010-х гг. наблюдается тенденция переезда на Север ногайской молодежи, получившей профессиональное техническое или медицинское образование и в качестве молодых специалистов отправляющихся на заработки (Казенин и др., 2018: 79).

Семьи, проживающие в округе на постоянной основе, имеющие стабильный доход и приобретшие недвижимость, прежде всего учтены переписчиками. Но как быть с группами людей, находящимися в Югре иррегулярно? И вопрос может быть адресован не только к ногайцам округа, но и представителям абсолютно всех народов, задействованных в подобных процессах. Дело касается не столько статистических данных, а проблем самоидентификации

индивидуума в условиях своеобразного фронта, когда переезды, экономическая и социальная нестабильность, пограничье влияют на сознание либо же накладывают соответствующий отпечаток, трансформирующий идентичность – региональную, локальную, а возможно, и установку на преобразование этничности.

«Все без исключения приехали за возможностями»

Эмпирической основой статьи послужили полевые материалы 2020 и 2022 гг., полученные от информантов-ногайцев Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска и Фёдоровского Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В перечне методов работы с информантами полуформализованное интервьюирование и включенное наблюдение, позволившие обозначить рефлексивность и рациональную описуемость объекта исследования.

Ногайцы округа, как правило, выходцы из Дагестана, Чечни и Ставропольского края. В числе конкретных населенных пунктов названы г. Кизляр и с. Нововладимировка Кизлярского района, с. Терекли-Мектеб, с. Карагас и с. Кумли Ногайского района Дагестана, г. Грозный Чеченской Республики, с. Кара-Тюбе Нефтекумского района Ставропольского края. Причинами переселения указаны переезд родителей, поездка в гости к родственникам, поиск работы: *«Я приехала работать и развиваться. Никто не помогал, сами находили пути решения. С пропиской помогли»; «Нам помогли мамы родители с трудоустройством, жильем временным, остальное родители сделали сами»; «На заработки. Никто не помогал. Сами добивались»* (ПМА). Годы приезда наших информантов подтверждают вышеуказанные временные рамки миграции ногайцев на Север – 1999, 2000, 2004, 2007, 2012, 2015 гг.

Одна из причин переезда – внутрисемейные и дружеские отношения. Подобный сюжет представлен Е. А. Ерохиной, изложившей историю ногайца, приехавшего из Дагестана к брату после службы в армии: *«Он привез своих племянников к началу учебного года. Брат уговорил его остаться. Молодой человек нашел работу, женился на русской девушке и уже более 10 лет живет на Севере. Он также рассказал, что первой из односельчан укоренилась его землячка, которую он назвал “бабой Ньюрой”. По его словам, она открыла магазин, после чего подтянулись другие жители кавказского села»* (Ерохина, 2019: 72).

По свидетельству информантов наиболее компактные группы ногайцев сосредоточены в следующих городах и населенных пунктах округа – Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Лянтор, Солнечный, Белый Яр, Пыть-Ях, Радужный, Фёдоровский, что соответствует и подтверждается официальными статистическими материалами. *«Сургут и Белый Яр, Фёдоровский, Лянтор, Пыть-Ях, Нижневартовск и Радужный. Это где железно живут и не мало (подразумевается расселение ногайцев. – В. М.). Еще слышал, что проживают в Нефтеюганске, Нягани, Салыме. По количеству не скажу»* (ПМА).

В профессиональной деятельности ногайцы задействованы в газовой и нефтяной промышленности, среди предприятий конкретизировано ПАО «Сургутнефтегаз», а сфер занятости мужчин – *«бурение нефти и газа: разработка и ввод в эксплуатацию нефтяных и газовых скважин»*. В числе «мужской» специализации также медицина, транспортные услуги, грузоперевозки. Женщины работают в медицине, образовании, причем актуализировано внимание на дошкольных учреждениях, сфере услуг, торговле. В ответах информантов непременно звучит их нацеленность на перспективу: *«Дошкольное образование, работаю. Я довольна своей профессией, планирую развиваться и дальше в сфере дошкольного образования. Большинство мужчин, я думаю, работают в “Сургутнефтегаз”, а женщины – в сфере образования и медицины»* (ПМА). В первую очередь были названы рабочие специальности и бюджетная сфера.

«Идентичность вырастает прежде всего из различия между истинным внутренним “я” и внешним миром социальных правил и норм», – пишет Ф. Фукуяма (Фукуяма, 2019: 33), –

именно поэтому индивидуумы стремятся создать условия, предоставляющие возможность выказать свое «Я». Этническая идентичность/этничность ногайцев выражена в том числе стремлением совместного расселения в городах Югры – «*в поселке Фёдоровский проживают семьями и целыми тукумами (родовое подразделение. – В. М.), а живут вместе потому, что у ногайцев в приоритете семья и род*», «*стремление жить рядом, создавая общее пространство, я считаю естественным желанием, так как ногайцы в больших городах очень дружны, происходит некая мобилизация*» (ПМА). Из комментария к понятию «тукум»:

«Тукым больше как фамилия переводится. Но в народе как синоним можно считать за слово род, так как род и фамилия тоже отчасти синонимы. По-русски ногайское родоплеменное деление выглядит так: род Конгур, племя Кипчак (мои обозначения для примера). По-ногайски племя будет ырув. У меня могут спросить – Ырувын кайдай? Какое у тебя племя? Я отвечаю в связке: Конгур-Кипчак. Ырув – это правильное название. Тукым это ошибочное, но, по сути, синоним, и поэтому, когда спрашивают, в принципе ногаец понимает, о чём речь и там, и там. Есть еще народное слово тайпа. Но это заимствованный арабизм, от слова тайфа – племя. Ногаец в принципе поймет все три варианта, все бытуют. Ырув самый правильный, но самый редкий вариант бытования. Обычно все сходятся на тукым или иногда тайпа» (ПМА).

Местом притяжения ногайцев, как и представителей других этнических групп Кавказа и Центральной Азии, в Сургуте служат торгово-развлекательные центры, прежде всего «Сургут Сити Молл» и «Аура». В последнем случае связано это с плотным проживанием ногайцев в прилегающем к «Ауре» 38 микрорайоне Северного жилого района, поскольку родственники и соотечественники стремятся приобретать либо арендовать квартиры в одном подъезде, в одном многоквартирном доме. Также среди локаций, выступающих в качестве места сбора активной ногайской молодежи Сургута и Фёдоровского – участников национально-культурного объединения «Союз ногайской молодежи» – МБУ «Вариант» и «Lounge bar арт Лофт». Их деятельность и само существование объединения воспринимаются как явление, маркирующее ногайскую культуру и идентичность: «*В дни города и пгт (Сургут, Фёдоровский. – В. М.) выставляются национальные уголки, палатки и даже юрты. Есть свои музыкальные коллективы и артисты. Были попытки по организации курсов родного языка*» (ПМА).

Связь с регионами Кавказа и сопредельными территориями, на которых проживают ногайцы, по-прежнему поддерживается через пищевые трансферы, проанализированные Е. Л. Капустиной (Капустина, 2020: 191–200). Среди наиболее востребованных продуктов – мясо и колбаса халяльного производства, молочная продукция, фрукты и соки. По словам информантов, «*есть магазины с натуральной продукцией из малой родины. Высокая качественная характеристика продукции*». «*Ногайцы очень любят покупать продукцию из Дагестана. Это мясо, сыры, фрукты, напитки и еще много всего. Расстояние не помеха, так как продукция очень вкусная*» (ПМА).

Характеристика черт этнопсихологии ногайцев содержит как абстрактные высказывания – «гордость», «сплоченность», «добродушие», «терпение», «трудолюбие», «упорство», «гостеприимство», «отзывчивость», «честь», «порядочность», так и предметные цитаты.

«Ногайцы – это гордый народ. Приверженцы национальных традиций. Почитание и послушание старших», «Ногайшылык – не имеет перевода на русский язык, но означает, что-то вроде поддержки друг друга в любом месте, времени и ситуации, независимо от того, знают люди друг друга или нет», «Воинский дух – это основа основ. Это в крови. Дает огромную внутреннюю силу и уверенность в себе, неиссякаемый источник энергии... Бывают,

конечно, и противоположные ситуации, когда ногайцы занимаются бравадой и мнимым превосходством над кем-то или чем-то, но это осуждается ногайским обществом» (ПМА).

«Ногаец он везде остается ногайцем» – фраза, сказанная в ответ на вопрос о наличии особенностей среди ногайцев Югры, их индивидуальности. Конечно, характеристики «примерный», «умный», «воспитанный», «храбрый», «отзывчивый», «порядочный» также прозвучали. Положительные оценки присутствуют и в более развернутых выражениях: «Ногаец Югры – труженник, примерный семьянин». Выражены были и суждения, оценивающие идентификационные процессы, сопровождающие ногайцев в наши дни: «Он (ногаец. – В. М.) более русифицирован, к сожалению, отрыв от корней не проходит бесследно, такова цена за комфортную жизнь для своей семьи. Самая большая проблема – утеря языка (в контексте конструктивистского подхода к вопросу этничности подобное утверждение достаточно неоднозначно. – В. М.), она происходит в разы быстрее, нежели на малой Родине. Но будем честны, русификация идет уже и в аулах». «Основное язык, но, к сожалению, молодежь стала забывать родную речь. Очень сложный вопрос для меня, так как народы России переплелись между собой» (ПМА).

Ногайцы демонстрируют устойчивое сохранение исторической памяти и коммеморативных практик. Принципиальна для истории народа культурная травма, являющаяся важной скрепой единой «ногайской» идентичности и отражающая события 1 октября 1783 г., когда российские войска под командованием А. В. Суворова вступили в бой с ногаями/ногайцами, восставшими против приказов императрицы Екатерины II и Г. А. Потёмкина-Таврического о присоединении ногайских орд к Российской империи и проекта их переселения в Тамбовское и Саратовское наместничества и за Урал. Итоговое сражение состоялось в урочище Керменчик и завершилось разгромом восставших. В наши дни 1 октября для ногайцев – День памяти и скорби, поэтому информанты интерпретируют данное историческое событие как «геноцид», «день траура у ногайцев», «уничтожение Суворовым ногайцев», «трагические события 1783 (геноцид ногайцев)». Традиционно Ногайская Орда воспринимается как наследник и преемник части территорий и народов, населявших Золотую Орду, поэтому ее существование также не остается без внимания. Комментарии: «становление Золотой Орды», «правление Золотой Орды». Из событий современной жизни ногайцев для гордости и знаковости приоритетна победа боксера Альберта Батыргазиева, ногайца из Нижневартовска, на Олимпийских играх в Токио летом 2021 г.

Исторические личности, общественные деятели и представители интеллигенции из ногайцев, упомянутые информантами в беседах, позволяют сформировать представление о роли данных персоналий в исторической судьбе и становлении культуры. Названы были беклярбеки Ногай/Нугай и Едигей/Эдиге, «эмир», «полководец», «батыр», которого «должны знать и помнить все дети России», поэт и политик XVI столетия Шал-Кийиз Тиленши улы, просветитель и основатель литературного ногайского языка Абдул-Хамид Джанибеков, художник и хореограф Сраждин Батыров, поэты и прозаики Кадрия Темирбулатова и Анварбек Култаев, музыкант Арсланбек Султанбеков. В числе перечисленного есть и критическое замечание: «Отмечу также основного виновника краха ногайской государственности – бия Ногайской Орды, а потом после развала и Большой Ногайской Орды – Исмаила. Он купленный за деньги символ предательства, о котором всегда должны знать в наиздавание. Он не прощенный. Все остальные социальные беды были следствием этой отравной точки» (ПМА). Речь о политическом курсе в период правления бия Большой Ногайской Орды Исмаила.

Традиционная культура поддерживается через систему праздников – Курман Байрам, Ораза Байрам, Навруз Байрам, а также посещение мечети или совершение молитв в профанном пространстве. Религиозные праздники Курман Байрам и Ораза Байрам

выделяют в самостоятельную категорию, но акцентируется внимание и на праздничных действиях из доисламской культуры ногайцев – празднике в честь наступления весны *Навруз Байраме*.

Повседневность ногайской семьи неотрывна от народной культуры даже в городском пространстве, будучи разделенной от родных мест тысячами километров. Маркерами, демонстрирующими данный сюжет, можно считать традиции питания, интерьер, бытование языка на внутрисемейном уровне: *«Конечно же, мы разговариваем дома на родном языке, наши национальные блюда, а из интерьера, конечно же, наши паласы, ковры и кошмы (кийиз. – В. М.)»*. В домашних условиях этничность также маркируют *Коран*, музыкальный инструмент *домбра*, передающиеся из поколения в поколение женские серебряные украшения, плетъ *камча/камшы*. Языковой дискурс уже отмечен, но стоит повторить и процитировать информанта: *«Родной язык и русский язык идут в быту 50 на 50 в соотношении. Так как в целом сам регион именно русскоговорящий (Югра. – В. М.), то ногайцы быстро приобщаются к русскому языку как к одному из постоянных в обиходе»* (ПМА).

«Национальные блюда – обязательная часть меню», среди них наиболее востребованы блюдо из мелконарезанного теста, сваренного на мясном бульоне *инькал*, мясо-мучное блюдо *бесбармак*, сырный суп *быламык*, хлеб *оьтпек/калакай*, изделия из пресного теста *катлама* и кислого – *бавырсак*, соленый сыр *пыслак*, жареное просо со сметаной и медом *соьк* и, конечно же, знаменитый чай *ногай шай*. *«Традиционно гостям готовят хинкал, а по утрам на завтрак пьют ногайский чай и готовят бавырсаки»* (ПМА). Как видим, комбинация этнически маркирующих форм культуры у ногайцев стабильна и вполне приемлема для изучения процессов этнокультурной вариативности и сопутствующей трансформации среди других этнических сообществ.

Единство с исторической родиной и одновременно ностальгия у ногайцев выражается благодаря ассоциациям, иллюстрирующим ответы на вопрос: *«Что для Вас лично значит “степь”? Что вкладываете Вы в это слово?»*, каждый ответ имеет богатый семантический подтекст.

«Степь – Родина», «Степь – это дом, то место, куда каждый ногаец должен вернуться, независимо от того, где он находится, как делали это наши предки, когда вели кочевой образ жизни. В данном случае это – возвращение домой во время отпуска», «Простор, родная колыбель, где всегда ждут», «Степь – это родные места, это ощущение свободы и боль за свой народ», «Я родом из степи, с этим словом очень много воспоминаний», «Глоток чистой свободы», «Степь – это корни, которые с тобой навсегда, это внутреннее состояние души», «Степь – синоним матери» (ПМА).

Кроме того, понятие Родины во всем своем многогранном значении ногайцами главным образом связывается с местом рождения, пространством, знакомым человеку с первых дней жизни: *«Малая Родина – всегда есть в сознании, в сердце, душе», «Ногайцы очень любят свою Родину, степь, и сколько бы ни жили в больших городах, сколько бы ни было комфорта, они рано или поздно возвращаются домой»* (ПМА).

«Все отпуска и поездки домой – это всегда знаковое событие» (вместо заключения)

Таким образом, ногайские идентичности, выраженные этничностью и конфессиональной принадлежностью, не просто стабильны, а приоритетны для представителей данной этнической группы проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Этничность в сознании ногайцев, даже удаленных за пределы территории своего исторического

расселения, безусловно, первостепенна. Выражено это и чувством сопричастности со всеми ногайцами, своеобразным «ногайским миром», независимо от места проживания, языка, локальной вариативности, и существованием единой «ногайской» идентичности, и ожиданием, подкрепляемым надеждой на обретение собственного субъекта территории в России.

Территориальная идентичность и сопричастная с ней региональная и локальная не менее устойчивы, установлена и непоколебима скрепа между местом реального на сегодняшний день проживания индивидуумов и их малой родины. Но параллельно и Югра не является чуждым регионом, воспринимаемым исключительно как возможность для заработка, несмотря на то, что это один из первостепенных мотивов переезда на Север. Присутствует тенденция к стремлению обозначить собственное «Я» за пределами сообщества соотечественников. Июнь 2022 г. стал знаковым событием для активистов объединения «Союз ногайской молодежи», впервые участвовавших в фестивале национальных культур города Сургута «Соцветие». Интерпретация сего – внимание к ногайскому народу, его истории и культуре других этнических групп города и округа.

Проблемным вопросом для ногайцев является современная ситуация и положение родного языка, поскольку свою позицию они выражают в контексте примордиализма, а на практике уже осуществились и динамично протекают процессы, соответствующие концепту конструктивизма. De facto идентичности ногайцев в условиях поликультурного пространства северных городов Югры позволяют сохранять и демонстрировать самосознание и принадлежность к конкретной этнической группе. Трансформационные процессы, безусловно, протекают и являются следствием культурного и языкового взаимодействия с «соседями» – представителями других народов, но этничность, самосознание и самоидентификация себя частью «ногайского мира» регулярно подпитываются новым притоком приезжающих на работу ногайцев и неразрывной связью с малой родиной.

Список сокращений:

ПМА – Полевые материалы автора. Сбор сведений и общение с информантами происходило в Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске и Фёдоровском Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2020 и 2022 гг.

Литература:

Атнагулов И. Р. Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков: становление и трансформация идентичностей. Челябинск: АБРИС, 2018. 432 с.

В Сургутском районе турнир по футболу собрал 17 коллективов со всего округа // <https://sitv.ru/arhiv/news/v-surgutskom-raione-turnir-po-futbolu-sobral-17-kollektivov-so-vsego-okruga/> (дата обращения 23.08.2022).

В Сургутском районе подвели итоги конкурса «Мир народных традиций» // <https://vestniksr.ru/news/53364-v-surgutskom-raione-podveli-itogi-konkursa-mir-narodnyh-tradicii.html> (дата обращения 24.08.2022).

Всесоюзная перепись населения 1970 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=65 (дата обращения 20.08.2022).

Всесоюзная перепись населения 1979 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=65 (дата обращения 23.08.2022).

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=65 (дата обращения 25.08.2022).

Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=62 (дата обращения 25.08.2022).

Ерохина Е. А. Северный «номадизм»: мобильность этнических групп коренного и некоренного населения в практиках пространственного освоения Сибири (на примере Сургутского района ХМАО – Югры) // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 66–76.

Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: Стат. сб. в 11 частях. Ч. III. Национальный состав населения в Тюменской области. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. 2005. 427 с.

- Итоги Всероссийской переписи населения** – 2010: Стат. сб. в 10 частях. Ч 3. Т. 2. Национальный состав и гражданство населения в Тюменской области. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Ямало-Ненецкий автономный округ. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2013. 238 с.
- Казенин К. И., Идрисов Э. Ш., Имашева М. М.** Влияние миграции на рождаемость: случай переселения ногойцев из Республики Дагестан // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 2 (87). С. 75–88.
- Капустина Е. Л.** Собственность на Север: мигранты из Дагестана и освоение городского пространства в Западной Сибири (на примере ситуации в г. Сургут) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. Т. 17. № 5. С. 158–176.
- Капустина Е. Л.** Пищевые трансферты в жизни мигранта: специфика миграции между Дагестаном и городами Западной Сибири // *Кунсткамера*. 2020. № 2 (8). С. 191–200.
- Медведев В. В.** Автомобиль как маркер идентичности: исторические аспекты // *Известия Алтайского гос. ун-та*. 2019. № 6 (110). С. 67–74.
- Медведев В. В.** Ногойцы Сургута: этничность в пространстве северного города // *Вестник Таджикского национального ун-та*. 2020. № 7. С. 21–29.
- Ногойцы** из Фёдоровского проводят ночные рейды по «чёрным» аптекам // <https://sitv.ru/arhiv/news/nogajczy-iz-fedorovskogo-provodyat-nochnye-rejdy-po-chernym-aptekam/> (дата обращения 23.08.2022).
- Ногойский фестиваль** собрал в Сургутском районе гостей со всей России // <https://vestniksr.ru/news/43881-nogaiskii-festival-sobral-v-surgutskom-raione-gostei-so-vsei-rossii.html> (дата обращения 25.08.2022).
- Салмин А. К.** Академические исследования этнической самобытности чувашского народа. СПб.: Нестор-История, 2022. 332 с.
- Социокультурная антропология.** История, теория и методология. Энциклопедический словарь. М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. 1000 с.
- Фукуяма Ф.** Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
- Ярлыкапов А. А.** Миграция ногойцев на Север: постановка проблемы // *Диаспоры*. 2005. № 4. С. 220–228.
- Ярлыкапов А. А.** Нефть и миграция ногойцев на Север // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 3. С. 78–81.
- Ярлыкапов А. А.** Российский Север в судьбах ногойцев: постановка проблемы // *Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН)*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. С. 127–137.

Медведев Владислав Валентинович.

Кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник центра этноистории.

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

Ул. С. Ковалевской, 16, г. Екатеринбург, 620108.

Доцент кафедры социально-гуманитарного образования.

Сургутский государственный педагогический университет.

Ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, г. Сургут, 628400.

E-mail: vlad.etno@mail.ru.

Материал поступил в редакцию 4 сентября 2022 г.

V. V. Medvedev

ON IDENTIFICATION OF THE NOGAIS

The identification, self-identification and related issues represent the actual and demanded subjects of attention of modern humanitarian knowledge. The purpose of this study is to determine and analyze the identity discourses among the Nogais, an ethnic group in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug of Russia. The concept of "discourse" in this context refers to the reasoning and identification processes occurring among the Nogais, and their self-awareness in action. The research was conducted using semi-formalized interviews and observations, with the aim of understanding the informants and providing an objective interpretation of their opinions. The findings reveal the full range of Nogai identities and their brief historical and cultural characteristics, including issues related to migration, population dynamics, and everyday life. The language situation among the Nogais is complex, but this is a natural process. It is concluded that the Nogai identity categories are stable. This research is valuable because it shows how language does not dominate self-awareness and identification with the Nogai ethnic group. The study's approach is based on theoretical propositions of primordialism and constructivism.

Overall, this research adds to the understanding of identity and self-identification among the Nogais, and has implications for the broader field of modern humanitarian knowledge, including anthropology, ethnology, sociology, and philosophy.

Keywords: *Nogais, Ugra, identity, ethnicity, population and settlement, space, northern city.*

References:

- Atnagulov I. R.** Etnicheskaya istoriya nagajbakov v XVIII – nachale XXI vekov: stanovlenie i transformaciya identichnostej [Ethnic history of the Nagaybaks in the XVIII – early XXI centuries: formation and transformation of identities]. Chelyabinsk, 2018. 432 p. (In Russian).
- V Surgutskom rajone** turnir po futbolu sobral 17 kollektivov so vsego okruga [In the Surgut region, the football tournament brought together 17 teams from all over the district] // <https://sitv.ru/arhiv/news/v-surgutskom-rajone-turnir-po-futbolu-sobral-17-kollektivov-so-vsego-okruga/> (Accessed 23.08.2022) (In Russian).
- V Surgutskom rajone** podveli itogi konkursa «Mir narodnyh tradicij» [The results of the competition «World of Folk Traditions» were summed up in the Surgut region] // <https://vestniksr.ru/news/53364-v-surgutskom-raione-podveli-itogi-konkursa-mir-narodnyh-tradicij.html> (Accessed 24.08.2022) (In Russian).
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1970 goda.** Gorodskoe i sel'skoe naselenie oblastej i krayov RSFSR po polu i nacional'nosti [All-Union population census of 1970. Urban and rural population of regions and territories of the RSFSR by sex and nationality] // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=65 (Accessed 20.08.2022) (In Russian).
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1979 goda.** Gorodskoe i sel'skoe naselenie oblastej i krayov RSFSR po polu i nacional'nosti [All-Union population census of 1979. Urban and rural population of regions and territories of the RSFSR by sex and nationality] // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=65 (Accessed 23.08.2022) (In Russian).
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda.** Raspredelenie gorodskogo i sel'skogo naseleniya oblastej i krayov RSFSR po polu i nacional'nosti [All-Union population census of 1989. Distribution of the urban and rural population of regions and territories of the RSFSR by sex and nationality] // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=65 (Accessed 25.08.2022) (In Russian).
- Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 g.** Naselenie po nacional'nosti, polu i sub'ektam Rossijskoj Federacii [All-Russian Population Census 2010. Population by nationality, gender and constituent entities of the Russian Federation] // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=62 (Accessed 25.08.2022) (In Russian).
- Erohinina E. A.** Severnyj «nomadizm»: mobil'nost' etnicheskikh grupp koren'nogo i nekoren'nogo naseleniya v praktikah prostranstvennogo osvoeniya Sibiri (na primere Surgutskogo rajona HMAO–YUgry) [Northern «nomadism»: the mobility of ethnic groups of the indigenous and non-indigenous population in the practices of spatial development of Siberia (on the example of the Surgut region of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra)]. Novye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva]. 2019. № 3. P. 66–76. (In Russian).
- Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya – 2002:** Stat. sb. v XI-ti chastyah. CH. III. Nacional'nyj sostav naseleniya v Tyumenskoj oblasti [Results of the All-Russian population census – 2002: Stat. Sat. in XI parts. Part III. The national composition of the population in the Tyumen region]. Tyumen, 2005. 427 p. (In Russian).
- Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya – 2010:** Stat. sb. v 10-ti chastyah. CH 3. T. 2. Nacional'nyj sostav i grazhdanstvo naseleniya v Tyumenskoj oblasti. Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug – YUgra. YAmalo-Neneckij avtonomnyj okrug [Results of the All-Russian population census – 2010: Stat. Sat. in 10 parts. Part 3. Vol. 2. Ethnic composition and citizenship of the population in the Tyumen region. Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. Tyumen, 2013. 238 p. (In Russian).
- Kazenin K. I., Idrisov E. SH., Imasheva M. M.** Vliyanie migracii na rozhdaemost': sluchaj pereseleniya nogajcev iz Respubliki Dagestan [The impact of migration on fertility: the case of resettlement of Nogais from the Republic of Dagestan]. Zhenshchina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian society]. 2018. № 2 (87). P. 75–88. (In Russian).
- Kapustina E. L.** Sobstvennost' na Sever: migranty iz Dagestana i osvoenie gorodskogo prostranstva v Zapadnoj Sibiri (na primere situacii v g. Surgut) [Ownership of the North: migrants from Dagestan and the development of urban space in Western Siberia (on the example of the situation in the city of Surgut)]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2014. T. 17. № 5. P. 158–176. (In Russian).
- Kapustina E. L.** Pishchevyje transferty v zhizni migranta: specifika migracii mezhdru Dagestanom i gorodami Zapadnoj Sibiri [Food transfers in the life of a migrant: the specifics of migration between Dagestan and the cities of Western Siberia]. Kunstkamera [Kunstkamera]. 2020. № 2 (8). P. 191–200. (In Russian).

Medvedev V. V. Avtomobil' kak marker identichnosti: istoricheskie aspekty [Car as a marker of identity: historical aspects]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Altai State University]. 2019. № 6 (110). P. 67–74. (In Russian).

Medvedev V. V. Nogajcy Surguta: etnichnost' v prostranstve severnogo goroda [Nogais of Surgut: ethnicity in the space of the northern city]. Vestnik Tadzhijskogo nacional'nogo universiteta [Bulletin of the Tajik National University]. 2020. № 7. P. 21–29. (In Russian).

Nogajcy iz Fyodorovskogo provodyat nochnye rejdy po «chyornym» aptekam [Nogais from Fedorovsky conduct night raids on «black» pharmacies] // <https://sitv.ru/arhiv/news/nogajczy-iz-fedorovskogo-provodyat-nochnye-rejdy-po-chernym-aptekam/> (Accessed 08/23/2022). (In Russian).

Nogajskij festival' sobral v Surgutskom rajone gostej so vsej Rossii [The Nogai festival gathered guests from all over Russia in the Surgut region] // <https://vestniksr.ru/news/43881-nogajskii-festival-sobral-v-surgutskom-raione-gostei-so-vsei-rossii.html> (accessed 25.08. 2022). (In Russian).

Salmin A. K. Akademicheskie issledovaniya etnicheskoj samobytnosti chuvashskogo Naroda [Academic research of the ethnic identity of the Chuvash people]. St. Petersburg, 2022. 332 p. (In Russian).

Sociokul'turnaya antropologiya. Istoriya, teoriya i metodologiya. Enciklopedicheskij slovar' [Sociocultural anthropology. History, theory and methodology. Encyclopedic Dictionary]. M.; Kirov, 2012. 1000 p. (In Russian)

Fukuyama, F. Identichnost': stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya [Identity: the desire for recognition and the politics of rejection]. Moscow, 2019. 256 p. (In Russian).

YArlykapov A. A. Migraciya nogajcev na Sever: postanovka problem [Migration of the Nogais to the North: Statement of the Problem]. Diaspory [Diaspora]. 2005. № 4. P. 220–228. (In Russian).

YArlykapov A. A. Neft' i migraciya nogajcev na Sever [Oil and Nogai migration to the North]. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. 2008. № 3. P. 78–81. (In Russian).

YArlykapov A. A. Rossijskij Sever v sud'bah nogajcev: postanovka problem [The Russian North in the fate of the Nogais: a statement of the problem]. Etnokul'turnye landshafty na postsovetском prostranstve: problemy i osobennosti formirovaniya dagestanskogo komponenta (k 90-letiyu IIAE DNC RAN) [Ethnocultural landscapes in the post-Soviet space: problems and features of the formation of the Dagestan component (to the 90th anniversary of the IIAE DSC RAS)]. Makhachkala, 2014, P.127–137. (In Russian).

Medvedev Vladislav Valentinovich.

Candidate of historical sciences, associate professor, research fellow center for ethnohistory.

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS.

S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.

Associate professor of Social and Humanities Study Department.

Surgut State Pedagogical University.

50 years of VLKSM st., 10/2, Surgut, Russia, 628400.

E-mail: vlad.etno@mail.ru.

К. А. Сагалаев

РИТУАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ МУХОМОРОВ У СОВРЕМЕННЫХ КОРЯКОВ

Исследуется современное состояние ритуального употребления мухоморов – одной из обрядовых традиций коряков. Дается историографический обзор литературы на данную тему, начиная с материалов II Камчатской экспедиции (1733–1743), рассматриваются наскальные рисунки на берегах реки Пегтымель (Чукотка) в контексте употребления мухоморов. Показано место мухоморов и грибов вообще в культурах народов Сибири и Дальнего Востока. Анализируются основные ситуации – как сакральные, так и профанные, в которых употребляются мухоморы: это и обрядовые праздники, и трудное жизненное положение, в котором мухомор может подсказать решение, и предстоящая тяжелая работа, и необходимость «пообщаться» с умершими родственниками, и просто желание испытать наркотическое опьянение. Описывается обряд ритуального употребления мухоморов, зафиксированный автором статьи в Олюторском районе Корякского АО в ходе экспедиции 2004 г. Рассматриваются правила и запреты, связанные с ритуалом, допустимое количество грибов для приема за один раз, способы сбора и употребления мухоморов в сопоставлении с опубликованными в литературе данными. Приводятся записанные от информантов тексты, касающиеся ситуаций, связанных с употреблением мухоморов, их рассказы о собственном опыте и случаях с их знакомыми и родственниками. Описываются записанные после употребления мухоморов фольклорные тексты – так называемые мухоморные песни и мухоморные сказки. Делается вывод о двух параллельно существующих в настоящее время традициях употребления мухоморов на Камчатке – сакральной и ритуализованной, с одной стороны, и бытовой наркомании (в основном в городе) – с другой. Первая традиция представляется существующей в живом бытовании, хотя и подвергающейся естественной трансформации. Статья вводит в научный оборот обширный новый полевой материал и может быть интересна для этнологов и фольклористов.

Ключевые слова: мухоморы, ритуальное употребление, обряд, коряки, современное состояние.

История употребления человеком психоактивных веществ в тех или иных – часто в сакральных – целях насчитывает многие тысячелетия. Это древняя и универсальная традиция. Свидетельством тому являются и петроглифы Пегтымеля на Чукотке, и скульптуры человекоподобных грибов, оставшиеся от древних майя в Центральной Америке, и мифы совершенно разных народов, в которых то или иное растение (или гриб) служит проводником для посвященных при общении с высшими сферами.

Е. П. Батянова и М. М. Бронштейн в статье «Мухомор в быту, верованиях, обрядах, искусстве народов Севера» приводят мнение эстонской исследовательницы Марет Саар, выделявшей два больших региона, население которых с различными целями употребляет мухоморы, – это, во-первых, север Западной Сибири и Таймыр и, во-вторых, крайний северо-восток Евразии. Причем если в первой модели использования мухомора употребляли его в основном шаманы, то во второй такого ограничения не было (Батянова, Бронштейн, 2016: 47).

Уже упомянутые выше петроглифы на чукотской реке Пегтымель в силу относительной географической близости к рассматриваемому региону – северу Камчатки – заслуживают того, чтобы сказать о них чуть подробнее. Самые северные в Азии наскальные рисунки были обнаружены в 1965 г. и впервые исследованы в 1967 г., датированы они были периодом с I тысячелетия до н. э. по конец I тысячелетия н. э. Особое внимание археологов привлекли антропоморфные изображения, «почему-то осененные огромными грибами (...) Эти чудовищные грибы имеют, очевидно, свой особый, самостоятельный смысл и связаны с человеческой фигурой только условно и в некотором роде символически» (Диков, 1971: 23). На некоторых рисунках антропоморфная фигура с грибом сверху явно держит за руку фигуру человека, словно уводя его куда-то. Интерпретируя подобные изображения (всего их 34) Н. Н. Диков ссылается на записанные В.Г. Богоразом от чукчей сведения о взаимоотношениях последних с мухоморами: они «являются к пьяным людям в странной человекоподобной форме. Это не духи, это именно мухоморы как таковые (...) Мухоморы берут человека за руки и уводят его на тот свет, показывают ему все, что там есть, проделывают с ним самые

невероятные вещи» (там же: 26). Одно из возможных толкований этих «грибных» петроглифов, по мнению Дикова, заключается как раз в том, что «перед нами подлинные, дошедшие из глубины веков картины, рисующие увод мухоморами живых людей к “верхним людям”» (там же).

Не являясь ни растениями, ни животными, занимая особое место в окружающем человека живом мире, грибы получили отдельный статус и в традиционных культурах. Как в Западной и Восточной Сибири, так и на Дальнем Востоке носители самых разных культур видели в мухоморах (да и в грибах вообще) фантастических существ, напрямую связанных с другими мирами и наделенных сакральным знанием: «у нивхов существует поверье, что на таежных тропах можно встретить мухоморов в облике людей. В соответствии с мифом коряков мухомор в прошлом был женщиной, которую обидел муж, после чего она, превратившись в гриб, ушла под землю вместе со своими детьми. Кетская легенда объясняет грибы как захиревшие в лесу фаллосы» (Дэвлет, 2007: 44).

Народы, населяющие северо-восток Евразии, в том числе чукчи и коряки, сохранили и до настоящего времени традицию употребления мухоморов как в сакральных, ритуальных, так и просто в бытовых ситуациях. Первые сведения об этом были записаны участниками II Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.). По свидетельству адъютанта АН Г. В. Стеллера, «из грибов в большом и особом почете ядовитый мухомор, по-ительменски – “гхугакоп”. Вокруг русских острогов это, правда, давно уже оставлено, зато тем более распространено по Тигилю и в стороне корякских пределов. Туземцы сушат эти грибы, поедают их, не пережевывая, и запивают их значительной порцией холодной воды. Уже через полчаса после этого они впадают в дикое опьянение и им мерещатся самые причудливые вещи» (Стеллер, 1999: 68). Участник той же экспедиции переводчик Я. И. Линденау разделяет сакральную и профанную практики употребления мухоморов камчатскими аборигенами: «Некоторые шаманы, наевшись мухомора – Warach, начинают предсказывать будущее. Другие едят его потому, что от этого пьянеют» (Линденау, 1983: 124). Он же приводит сведения об экономической составляющей такого употребления: «Мухомор у коряков – угощение богачей, бедные же довольствуются мочой последних; когда такой опьяневший от мухомора мочится, то к нему сбегаются многие и, выпив его мочи, пьянеют еще больше, чем сам наевшийся мухоморов» (там же: 125).

Одной из целей ритуального употребления мухоморов является получение важной информации – как найти дорогу в стойбище, где находятся потерявшиеся олени и т. д. Мухомор может дать совет в трудной ситуации, излечить от болезни – по сути, выполняя те же функции, что и шаман. Приведем несколько текстов, записанных в ходе экспедиции в Олюторский район Корякского автономного округа, проведенной в 2004 г. Институтом филологии СО РАН, участие в которой принимал и автор настоящей статьи¹.

Стоит копьё сколько лет – настоящее копьё. Не ржавеет, светится. Техника там ломается. Его обходят стороной.

Вопрос: *неизвестно, чье копьё?*

Может, и знают, но молчат, единственный, кто может сказать, – это мухомор. Там рядом надо... Кто мухоморит, тому могут сказать. Сколько случаев было... Один парень потерял карабин, и ему говорят: да съешь ты мухомор, он тебе покажет. Я говорю: ну что? Он говорит: я съел мухомор, и раз – мои следы появляются, ну как фосфорят. И он пошел, пошел, пошел – и прямо к карабину подошел. И дед у нас один... Пойдем, говорит, сходим,

¹ Публикуемые тексты записаны к.иск., в.н.с. Института филологии СО РАН Г. Е. Солдатовой; расшифровка наша. Материалы хранятся в архиве сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН.

я знаю, где тут оружие лежит закопанное. А некогда нам – то рыбалка, то ягода. Он говорит: ладно, я уйду, возьмете мухомор. Не знаете, в каком месте – он вам скажет^{2, 3}.

Под воздействием мухоморов правильно принявший их человек узнает вещи, которые, казалось бы, знать не мог никак, приехав издалека и будучи в данном месте впервые. Мухомор скажет ему, где здесь находится то или иное сакральное место, какой обряд нужно там провести, чтобы устранить конкретную проблему в жизни.

Где зеленый холм, там раньше сенокос был, сенокос милиции. И они съели мухоморы. Один был русский, а второй наш, местный. И он мне рассказывает: произошел случай там. Они съели два мухомора, то есть по мухомору съели, на пробу. И он сидит в будке, а того мухомор, видно, «взял». Потому что не всем удастся... Мне надо будет об этом еще рассказать. И он заходит, Говорит: «Кто тут? Коряки есть?» Ему Сережка говорит: «Я, – говорит, – коряк». – «Пошли». А луна, говорит, полная светит.

А Сереже жутко, он с похмелья. Они же в тундру приезжают, как правило, водки попить, а потом уже работать. Идут, идут... И вдруг он раз – так останавливается, как будто стена такая стеклянная. «Мне дальше нельзя» – говорит. Сережа говорит – я переступил, ничего не понял. Говорит: луна светит, у него волосы шевелятся – мне так жутко стало. И он начал перечислять: все имена, фамилии – всех, кто тут жил, русский-то. И говорит: вот надо вам, как говорится, что-то сделать там⁴.

Вообще мухомор – он не всем дается, но он очень многое может рассказать. Здесь я попробовал однажды – женщина одна приехала со Слаутного, мы вдвоем съели и она мне рассказала, что у меня было – даже то, что вообще никто не знал. И что будет... Все сошлось. Абсолютно. До копейки, как говорится. Что я буду в администрации работать...⁵

Упомянутая информантом полная луна, по его словам, – необязательное, но желательное условие для правильного общения с мухоморными духами. Впрочем, других упоминаний об этом в литературе нами не обнаружено; однако сведения о шаманских камланиях у коряков именно в полнолуние описаны: «Играющие на бубне были очень сильными людьми, они были предсказателями. Отец лечил людей бубном. У нас бубен – это сила. И вот отец в полнолуние начинал играть на бубне с вечера до утра» (Мальцева, 2019: 108).

Там, видите ли, дело в том, что [петь] надо, когда съешь мухомор, потом – когда луна, тут все в кучку получается. И смотря с кем – там очень много [условий].

Вопрос: А какая луна должна быть?

В основном когда полная. Почему? Тут, видимо, при полной луне это самое... Вот съела она когда мухомор, когда рассказала, что у меня будет, и я ее спросил: где священный камень? А я знаю, что она не знает, она со Слаутного, это Пенжинский район. Она говорит: вон там. В том направлении. Точное направление не знаю, но – вон там. Я говорю – да, там священный камень в Култушном у нас. И говорит: а знаете, почему у вас рыбы нет? Я говорю – а в чем дело? Она говорит – потому что вы не ложите инэлвэт⁶ – кусочек

² К. Е., с. Култушное, запись 06.08. 2004 г.

³ Здесь и далее: по этическим и иным соображениям мы не публикуем имена, фамилии и отчества информантов. Ограничимся инициалами.

⁴ Т. е. провести обряд.

⁵ К. Е., с. Култушное, запись 06.08. 2004 г.

⁶ Инэлвэт (так произносят коряки-чавчулены, у коряков-нымылан произносится иналвэт) – бескровное жертвоприношение, угощение духов-хозяев местности. В качестве подарка духам использовали шерсть животных и жир – олений (у чавчуленов) либо морского зверя (у нымылан). Такое угощение должно было обеспечить успех

шерсти заячьей, кусочек жира пертичьего. Я на следующий день сразу побегал и прихватил кусочек хвостика от рыбки. И кижуч как пошел! Я не знаю, может быть, просто сошлось... Но кижуч... Ну никогда такого не было! И вот мы сейчас постоянно ходим на этот священный камень. Мы уже знаем точно, что это священный камень⁷.

Мухомор может предупредить человека о приближающейся беде; так, по рассказам одного из информантов, мухоморы сказали ему, что скоро будет землетрясение и цунами. Это и случилось в том же 2004 г. (правда, не на Камчатке, а в Юго-Восточной Азии). О землетрясении 2006 г. мухоморы также предупреждали тех, кто входил с ними в контакт: «апрельское землетрясение я предчувствовала еще в феврале, когда был праздник в Сосновке. Нас пригласили тогда на праздник на ительменское стойбище. А я была тогда под мухомором, поела мухомора. И вот зал там большой: столы накрыты, и нас пригласили к столу. Я сижу. И кто-то попросил меня спеть. Я запела. И запела древнюю-древнюю песню. Я ее вспоминаю, если играю на бубне в состоянии транса. Я запела эту песню и вижу – земля корёжится, земля раскрывается, эти щели большие извиваются, все падает, гремит, и все в огне» (там же: 154).

Иногда мухомор используется и как «средство связи» между ныне живущими родственниками или знакомыми. Одна из информанток рассказала, что однажды на рыбацкой стоянке они вдвоем с хозяйкой съели мухоморы и стали петь и танцевать. В это же время их общая знакомая в поселке тоже съела мухомор, села смотреть телевизор и по телевизору видела, как они там танцуют и поют⁸.

Мухомор употребляют и в целях сугубо практических, когда предстоит тяжелая физическая работа или длинный пеший переход, требующий большой выносливости: «для поднятия жизненного тонуса, отправляясь в длительный пеший переход, “перед тем, как идти в тундру за ягодой или дрова собирать”, “чтобы легче было работать”. Пастухи-оленоводы употребляют мухомор для того, “чтобы быстрее бегать за оленями”» (Батьянова, Бронштейн, 2016: 48).

Употребление мухоморов еще до недавнего времени являлось неременной частью традиционных календарных праздников – например, праздника Коянайтатык, устраиваемого после возвращения оленьих стад с летних пастбищ. При этом угощались не только участники обряда: свою долю (уже после забоя) «получал» и жертвенный олень: «В яранге голову оленя с рогами, шкурой и огнивыми досками подтаскивали ближе к очагу. К рогам привязывали связку мухоморов, так как “олень любит мухоморы”. Пока он находился в жилище, с ним обращались как с живым. После употребления мухоморов у “оленя” появлялась сонливость» (Горбачева, 2004: 45).

В качестве иллюстрации приведем описание обряда употребления мухоморов, записанного нами на рыбацкой стоянке неподалеку от с. Вывенка Олюторского р-на Корякского АО в августе 2004 г. Главным действующим лицом была известная далеко за пределами своего села знаток алыторского языка⁹, фольклора и культуры в целом ныне уже покойная Д. М. (1918 г. р.). Компанию ей составила врач из поселка В., специально для этого приехавшая вместе с нами, и молодой коряк Р., для которого это был первый такой опыт. Но поскольку, по словам Д. М., количество участников обязательно должно было быть четным, одному из участников экспедиции было предложено занять свободное место и «стать четвертым». Как объяснили информанты, в одиночку есть мухоморы нельзя – иначе можно не вернуться

в планируемых делах – промысле, дороге и т.д. В словаре Ю. Нагаймы слово *иналвэт* переведено как «дар духам» (Нымыланско-русский словарь, 2017: 93).

⁷ К. Е., с. Култушное, запись 06.08. 2004 г.

⁸ В., с. Вывенка, запись 16.08. 2004.

⁹ Термин «алюторский язык» появился после выхода статьи П. Я. Скорика (Скорик, 1958), прежде этот язык рассматривался как диалект корякского языка. Сам термин происходит от названия бывшего села *Алют* (рус. Олюторское, Олюторка). Именно в русской огласовке название сохранилось в топонимах (Олюторский район, Олюторский залив).

назад, поэтому нужен опытный проводник. Но сам этот опытный человек может употреблять мухоморы и без «попутчиков».

По поводу количества съедаемых за один раз мухоморов в литературе можно встретить разные сведения. По наблюдениям С. П. Крашенинникова, умеренным считалось потребление максимум четырех грибов, а «для пьянства» съедали около десяти мухоморов (Элерт, 2007: 118). В. И. Иохельсон сообщает, что «можно съесть от трех до десяти сушеных грибов, не подвергаясь смертельной опасности. Есть люди, которым достаточно трех грибов для опьянения. Случаи смерти редки» (Иохельсон, 1997: 114). По данным Е. П. Батьяновой и М. М. Бронштейна, «принимать обязательно надо нечетное число мухоморов – 3, 5, 7, 9 – “чтобы один был без пары”» (Батьянова, Бронштейн, 2016: 51). Об обязательно нечетном количестве грибов упоминает и В. В. Горбачева: «Количество принятых одновременно грибов зависело от организма человека: 5–7 – для сильного человека, 3–5 – для слабого, 1 – для совсем слабого. Во всех случаях число их – нечетное, хотя, кроме принятого нечетного количества мухоморов, последним все равно принимали еще один гриб – «для приземления», как говорили информанты, то есть для «возвращения на землю», чтобы ноги ходили» (Горбачева, 2004: 45). Одной из наших информанток пять съеденных грибов оказалось много: *«Я дома кушаю два – и третья половинка. Они говорят: ты попробуй пять штук – и я уснула. Но я помню хорошо, они мне говорят: возьми бубен. Я говорю – я в бубен хорошо играю, а вот песню я не могу вспомнить. А какую же ты песню умеешь петь? А я не знаю. Я встала и: “Калинка, калинка, калинка моя...” А где это я взяла? А потом старухи говорят: внучки же собирали, видимо, эту песню и пели. Вот эту песню я первый раз и спела, я хорошо помню»*¹⁰. В приводимом нами обряде такой четкой установки не было, хотя принимавшим мухомор впервые было сказано: «Пока трех хватит, а там видно будет».

Существует масса запретов для участников обряда: нельзя далеко отходить от места употребления – можно заблудиться в тундре и не найти обратную дорогу; прежде чем начать есть мухоморы, убирают ножи и вообще все острые предметы, так как мухомор (а вслед за ним и человек) может повести себя непредсказуемо. Нельзя совмещать алкоголь и мухоморы: либо одно, либо другое: «мухоморы вино не любят».

Можно есть только весь гриб целиком: если съесть только ножку или только шляпку, то съевшему будет казаться, что у него нет ног либо головы. Способ употребления может быть различным: допускается покрошить гриб ножом и съесть по кусочкам, но можно и откусывать кусочки от целого мухомора. Употребление мухомора с поврежденной ножкой ничего хорошего не сулит: «тот, что съедал шляпку или гриб с поврежденной ножкой, не только ощущал головную боль, но и слабость в ногах или того хуже... Тогда осложнялось и само “возвращение из путешествия”» (там же). Е. П. Батьянова и М. М. Бронштейн приводят такие сведения о табу в обращении с мухомором: «запрещалось срезать мухомор ножом, переворачивать вниз головой, разрушать грибницу, рвать слишком маленькие грибы. При сушении мухомора нельзя нанизывать его на нитку, прокалывая иглой» (Батьянова, Бронштейн, 2016: 51). Это вполне коррелирует и с нашими полевыми материалами: *«Когда выкапывают, там земля остается, ее тоже нельзя выбрасывать. Какая-то связь есть с землей, остается с мухомором. Поэтому... некоторые очищают или режут – сколько случаев было: обрежут как грибы – и кто съест – у него такое чувство, как будто он без ног ходит, обрезанный. Или вверх ногами повесят этот мухомор, и кто скушает, он всю ночь может ходить вверх ногами. И этих случаев было очень много»*¹¹. Как объяснили информанты, обязательное условие – запивать гриб теплым чаем.

Чтобы ускорить наступление наркотического воздействия, нужно повторять про себя: «Я намухоморился, я намухоморился» – своего рода «аутотренинг». В то же время формула

¹⁰ В. Р., с. Хаилино, запись 16.08. 2004 г.

¹¹ К. Е., с. Култушное, запись 06.08. 2004 г.

эта амбивалентна – эту же фразу повторяют и для того, чтобы выйти из «того» мира и вернуться в этот. Когда мухоморы употребляют несколько человек, бывает так, что мухоморные духи приходят к самому опытному, «сильному» с этой точки зрения человеку. Так было и в нашем случае: более «продвинутые» в этом деле женщины пели мухоморные песни и танцевали, на долю мужчин достались менее явные ощущения.

Песни и сказки, исполняемые под воздействием мухоморов, рядом исследователей выделяются в самостоятельную категорию «мухоморных песен» и «мухоморных сказок» (И. А. Бродский, Ю. И. Шейкин). Они носят в большой степени импровизационный характер («что вижу, о том и пою»). Женщинами были исполнены мухоморные песни и танцы, от Д. М. были записаны еще и несколько мухоморных сказок – их исполнение ей далось уже с трудом, оно сопровождалось долгими паузами, а повествование часто было почти бессвязным.

Отметим, что наряду с ритуальным отношением к мухомору в настоящее время распространено и употребление его на уровне обыкновенной бытовой наркомании – это относится в основном к городской молодежи и русским. В этом случае полностью исчезает сакральное отношение к мухомору и ритуализация его употребления. Пожалуй, можно сказать, что эти два явления существуют параллельно; мухомор как сакральная часть корякской культуры по-прежнему сохраняет свое значение, хотя, конечно, традиция эта претерпевает безусловную и неизбежную трансформацию.

Литература:

- Батьянова Е. П., Бронштейн М. М.** Мухомор в быту, верованиях, обрядах, искусстве народов Севера // Сибирские исторические исследования. 2016. №1. С. 46–58.
- Горбачева В. В.** Обряды и праздники коряков. СПб.: Наука, 2004.
- Диков Н. Н.** Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971, 134 с.
- Дэвлет Е. Г.** Каяки обрыва Кайкуулъ. Петроглифы на скалах Чукотки // Родина. 2007. №3. С. 40–45.
- Иохельсон В. И.** Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997.
- Линденау Я. И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983, 176 с.
- Мальцева А. А.** Голоса корякской культуры: Александра Кергильхот. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2019. 288 с.
- Нымыланско-русский словарь.** Алюторский диалект. Часть 1 / сост. Ю. Нагаяма, В. М. Нутаюлгин, Л. И. Чечулина; ред. Ю. Нагаяма. Саппоро, 2017.
- Скорик П. Я.** К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков // Вопросы языкознания. 1958. № 1. С. 21–35.
- Стеллер Г. В.** Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. 288 с.
- Элерт А. Х.** Алкоголь и галлюциногены в жизни коренных народов Сибири // Наука из первых рук, 2007, №2 (14). С. 106–123.

Сагалаев Константин Андреевич.

Младший научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.

E-mail: bigbeatle@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 7 октября 2022 г.

К. А. Sagalaev

RITUAL USE OF FLY AGARICS BY MODERN KORYAKS

The article discusses the current use of fly agaric mushrooms in rituals among the Koryaks, a native people of the Russian Far East. It provides a review of previous research on the subject, including the Second Kamchatka Expedition (1733–1743) and rock paintings found in the Pegtymel River region of Chukotka. The article also

examines the role of fly agaric and other mushrooms in the cultures of Siberia and the Russian Far East. It describes the main occasions, both sacred and secular, in which fly agaric mushrooms are used, and presents new field material collected by the author during an expedition to the Olyutorsk region of the Koryak Autonomous Area in 2004. This material includes accounts from informants of their own experiences with fly agaric mushrooms and those of their friends and relatives, as well as folklore texts known as “fly agaric songs” and “fly agaric tales” that were recorded after the use of the mushrooms. The author concludes that there are two parallel traditions of fly agaric consumption in Kamchatka – sacral and ritualized on the one hand, and common drug addiction (mostly in the city) on the other hand. The article introduces a vast new field material and may be of interest to ethnologists and folklorists.

Keywords: *fly agarics, ritual use, ritual, the Koryaks, current state.*

References:

- Bat'yanova E. P., Bronshteyn M. M.** Mukhomor v bytu, verovaniyakh, obryadakh, iskusstve narodov Severa [Fly agaric in everyday life, beliefs, rituals, art of the peoples of the North] // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2016. № 1. P. 46–58.
- Gorbacheva V. V.** Obryady i prazdniki koryakov [Rituals and holidays of the Koryaks]. SPb.: Nauka, 2004.
- Dikov N. N.** Naskal'nye zagadki drevney Chukotki. Petroglify Pegtymelya [Rock riddles of ancient Chukotka. Petroglyphs of Pegtymel]. M.: Nauka, 1971, 134 p.
- Devlet E. G.** Kayaki obryva Kaykuul'. Petroglify na skalakh Chukotki [Kayaks of the Kaikuul cliff. Petroglyphs on the rocks of Chukotka] // *Rodina*. 2007. № 3. P. 40–45.
- Iokhel'son V. I.** Koryaki. Material'naya kul'tura i sotsial'naya organizatsiya. [Koryaks. Material culture and social organization]. SPb.: Nauka, 1997.
- Lindenau Ya. I.** Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): Istoriko-etnogr. materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka. [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast] Magadan: Kn. izd-vo, 1983, 176 p.
- Mal'tseva A. A.** Golosa koryakskoy kul'tury: Aleksandra Kergil'khot. [Voices of the Koryak culture: Alexandra Kergil'khot]. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo «Geo», 2019. 288 p.
- Nymylansko-russkiy slovar'.** Alyutorskiy dialekt. Chast' 1 [The Nymylan-Russian dictionary. The Alutorsky dialect. Part 1] / sost. Yu. Nagayama, V.M. Nutayulgin, L. I. Chechulina; red. Yu. Nagayama. Sapporo, 2017.
- Skorik P. Ya.** K voprosu o klassifikatsii chukotsko-kamchatskikh yazykov [On the classification of the Chukchi-Kamchatka languages] // *Voprosy yazykoznaviya*. 1958. № 1. P. 21–35.
- Steller G. V.** Opisanie zemli Kamchatki. [Description of the Kamchatka land]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 1999. 288 p.
- Elert A. Kh.** Alkogol' i gallyutsinogeny v zhizni korennykh narodov Sibiri [Alcohol and hallucinogens in the life of the indigenous peoples of Siberia] // *Nauka iz pervykh ruk*, 2007, № 2 (14). P. 106–123.

Sagalaev Konstantin Andreevich.

Junior researcher.

Institute of Philology of the Siberian Branch of RAS.

Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia. 630090.

E-mail: bigbeatle@inbox.ru

Б-Х. Б. Цыбикова

ОБРАЗ ЧИНГИСХАНА В ФОЛЬКЛОРЕ БУРЯТ¹

Для выявления уровня сохранности и утраты мифологической и исторической составляющих в фольклоре рассмотрен образ Чингисхана в устных рассказах, легендах, преданиях и песнях бурят. Выявлено, что историческое лицо под воздействием фольклорного сознания носителей традиции наделяется чертами мифологического героя. Сюжеты о появлении мальчика, наречение его именем Чингис связаны с антропогоническими и космогоническими мифами бурят. Привлеченный для анализа материал показал, что статусному персонажу отводится роль культурного героя, творца и изобретателя, приписываются черты эпического героя, проводятся параллели с Буддой грядущего. В топонимических легендах происхождение некоторых названий местности связывают с пребыванием в тех местах Чингисхана. Сделан вывод о том, что миф и история в фольклоре бурят находятся в неравных пропорциях, в сюжетах о хане наблюдается не попытка изобразить образ исторической личности и его деяний, напротив, характеристика данного персонажа актуализируется в трех аспектах: мифологическом, фольклорно-эпическом и буддийском.

Если в записях, произведенных в Иркутской области, фольклорному персонажу Чингисхану отводится роль инициатора установления отдельных элементов ритуалов свадебной церемонии, то в текстах, зафиксированных в Бурятии и Агинском Бурятском округе Забайкальского края, преобладают мотивы изображения его как культурного героя, автора своеобразного свода морально-этических правил. В рассмотренных текстах, бытующих у бурят Монголии и Китая, являющихся привезенными с исторической родины вариантами сюжетов о легендарной исторической личности, восхваляются неизменные спутники великого хана – его скакуны. Кроме того, наряду с объяснением происхождения географических названий присутствует мотив рыжей лисы, отсылающий к сюжету о лисах-оборотнях, подчеркивающему вредоносную сущность этого мифологического персонажа.

Ключевые слова: фольклор бурят, Чингисхан, фольклорный персонаж, культурный герой, топонимические легенды.

В сказочной прозе монгольских народов как распространенные жанры можно выделить устные рассказы, исторические, топонимические предания, легенды о жизни и деятельности знаменитых исторических личностей. И актуальным представляется рассмотрение в устных нарративах бурят образа Чингисхана как фольклорного персонажа, созданного в соответствии с народными представлениями об этом легендарном человеке. Новизна исследования состоит в том, что на основе впервые введенных в научный оборот архивных материалов выявлен характер мифологизации исторической личности, установлены редкие детали фактов, отдаленно причастные к биографии хана, своеобразно интерпретированные исполнителями фольклора. Отсутствие специальных исследований в этом ракурсе также определяет новизну представленной статьи.

Теоретическая значимость ее заключается в том, что результаты исследовательской части раскрывают характер народного восприятия образа известной персоны, в основе которого лежат элементы вымысла, наделение его чертами героя-созидателя и учредителя. Традиционными методами классификации и систематизации вербальных текстов на основе устойчивых и изменчивых признаков с использованием сравнительно-сопоставительного метода выявлены локальные особенности сюжетов о Чингисхане.

В работе с экспедиционными записями в общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ОАФ ЦВРК ИМБТ) был осуществлен целенаправленный отбор устных нарративов о Чингисхане, которые были зафиксированы в советский период в небольшом количестве. Ограниченное количество записей текстов можно объяснить тем, возможно, что его образ был

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000259-6).

слишком историчен, с одной стороны, и слишком сакрален – с другой. Кроме того, эти материалы в силу объективных причин (основатель Монгольской империи рассматривался до недавнего времени как дикий и жестокий завоеватель) не были востребованы, на его имя было наложено табу.

В фольклоре варианте рождение Чингисхана связано с мотивом нахождения его пятьюстами китайцами завернутым в кожу, которая проплывала по реке. Этот сюжет, имеющий мифологическую основу, связан с антропогоническими мифами, согласно которым человек в сущности появляется из некоего хаоса, вращающегося водоворота, а в данном случае персонаж выловлен из потока воды. До десяти лет он находился на попечении этих многочисленных торговцев, и, поскольку парень был непослушным, неуживчивым, они прогнали его. Скитаясь по Верхней Монголии, как указано в тексте «Откуда появился сам Чингисхан», записанном в Мухоршибирском районе Бурятии (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1760), он встретил людей, которые совершали обряд на горе Саста. Участвовавшие в ритуалах поклонения *тэнгриям*/верховным божествам люди, увидев парня, решили, что им пожалован необычный человек – сын, посланный небесными духами, и, посадив его на шею, назвали Восседающий на шее *‘Хозун Сандалитан’*. Когда монголы сделали найденыша позже своим ханом, «одна пестрая красивая птица, сев на белый камень, красивым голосом прошебетала: «Чингис, чингис». Та птица очень красивая, сейчас не встречается вовсе. С тех пор стали его звать Чингисом, и Чингис стал прославленным ханом» (ОАФ ЦВРК ИМБТ, № 1760).

Подобную же версию происхождения имени Чингис, которая встречается в монгольских источниках, приводит исследователь-филолог: «Вскоре после рождения Тэмужина на дымоход его юрты села маленькая черноватая птичка и стала чирикать: “Чингис, чингис”. Поэтому его и нарекли Чингисханом» (Петрова, 2012: 652).

Наречение будущего хана Чингисом по звуку, изданному птицей, вполне объяснимо той ролью, какую играет птица в космогонических мифах в творении мира: «Птице отводилась одна из главных ролей в создании Вселенной: Великая Мать Богиня (Эхэ Бурхан) была создана одновременно с солнцем, рыбой, птицей. По другой легенде, именно птица-Ангати доставала со дна мирового океана глину, из которой Бурхан Самбала вылепил первых людей» (Кульганек, 2012: 580).

Наблюдается в фольклоре бурят народное прочтение образа хана, проявляющееся наделением его чертами эпического богатыря с его сверхъестественными способностями: «Чингис бежал, словно взмывая в полете» (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1760, тетр. 7). При характеристике его внешности, коня, наряда, используются схожие приемы описания бурятских баторов в улигерах: «Чингис был человеком-ханом, царствовавшим в Монголии. Был [у него] сильный батор-скаун с двадцатью крапинками/полосками. [Он] ходил в своей монгольской форме, в монгольской шапке с остроконечным верхом с тридцатью двумя простроченными швами. [Это] был надменный человек-батор, [имел] двадцать шелковых *дэгэлов*; и, надев лук и стрелы, все говорил, что будет затевать войну». Упоминается его громадная комплекция под стать мощным богатырям: «Когда устраивался на ночлег, укладывал живых четверых русских и на них спал»; еще он обладал чудесными свойствами сказочных героев перемещаться в пространстве – перелетал на своем аргамеке с одной горы на другую (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1760, тетр. 7). Так, возвышенно-эпическое представление о фольклорном персонаже Чингисе органично сочетается с мощью и харизмой исторического Чингиса.

В бурятских нарративах о Чингисхане присутствуют и сказочные мотивы. Так, в тексте под названием «Смерть Шингэс-хана» *‘Шингэс хаанай үхэл’* есть отрицательный персонаж – злая женщина-ведунья, способная задолго до вторжения врага узнать о его приближении: «Та женщина могла узнать, когда враги шли на расстоянии трех суток, и [она могла]

уничтожить, не давая им продвинуться дальше» [ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. 1948]. Шингэс-хан нарушает, как в сказках, запрет, не исполняет просьбу, игнорирует предостережения, в результате чего умирает от рук коварной женщины, на которой он хотел жениться. Наблюдается использование достаточно известного фольклорного мотива послания проклятия, как, например, в записи, сделанной в Читинской области (ныне Забайкальский край): после нашествия Шингэса на другого хана и силой забравшего его жену, черная женщина-колдунья перед смертью обрушила ругательства-заклинания, отчего у Чингисхана не было потомства: «Если ты человек-хан, то опозоришься, если ты подчиненный, то останешься без потомства». Из-за этого, говорят, прервался род Шингэса» (ОАФ ЦВРК ИМБТ, № 2964).

Указанные мотивы, характерные для эпических произведений и богатырских сказок бурят, продуктивны для объяснения причины смерти главного персонажа повествований, так как исполнители вышеприведенных нарративов, лишенные знаний о реальных обстоятельствах гибели Чингиса-хана, решают эту задачу по канонам героико-эпических традиционных жанров. В фольклоре бурят легенды и предания с историческим подтекстом тесно переплетаются с рефлексиями фольклорно-мифологического сознания исполнителей. Факты реальной истории в них часто могут быть насыщены мифопоэтическими сравнениями, где наблюдается сочетание чувственно-эмоционального восприятия события с фольклорно-образными представлениями и образами.

Примечательно, что в бурятских фольклорных текстах с мифологической основой роль культурного героя отводится Чингисхану. В народе бытует мнение: с тех пор, как он выразил пожелания всяческих благ своим подчиненным, появилась традиция преподнесения/произнесения благопожеланий, высказывания добрых напутствий. Так утверждает исполнитель Д. Д. Вампилов, от которого Т. М. Болдоновой в Джидинском районе Бурятии были записаны слова напутствия в песенной форме, приписываемые монгольскому императору. Собиратель отмечает, что информатор услышал эту песню-наказ от сослуживцев-монголов в 1943 г. (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1928).

В другой записи, сделанной в 1958 г. в Джидинском районе Бурятии, содержатся более объемные «Благопожелания, сказанные Чингэсом» '*Чингэсын тавьсан юрөө*' (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1928). В них содержится наставление-пожелание великого хана своим потомкам, в котором отражены традиционные представления бурят о смысле жизни и ценностные ориентиры общества: жить в здоровье, счастье, благополучии на родине своих родителей с крепким очагом, разводя скот и табуны, имея лучших из друзей, имея много детей, обучая их знаниям, прославляя имя отца. Примечательный момент: начинается текст с устоявшегося в буддийской традиции пожелания благополучия всем живым существам («все живые существа шести миров пусть избавятся от страданий; существа из восемнадцати кругов ада навсегда очистятся; пусть будет обеспеченная в шести мирах судьба»). Кроме того, заметны напластования эпических канонов, характерных для бурятских улигеров, как, например, повеление пасти свой скот на просторах Алтая, Хухэя и пожелание иметь определенного рода жилище (юрту с восемью стенами с широкой сандаловой подпоркой, массивными сандаловыми воротами, массивным сандаловым засовом).

Чингисхану приписывается изготовление молочной водки, состоящей из двенадцати компонентов (слюны бешеной собаки; лезвия острого ножа; головы гнилой овцы; щеки красивого человека, копыта быстрого коня; прозрачности текущей воды; пламени горящего огня; сока растущей зеленой травы; мочи коня-рысака; рога коровы; сброшенной кожи гигантского змея; в три раза скрученных пут) (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 229). Когда эта смесь была готова, он капнул на камень, который взорвался, тогда ему пришлось убрать три составляющих, исключив мочу коня-рысака, кожу гигантского змея и рог коровы. После того как в составе *архи*/водки он оставил девять элементов, попробовал капнуть на ухо коня. Конь спокойно впитал ее в себя, тогда он заключил, что продукт готов к употреблению.

Считая Чингисхана первым, кто придумал крепкий напиток '*тарасун*', исполнители также перечисляют ингредиенты этого продукта, называя его буквально так: «Еда, приготовленная Шэнгэсом²» '*Шэнгэсэй бутээхэн эдээн*' (ОАФ ЦВРК ИМБТ, № 1719), куда входят девять наименований. Этот крепкий настой состоял из следующих ингредиентов:

Текущей воды,	Урдажа байһан уһанһаа,
Пламени огненного жара,	Улаан галай дүлэнһөө,
Слюни бешеной собаки,	Галзуу нохойн шүлхэнһөө,
Крепости тройных пут,	Гурбиляа шүдэрэй бэльгирһээ,
Лезвия острого ножа,	Хурса хотёгын эриһээ,
Щеки красивой женщины,	Һайхан эзын хасарһаа,
Копыта быстрого коня,	Хурдан мориной туруунһаа,
Зелени растущей травы,	Ургажа байһан ногоонһоо,
Сердца мужчины-батара.	Баатар хүнэй зүрхэнһөө.

В другом тексте, записанном в 1961 г. в Агинском Бурятском округе Забайкальского края (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1948), указывается, что целью Шингэса, приказавшего одной старухе приготовить горячительный напиток, являлось то, что он хотел улучшить подавленное состояние людей с помощью этого энергетически заряженного продукта. Кроме того, в текстах на тему о первой хмельной настойке дается описание того, какой результат был у тех, кто употребил архи/водку, изготовленную Чингисом. Наиболее часто встречается мотив о ее сильном эффекте: опьяневшие люди забывают о своих недугах, увечьях, считают себя готовыми на действия, на которые они не способны в силу своей ущербности. Незрячему человеку кажется, что он видит прозрачность жидкости; безрукий человек хочет ударить другого, возмущенный тем, что он лжет, говоря, что способен видеть; безногий человек грозит пнуть безрукого за то, что он, будучи без рук, хочет ударить незрячего (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 224; 1948).

Аналогичные варианты сюжетов о Чингисхане как первом создателе спиртных, табачных изделий и зачинателе ряда ритуалов и обрядов есть у калмыков: «В калмыцком фольклоре существует несколько текстов мифов о культурных героях. Первый из них – это миф о Чингисхане, представленном изобретателем способа изготовления водки, кумыса, табака и установившего ритуал жертвоприношения молочными продуктами (цаган идян) и некоторых свадебных обрядов» (Басангова, 2012: 617).

Знаменательно также, что и у бурят считается, что Чингисхан был учредителем отдельных элементов свадебного обряда. В тексте, записанном А. Хамановым в 1929 г. в Боханском районе Иркутской области (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 224), описывается то, как главный персонаж Чингис, будучи сыном Ухэр Бугсэ хана, женится на дочери Бухэли хана. Содержатся в связи с этим оригинальные этнографические детали свадебной церемонии: обращение в стихотворной поэтической форме со словами наказа или благопожеланий выдаваемой замуж девушке, ее ответ на эти наставления. Далее приводится словесный обмен между представителями жениха и невесты о приводе дочери в дом жениха и взаимном желании провести достойную свадьбу. Кроме того, мужчина и женщина, специально исполняющие роль благожелателей '*үрёоршэ үбгэ һамган хоёр*', произносят напутствия, каким заведенным от предков правилам должна следовать в чужой семье молодая женщина в новом статусе, затем следуют традиционные пожелания молодоженам жить в достатке и счастье. Таким образом, судя по фольклорному материалу, все эти ритуалы, предшествующие

² Шэнгэс – в использованных нами фольклорных текстах имя Чингисхана встречается в нескольких вариантах: Чингис, Шингэс, Шэнгэс.

щие свадьбе, также традиции сватовства, обычай обмена кушаками/поясами отцами жениха и невесты, подношение в качестве подарка коня, золота и т. д., берут начало от Чингисхана.

Таким образом, основатель одной из самых обширных средневековых империй Чингисхан в народном понимании изображен не как великий император, а выступает как новатор, установивший некоторые церемонии и обычаи свадебного обряда, инициатор произнесения благопожеланий.

Специфика бурятских сюжетов о Чингисхане проявляется в сочетании мифологических составляющих и деталей исторического характера. Так, не могла не отразиться в фольклоре бурят причастность их праотцов к монгольскому роду чингизидов. В записи, сделанной в 1955 г. у бурят Байкало-Кударинского района Бурятии, отмечается, что их предки – эхириты и булагаты – в предыдущем двенадцатом поколении ведут родословную от Чингисхана (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1853). В данном случае аргументируется не только этническая идентичность бурятского рода через родство с великим ханом, но и подчеркивается сопричастность к монгольской этносфере.

К текстам, наиболее ярко иллюстрирующим модель взлета народной фантазии при описании главного персонажа, относится устный рассказ, записанный в 1951 г. в Иволгинском районе Бурятии «О происхождении династии Романовых» (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 2449). Сюжетная линия развивается следующим образом: от жены Чингисхана, оставившего ее где-то на Кавказе перед тем, как пойти войной на Русь, родился сын, впоследствии ставший кучером одного из царствующих особ династии Романовых. Не имеющий наследника русский царь перед смертью повелевает: на престол посадить того человека, при приходе которого лампадка 'зула' возгорится сама. Когда вошел сын Чингисхана – кучер, лампадка зажглась. Так, по мнению исполнителей фольклора, монгол воссел на царский трон.

Существует еще один идентичный сюжет о том, как от жены Чингисхана, отправленной в данном тексте мужем в Монголию, но не отправившейся туда из боязни получить репутацию брошенной жены, а оказавшейся в России, родился сын, названный Ромашкой, ставший кучером. И в данном случае присутствует мотив о возможности возвести на царский трон того, кто сможет зажечь свечу. Никому это не удастся, за исключением парня-кучера, но ему не стать царем, будучи не из знатного рода. Узнав от матери об отце, отправился на его поиски, затем признавший своего сына Чингисхан не позволил боярам убить его и помог утвердиться в царской власти (Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды, 1992: 167–168).

В другом тексте, записанном в Мухор-Шибирском районе Бурятии, говорится о кровных узах между двумя династиями: «Перед тем, как пойти к границам Германии, попросил [руки] Катерины, женился на ней, и жили [они вместе] около двух лет. Хатан/царица Катерина от Чингиса родила сына. Когда Чингис вернулся, сын Катерины хан Бата занял престол. Николай Романов тоже чингисова крови» (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1760, тетр. 7). Усматриваемую в бурятских фольклорных сюжетах близость рода Чингисхана с линией царей Романовых следует, возможно, объяснить отразившимися в народном сознании отголосками нашествия монгольской империи на Русь и имевшими место этнокультурными контактами: «В России дворянские фамилии, ведущие свое происхождение от Чингисхана, приравнивались к Рюриковичам и Гедиминовичам. Значительное количество фамилий (как дворянских, так и простонародных), считающихся традиционно русскими, образовалось в результате сложных процессов межэтнического взаимодействия» (Алексеева, 2012: 129). В данном случае в фольклорном сознании бурят взаимоотношение Руси и империи Чингисхана воспринимается как некое совместное сосуществование.

Немногочисленные упоминания о походах монгольского завоевателя не имеют ничего общего с реальными завоеваниями Чингисхана, это, скорее, аллюзия, основанная на отдаленном намеке на отголоски захватнических войн монгольского императора: «Отправившись

далее за Уралом, все захватил: и Русь, и Украину, жестко везде прошел. Сильно всех угнетал»; «Не было ни одного человека, который бы восстал [против него], [он] прибыл к царице Екатерине, [она тоже] сдалась» (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1760, тетр. 7).

Монгольский правитель как сын Неба создателями фольклорных произведений наделяется чудесными способностями, в том числе чертами буддийского прорицателя. Так, Шингэс якобы перед смертью изрек следующее: «Когда наступит время [прихода] Майдари, явлюсь в облике человека на железном коне, разрублю голову *шолмоса*/дьявола, а моя сабля будет растягиваться на несколько километров, – сказал, говорят, он» (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 2964). Проведенные в тексте параллели с Майтреей позволяют приверженцам буддийских традиций допустить, что Чингисхан вполне может явиться в новый мир наряду с пришествием Будды грядущего, чтобы установить лучший миропорядок. Происхождение великого человека приравнивается к божественной его сущности, при этом «он уже представляется не только как сын Неба, но и как “бурхын”, что соответствует буддийскому понятию чакравартина – идеального правителя, вернувшего мир из состояния хаоса в гармоничное единство, установившего мировой порядок в виде Монгольской империи» (Бичеев, 2021: 61).

В бурятском материале есть интересная деталь захоронения великого хана, коррелирующаяся с буддийскими традициями погребения: «Когда Шингэс скончался, то построили *субарга*/ступу посредине реки Ордос, протекающей по солнцу, и, поместив туда тело в сидячем положении, похоронили его» (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 2964). Предполагают, что когда буддийскому монаху устраивают сидячее захоронение, он находится в состоянии медитативного самоотречения, вследствие чего возможно его возвращение/пришествие в другом качестве, которое называется самадхи (*санскр.* *samādhi*/ *тиб.* *ting nge 'dzin*) – букв.: сосредоточение; аспект ума, который удерживает ум в сосредоточенности на объекте; однонаправленное сосредоточение на объекте медитации как ключевой фактор на пути к просветлению (Keown, 2003: 245). Можно предположить в данном случае, что исполнители легенды, говоря о ступе в Ордосе, куда поместили правителя, располагали неподтвержденными, хотя и небезосновательными, сведениями о вероятном месте захоронения Чингисхана. В пользу этого суждения уместно привести следующую цитату: «Возможно, что в Ордосе были захоронены личные вещи хана под видом настоящей гробницы для того, чтобы удовлетворить потребность народа в почитании хана, а затем, спустя несколько лет, по указу Хубилай-хана вокруг этого места были установлены восемь белых юрт-дворцов» (Ванчикова, 2013: 114).

В большинстве текстов из экспедиционных записей, находящихся в Общем архивном фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН, появление названий отдельных местностей, природных объектов связывают с пребыванием великого завоевателя в той или иной географической точке этнической Бурятии. Например, Чингисхан, гоняясь за черной лисой, «дал отдых коням, и та гора стала называться *Ардаг хорин*/Необъезженные двадцать. Там, где поставил седло, стало называться *Алтан эмээл*/Золотое седло. Так, отдохнув сутки, [он] опять погнался за лисой. Доехав до Аги, на Ононе, приладив стрелу, на ходу убил [лису]. Поэтому то место, где он прицелился, стало называться Онон, и то место, где он убил драгоценную черную лису, получило название Ага» (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1760, тетр. 7).

Несколько другая интерпретация погони за черной лисой содержится в тексте «След погони»: недоброжелатель, желающий навредить Чингисхану, превращается в женщину, на которой женился Чингисхан. Оборотень-жена, испугавшись мужа, превращается в лису и убегает от него. Те места, в которых побывал он, гоняясь за этой лисой, получили следующие названия: Онон (установил тетиву на стреле, сделал зарубку '*оноон*'), Ага (там, где убил лису), а там, где он бежал, разворачивая землю, появился вал, названный по его имени (Чигисов вал) (Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды, 1992: 297–298).

Такой тип мифологического персонажа, как волшебные лисы, характерен для фольклора не только тюрко-монгольских народов, но и для китайской, японской, корейской традиции. «В китайском историческом фольклоре существует еще довольно много лис-оборотней... Эти лисы-оборотни для китайской культуры являются символом легендарной и невероятной красоты, но оцениваются в основном отрицательно. В древнюю эпоху народ всегда относился к внешне красивым женщинам как к ведьмам (или другим представительницам нечистой силы)» (Го Вэй, 2020: 342). «Образ лисы в культуре монгольских народов», по мнению исследователей, рассмотревших этот образ в представлениях монголоязычных народов, «неоднозначен и противоречив: между древним солярным божеством и существом подземного мира» это «животное хитрое и коварное, которое иногда содействует человеку в обманах и сомнительных сделках, но чаще обманывает самого человека и отнимает у него удачу» (Содномпилова, Нанзатов, 2016: 50). Основная черта этого животного заключается в способности принять человеческий облик и морочить людей. Еще о другой способности лисы перевоплощаться в лис с разным окрасом говорится в тексте, записанном у бурята, проживающего в Автономном районе Внутренняя Монголия Китая (АРВМ КНР): «Когда Шэнгэс гонялся за красно-желтой/рыжей лисой, она превратилась в черную лису, а перед тем, как быть подстреленной им, стала белой лисой». Далее лиса превращается в дым и поднимается в небеса. Кроме превращений, она обладает способностью мстить и принести много бед людям. Подобных животных, по мнению носителей фольклора, могут уничтожить шаманы, «разведя огонь из дров на девяти телегах, и только в том случае, если он будет гореть в течение девяти дней и девяти ночей, не погаснув» (Полевые материалы автора: записано от Сэбэнэй Нордобой Эрдэни, в АРВМ КНР, 2018 г.).

В топонимической легенде о происхождении названий местности Ага, Онон, Алхана (в Забайкальском крае), записанной у Доржын Цэдэн-Доржо в сомоне Мунгэморьт Хэнтэй-ского аймака МНР в сентябре 1977 г., также присутствует мотив о погоне Чингисом за рыжей/желтой лисой. И то место, где он сказал, кто ее убьет 'алаха', стало называться Алхана; место, где он прицелился, чтобы попасть 'оноо', стало называться Онон (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 2295/1).

Анализ топонимических преданий показывает их соотнесенность с сюжетами о пребывании хана в отдельных местностях проживания бурят. Имеется упоминание о пребывании Чингиса в течение двадцати лет у подножия горы Бархан, это гора находится в Баргузинском районе Бурятии. Согласно этому тексту, будущий монгольский хан, находясь там столь длительное время, занимался подготовкой к военным походам вместе с Хоридоем, являющимся в бурятских генеалогических преданиях предком хори-бурят (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 2964). Содержанием подобных устных нарративов являются не достоверные события, а воспроизводимая мифологическая схема, в которой возникновение того или иного объекта связывают с именем легендарной личности, с одной стороны, с другой – подчеркивается соотнесенность наиболее сакральных, почитаемых мест с именем знаменитого в монгольском мире человека.

У монголоязычных народов известен культ коня, считавшегося драгоценностью. Вместе с тем, судя по тексту «Два скакуна Шингэса» '*Шингэсэй хоёр загал*', раньше особо не почитали его: «Однажды младший сказал своему старшему коню: «Дорогой мой старший конь! Когда *богдо*-хозяин разъезжает, оседлав нас, мы [можем] догнать любого из его врагов, [настигнуть] любого зверя. И все хвалебные оды люди поют ему; хвалят, почитают [только] его, прославляя имя хозяина-*богды*. Но никто не упоминает нас с тобой, очень обидно. Чем терпеть такое, лучше оставим табун хозяина и пойдем, куда глаза глядят». С тех пор, как найденные после долгих поисков кони объяснили причину своего ухода, «люди стали восхвалять этих двух коней, превозносить [их заслуги], и их имена до сих пор помнят» (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1948). Так, начало почтительного отношения к коню –

неизменному спутнику кочевника было положено Чингисом, считается в народе. Также возникновение широко распространенного у монгольских народов, в том числе у бурят, обычая прославления коня связывают с именем Чингисхана. Об этом говорится в другом тексте под названием «Два скакуна» *‘Хоёр загал’*: «Две кобылицы шли, шли и дошли до Шагалзура (на территории Карымского района), долго, говорят, пребывали [там]. Хан Шингэс долго искал их, затем, найдя в Шагалзуре, хочет поймать, но те убегают, не дают себя поймать. Тогда Шингэс спел хвалебную оду, восхваляя мощь своих скакунов, [только] тогда, говорят, они дались ему в руки. С тех пор появился обычай прославления/возвеличивания коня» (ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 1948).

Записанная у бурят, проживающих в АРВМ КНР, песня «Два скакуна Богды» *‘Богдын хоёр заглаа’* (Цыбикова, 2016: 154–156) начинается с описания пасущихся на Алтае двух скакунов хана Чингиса. Далее рисуется более реалистичная картина, когда оседлав своих коней, молодые люди отправляются на службу хану, где они погибнут и останутся там навсегда, зарытыми в чужой земле. Значит, наряду с темой о коне, много путей прошедшем с великим ханом, который провел успешные сражения, сидя на нем, и о возникновении ритуала произнесения хвалебных речей ему, появления у монгольских народов жанра восхваления коня *‘мориной соло дуудалга’*, содержится мотив людских потерь в военных действиях завоевателя Чингисхана. Это является редкой деталью, близкой к реальности.

Следует подчеркнуть, что широкая популярность и распространенность легенд о двух скакунах Чингисхана у бурят России, Китая и Монголии связаны не только с культом коня в монгольском мире, но и конкретно с семантикой образа скакуна *‘загал, хүлэг’*. Согласно сведениям нашего информатора, «в раннее время появление скакуна было явлением редким. Если рождался человек-богатырь *‘баатар’* с необычными физическими данными, только тогда должен был появиться скакун под стать этому исполину и предназначенный для него. *‘Хүлэг’* (скакун) означает выносливый, неутомимый, стойкий конь. У такого коня было одно сплошное ребро, в то время как у обычных коней ребра разделены между собой. Так было потому, что никакая стрела, никакой острый предмет не мог пронзить/поранить его. Раньше четко разделялось: обычный конь для домашнего хозяйства, конь для военной службы и конь-скакун для баторов. В наши дни в песнях, в быту ради красивого слова употребляют слово «скакун мой», не понимая его глубокого значения» (Полевые материалы автора: записано от Сэбээнэй Нордобой Эрдэни, в АРВМ КНР, 2018 г.).

Итак, проанализированные тексты песен, сказочной прозы, представленной устными рассказами мифологического характера, легендами, топонимическими преданиями, показывают, что действительно существовавшие исторические лица под воздействием фольклорного сознания носителей фольклора приобретали черты героев мифологических. Если в устной прозе о событиях прошлых столетий документальная основа более или менее достоверна, то в нарративах о реальных выдающихся личностях превалируют моменты вымысла, им присущи элементы фантастического, в большинстве случаев мифологического характера. Яркой иллюстрацией послужил образ Чингисхана, своеобразно отображенный в устном творчестве бурят.

В устных версиях преданий о Чингисхане более всего сохранились отдаленные от реальных событий мифологические мотивы, кроме того, доминируют моменты интерпретации тех или иных явлений, культурно и этнически значимых для носителей традиции в соответствии с их представлениями картины мира. Сюжеты нарративов о Чингисхане далеки от функции исторической хроники, что позволяет сказать нам, что великий хан, являясь объектом изображения в устных народных произведениях, предстает как культурный герой, эпический персонаж с его характерными атрибутами богатыря, отправляющегося в поисках жены и связанного с этим приключениями. Харизма и избранность его личности проявляются в народной этимологии, согласно которой происхождение названий отдельных населенных

пунктов и географических объектов связывают с именем монгольского правителя. Охарактеризованные фольклорные тексты о Чингисхане основаны на коллективном представлении образа великого хана как этнической ценности монгольских народов и являются «главной формой обращения к прошлому» (Дампилова, 2007: 6). Миф и история в них находятся в неравных пропорциях, и, как показал проанализированный материал, наблюдается не попытка изобразить образ реальной исторической личности, напротив, мифопоэтическое представление, существующее в народной культуре, актуализируется при характеристике статусного персонажа в трех аспектах: мифологическом, фольклорно-эпическом и буддийском.

Если в записях, произведенных в Иркутской области, фольклорному персонажу Чингисхану отводится роль инициатора установления отдельных элементов ритуалов свадебной церемонии, то в текстах, зафиксированных в Бурятии и Агинском Бурятском округе, преобладают мотивы изображения его как культурного героя, автора своеобразного свода морально-этических правил. В рассмотренных текстах, бытующих у бурят Монголии и Китая, являющихся привезенными с исторической родины вариантами сюжетов о легендарной исторической личности, восхваляются неизменные спутники великого хана – его скакуны. Кроме того, наряду с объяснением происхождения географических названий присутствует мотив рыжей лисы, отсылающий к сюжету о лисах-оборотнях, подчеркивающему вредоносную сущность этого мифологического персонажа.

Литература:

- Алексеева Е. В.** Взаимодействие народов Центральной Азии и России: методологические аспекты проблемы // Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. ст. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 127–129.
- Бичеев Б. А.** Образ Чингисхана в художественной традиции кочевых культур // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 2 (50). С. 57–66.
- Басангова Т. Г.** Культурный герой в мифологии калмыков // Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. ст. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 616–619.
- Ванчикова Ц. П.** К вопросу о возникновении культа Чингисхана: по материалам «Белой истории» // Ученые записки ЗабГГПУ. 2013. № 2 (49). С. 112–119.
- Го Вэй.** Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 341–343.
- Дампилова Л. С.** Предисловие «Когда мне не хватает неба...» // Дугаров Б. С. Струна земли и неба. Стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2007. С. 3–7.
- Keown D. A.** Dictionary of Buddhism. New York: Oxford University Press, 2003. P. 357.
- Кульганек И. В.** Монгольский фольклор Прихубсугуля в собрании Л. Галбаабдраа (по результатам экспедиции в Монголию в 2011 г.) // Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. ст. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 578–582.
- Небесная дева лебедь:** Бурятские сказки, предания и легенды / сост., запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; перевод и предисл. А. И. Тугутова; комм. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова, Л. Н. Нуркаевой (Б-ка «Сибирская живая старина»). Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1992. 368 с.
- Петрова М. П.** Образ бурятского шамана в романе монгольского автора // Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. ст. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 650–654.
- Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З.** Зооморфный код в контексте этногенетических связей: лиса в традиционных представлениях монгольских народов // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. Т. 15. С. 48–63.
- Цыбикова Б-Х. Б.** Фольклор шэнэхэнских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна.

Кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

ул. Сахьяновой, 6, г. Улан-Удэ, 670047.

E-mail: bch58@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 24 июня 2022 г.

B-Kh. B. Tsybikova

THE IMAGE OF GENGHIS KHAN IN THE FOLKLORE OF THE BURYATS³

The article discusses the image of Genghis Khan in Buryat folklore, including oral stories, legends, and songs. The aim of the study is to understand the level of preservation or loss of mythological and historical elements in Buryat folklore. Through analysis of the available material, it is revealed that Genghis Khan is depicted as a mythological hero, endowed with the features of an epic hero and connected to the anthropogonic and cosmogonic myths of the Buryats. He is also portrayed as a cultural hero, creator and inventor, with parallels drawn to the future Buddha. In toponymic legends, some areas are associated with Genghis Khan's presence in those places. It is concluded that the myth and history in Buryat folklore are represented unequally, with Genghis Khan being characterized in three aspects: mythological, folklore-epic, and Buddhist. In some versions of the folklore, he is depicted as the initiator of certain wedding ceremony rituals, while in others he is portrayed as a cultural hero and the creator of a set of moral and ethical rules. The article also discusses the portrayal of Genghis Khan's horses as his unchanging companions and the inclusion of the motif of a red fox, which refers to the plot of were foxes and emphasizes the harmful nature of this mythological character.

Keywords: *Buryat folklore, Genghis Khan, folklore character, cultural hero, toponymic legends.*

References:

- Alekseeva E. V.** Vzaimodeistvie narodov Tsentral'noi Azii i Rossii: metodologicheskie aspekty problem [Interaction of the Peoples of Central Asia and Russia: Methodological Aspects of the Problem]. Mir Tsentral'noi Azii – 3: sb. nauch. st. [World of Central Asia – 3: collection of academic articles]. Ulan-Ude: Irkutsk, Ottisk Publ. 2012. P. 127–129.
- Bicheev B. A.** Obraz Chingis-hana v hudozhestvennoj tradicii kochevyh kul'tur [The image of Genghis Khan in the artistic tradition of nomadic cultures]. Bulletin of Kalmyk University. 2020. No. 2 (50). P. 57–66.
- Basangova T. G.** Kul'turnyi geroi v mifologii kalmykov [Cultural Hero in Kalmyk Mythology]. Mir Tsentral'noi Azii – 3: sb. nauch. st. [World of Central Asia – 3: collection of academic articles]. Ulan-Ude: Irkutsk, Ottisk Publ. 2012. P. 616–619.
- Vanchikova Ts. P.** K voprosu o vozniknovenii kul'ta Chingis-khana: po materialam «Beloi istorii» [To the Question of Genghis Khan veneration: based on The White History]. Uchenye zapiski ZabGGPU. 2013. No. 2 (49). P. 112–119.
- Guo Wei.** Lisy-oborotni v kitajskoj literature i iskusstve i v tvorchestve V. Pelevina [Fox werewolves in Chinese literature and culture and in the Work of V. Pelevin]. Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniy. 2020. No 3 (82). P. 341–343.
- Dampilova L. S.** Predislovie «Kogda mne ne khvataet neba...». Dugarov B.S. Struna zemli i neba. Stikhotvoreniia [Foreword "When I miss the sky ...". Dugarov B.S. The String of Earth and Sky. Poems]. Ulan-Ude: «Respublikanskaia tipografiia» Publ. 2007. P. 3–7.
- Keown D. A.** Dictionary of Buddhism. New York: Oxford University Press, 2003. 357 p.
- Kul'ganek I. V.** Mongol'skii fol'klor Prikhubsugul'ia v sobranii L. Galbaabadraa (po rezul'tatam ekspeditsii v Mongoliiu v 2011 g.) [Mongolian Folklore of the Khubsugul region in the collection of L. Galbaabadraa (based on the results of an expedition to Mongolia in 2011)]. Mir Tsentral'noi Azii – 3: sb. nauch. st. [World of Central Asia – 3: collection of academic articles]. Ulan-Ude: Irkutsk, Ottisk Publ. 2012. P. 578–582.
- Nebesnaia deva lebed': Buriatskie skazki, predaniia i legendy** [Heavenly Swan Lady: Buryat Tales, Traditions and Legends] / Sost., zapis' I.E. Tugutova, A.I. Tugutova; perevod i predisl. A.I. Tugutova; komm. I.E. Tugutova, A.I. Tugutova, L.N. Nurkaevoi (B-ka «Sibirskaiia zhivaia starina»). Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 1992. 368 p.
- Petrova M. P.** Obraz buriatskogo shamana v romane mongol'skogo avtora [The Image of a Buryat Shaman in the Novel of a Mongolian Author]. Mir Tsentral'noi Azii – 3: sb. nauch. st. [World of Central Asia – 3: collection of academic articles]. Ulan-Ude: Irkutsk, Ottisk Publ. 2012. P. 650–654.
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z.** Zoomorfnyj kod v kontekste etnogeneticheskikh svyazej: lisa v tradicionnykh predstavleniiakh mongol'skikh narodov [Zoomorphic Code in Ethnogenetic Context: Fox in Traditional Beliefs of Mongolian

³ The research was carried out within the state assignment (project "Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region, № 121031000259-6).

Peoples]. Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. 2016. Vol. 15. P. 48–63.

Tsybikova B-Kh. B. Fol'klor shenekhenskikh buryiat [Folklore of the Shenekhen Buryats]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ. 2016. 312 p.

Tsybikova Badma-Khanda Badmadorzhievna.

PhD (Philology), associate professor, Leading researcher of Department Of Literature And Folklore.

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS.

Sakhyanova st., 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: bch58@yandex.ru

Н. И. Шимова

ХТОНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ ГОРНОГО АЛТАЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ¹

В исследовании впервые освещены особенности бытования хтонических образов (змеи и лягушки), а также их трансформации в старообрядческой традиции по материалам русских Горного Алтая, рассматриваются некоторые особенности отношения к животным (змее и лягушке). Автор использовал историко-этнографические методы: научного описания, сравнительно-исторический, интеграции этнографических, фольклорных и письменных источников. Работа основана на комплексном анализе не введенных ранее в научный оборот фольклорных материалов и полевых материалов автора, собранных на территории Республики Алтай, а также письменных источников.

Рассмотрен обнаруженный автором старообрядческий нарратив, основанный на содержании одной из повестей христианского сборника «Великое Зерцало». Проведены аналогии с другими устными историями и рассказами, запретами, в которых змеи и лягушки представляются возникающими в посмертном существовании у грешных душ на тех местах тела, на которых при жизни находились различные украшения. Со змеинными образами ассоциировались отрицательные человеческие качества. Это проявляется в различных фольклорных жанрах (поговорках, частушках, прислушках). При этом лягушка, скорее, ассоциируется с некрасивостью или неповоротливостью. Изучаемые образы проявляются в народных методах профилактики встречи со змеей и лечения змеиного укуса с помощью заговоров, в способах лечения ангины и боли в пояснице. Наблюдения за природными особенностями змеи служили основанием для использования ее образа в загадках, при изготовлении поделок.

В целом характер изучаемых образов может быть различным: в духе христианских традиций (олицетворение греха, посмертного наказания), также апотропейным (использование в заговорных формулах и для лечения) и идеологически нейтральным в качестве созданий природы (например, в фольклоре, народно-прикладном творчестве). При очевидном преобладании христианского содержания образов, вариации их бытования в разных локальных группах, также в разные временные периоды различны. Особенности семьи и отдельных личностей также имеют значение. В одной культурной традиции, даже у близких родственников, в настоящее время может фиксироваться как спокойное отношение к хтоническим животным как природным проявлениям, так и основанные на христианской традиции ассоциации их с грехом и посмертными наказаниями. Следы более жесткого отношения к хтоническим образам зафиксированы в прекратившей бытование традиции турочакских старообрядцев (проживавших в Турочакском районе). В современной традиции уймонских старообрядцев хтонические образы отличаются большей мягкостью.

Ключевые слова: русские, Горный Алтай, старообрядцы, образы змеи и лягушки, традиционная культура, фольклор.

В ходе полевых исследований зафиксирован старообрядческий нарратив, основанный на одной из повестей христианского сборника, в котором центральное внимание уделено образам хтонических существ, наказывающих грешницу в загробном мире. Это натолкнуло на мысль о необходимости отдельно рассмотреть бытование хтонических образов (змеи и лягушки) на региональных материалах. В бытовании подобных образов проявляется взаимосвязь книжной и народной культуры, фольклорные интерпретации образов в различных жанрах, формируются определенные правила и запреты.

Символика и значение хтонических образов, одних из важнейших в мировоззренческом отношении, раскрыты в работах ряда исследователей восточнославянской и русской культуры, при этом особое внимание уделено реконструкции архаических элементов (Пропп, 1996; Гура, 1997; Велецкая, 1988 и др.). О. В. Голубкова, обращаясь к этнографическим материалам русских и коми, выявляет ступени развития змееобразных персонажей (Голубкова, 2010). При этом трансформации этих образов в контексте бытующей в условиях современности традиции

¹ «Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.»

на сибирских материалах еще не было уделено внимания. Также освещение локальных особенностей хтонических образов в культуре русских Горного Алтая представляется актуальным как еще не изученный аспект.

Целью работы является выявление локальных особенностей бытования и трансформации хтонических образов, а также отношения к животным (змее и лягушке) на основании комплекса региональных материалов. Мы опирались на историко-этнографические методы: научного описания, сравнительно-исторический, интеграции этнографических, фольклорных и письменных источников. Привлечены полевые материалы автора, полученные в ходе экспедиций в Усть-Коксинский, Шебалинский, Турочакский районы Республики Алтай в 1998, 1999, 2015, 2020, 2022 гг. Использованы не введенные в научный оборот фольклорные материалы из архива преподавательницы Горно-Алтайского государственного пединститута Инессы Петровны Федотовой. Записи фольклорных текстов выполнены И. П. Федотовой и студентами под ее руководством в 1960–1990-е гг. на территории Республики Алтай и некоторых районов Алтайского края.

Общеизвестно, что хтонические образы, особенно змеиные, сложны и амбивалентны. Народное восприятие в духе христианской традиции восходит к представлению искушителя в образе змея. Отношение старообрядцев к змее как олицетворению зла и греховности, в частности, прослеживается в отдельной выписке, служившей закладкой в богослужебной литературе: *«Страшишь греха, он постепенно тебя ужалит, как змея»* (ПМА, 2020, с. Кебезень, Турочакский район РА). Данная фраза цитирует строки духовного стиха «Обращение к душе» («Пора тебе уж пробудиться»). Текст стиха также зафиксирован в с. Кебезень. Данное произведение и сейчас востребовано в старообрядческой среде, в том числе и на Алтае (Старообрядческие духовные стихи: сборник).

В 2020 г. удалось встретиться с одними из последних представителей старообрядчества Турочакского района Республики Алтай, проживавших в с. Кебезень. Мы познакомились с тонкой тетрадью Августы Лазаревны Милентьевой. Здесь представлены важные для женщины-старообрядки выписки, такие как духовные стихи «Стих странницы ко ангелу хранителю», «Пора тебе уж пробудиться», а также фрагмент под названием «Из книги Зерцало Великое. Часть 2» ([Тетрадь...], 1970-е гг.).

«Великое Зерцало» переведено во второй половине XVII в. с польского языка. Повести из него стали входить в популярные сборники, а через них и в устную словесность (духовные стихи, сказки, легенды) (Орлов, 1934: 115). На примере духовного стиха «О грешной матери» А. С. Орлов проводит сравнение исходного текста «О некоем священноиноке, иже о матери своей моляся, и какова ему показася за преизлишне телесное украшение» и основанного на нем духовного стиха, и усматривает представления, сложившиеся под влиянием других духовных стихов и проявление воззрений старообрядцев на новое платье, наряды и роскошь, в частности, упоминание сережек, цепочки, зеркала (Орлов, 1934: 119).

Зафиксированный текст является сокращенным, упрощенным пересказом повести «О некоем священноиноке, иже о матери своей моляся, и какова ему показася за преизлишне телесное украшение». Как отмечает Е. С. Данилко, такие старообрядческие нарративы, как пересказы популярных сюжетов из Священного Писания, в большинстве случаев имеют письменные аналоги, но при этом интерпретация известных текстов построена по законам развития традиционного или мифологизированного сознания (Данилко, 2007: 58).

В рассматриваемом произведении описано видение иноком своей грешной матери, которая предстает в виде сидящей на огромном змее грешницы, она терпит мучения в наказание за содеянные при жизни грехи. Данный сюжет встречается в различных вариациях как и визуализации образа грешницы, в том числе в старообрядческой книжности (Антонов, Майзульс, 2013: 207). Как отмечают Д. И. Антонов и М. Р. Майзульс, муки грешниц сложены из элементов, давно известных в средневековой иконографии, мотивы с изображением

блудниц и детоубийц, которых за груди кусали змеи или скорпионы, встречаются в западной романской иконографии XII в. (Антонов, Майзульс, 2013: 209). Мы ориентируемся на оригинальный текст произведения, приведенный в работе А. С. Орлова (Орлов, 1934: 115–117). Ниже представлен старообрядческий пересказ.

«Некто священноиннок молился о матери своей отпущения грехов. И внезапно увидел мать свою нагу сидящу, на змии страшным, из уст же его выходит пламя огненная. У матери его руки и ноги связаны железными путы. По лицу и по зубам ея бьют камнем. На главе ея сидит змия Скорпия лютая. Во ушах ея две мыши лютые сосут мозг. В глазах ея около рта обвился уж великой. На руках змей огненный. Сие же видя сын ее и убояся и жасесе. И пал на землю с того страха. И возопи к нему мать его, не ужасайся сыне мой любезный, не бойся этого змея. Не может он тебе зла сотворити ничтожа. И начал вопрошать свою мать. Скажи мне мати моя, за какия дела тебе так сотворилось. Тогда отвещала ему мать его.

Ты видишь мене нагу, сию я на сем змие странем, того ради я любила лютное любодееяние не воздержанное творила; а по лицу моему и зубам бьют меня камням; за то что я говорила отцу моему дабы мне он купил хорошия и многоценныя ризы; имя бы я оделась и многих на злое похотения привела. А другие жены к этому похотению поучала; а видишь на главе моей сидит змея Скорпия лютая. Того ради любила я украшения главы моея. А в ушах моих две мыши сосут мозг главы моея: того ради что я любила посмотреть всякое неподобное ко злему хотению. А на шее моей обвился уж великий, того ради что я любила носить на шее моей цепи и монеты золотыя и серебряныя; а что сосет за сосца мой того ради что давала без стыда имать блудниками за груди мой; а еже на руках моих змей огненной. Того ради что я любила много носить на своих руках золотыя и серебряныя персни: и дотыкания рук блудником. И рече сын ея к своей матери. Как же тебе сие сотворилось, и как же ты, исповедала грехи своя отцу Духовному и церковные тайны восприяла. Отвеща ему мати его; о чада мое. Я исповедала грехи своя. И святых тайных причастилася; но не истинно я причастилася Святых тайн. И епитимию я не исправила за ето проклята; и осуждена вовеки мучитися; Да и ныне уже чада мое, не молися о мене ни твоя бо молитва и ничейная не может мене облегчити мука сея; и сказала о себе велие яко блесковица; и от глаз его скоро отиде от него. Аминь» ([Тетрадь...], 1970-е гг.: л. 4–6).

В данной повести и в ее пересказе хтонические образы являются выражением адских мук преисподней. Старообрядческий нарратив при этом отличают некоторые детали. В оригинале присутствуют такие образы: «вселютый и всезлюбный» змей; ящерицы, «изсыхающие» мозг; в очах сидящие скорпии; в ушах две мыши лютые; змий великий «обвиса о шее ее и соса сосца ея». В пересказе упоминается «змий страшный», на котором восседает грешница, две лютые мыши. Образу «Змия великого», наказывающего за позволение обнимать шею и прикасаться к груди, соответствует «уж великий» пересказа, он наказание «за любовь носить цепи и золотые и серебрянные монеты, также имать блудникам за груди». Вместо ящерицы, иссушающей мозг за грех «главы прелестнаго украшательства, нарядов, пьянства» в пересказе на голове женщины «сидит змея Скорпия лютая», в наказание за грех «любила украшения главы моея». В тексте повести «в очах сидящи скорпии» наказывают за «блудолубное прозрение», в пересказе их образ заменен на «ужа великого», который «в глазах около рта обвился». Огненные персты на руках грешницы, присутствующие в наказании за «многоценные персни», заменены в пересказе «змеем огненным» на руках, наказывающим за грех ношения золотых и серебряных перстней.

Образы ящериц и скорпионов заменены в нарративе на змеиные, огненные перстни — на огненного змея на руках. То есть в старообрядческом пересказе хтонические существа, мучающие грешницу, представлены в основном змеями. Также акцентируется внимание на цепях золотых, серебрянных монетах и перстнях. Очевидна связь змеиных образов с плотскими грехами (женской сексуальностью), различными видами украшений (кольца,

браслеты). Ранее установлено распространение у уймонских старообрядцев представлений, связанных с запретами на различные украшения (Шитова, 2011: 113). Очевидно, мы встретили нарратив, восходящий к одному из христианских текстов, посвященных подобным запретам.

Потомки кебезенских старообрядцев помнили о запретах носить украшения, рассказывали, что на месте бус на том свете будет змея, на ушах – лягушка (ПМА, 2020, с. Кебезень, Турочакский район РА). Также и у уймонцев считалось, что те места, на которых женщина любила носить украшения, в посмертном существовании будут «украшены» змеями и лягушками. Например, Полина Ивановна Черепанова (1929 г. р.) вспоминала, как купила серьги и хотела проколоть уши, за что мама ее ругала: *«Зачем, чтоб на том свете лягуши вешались на ушах!»* (ПМА, 1999, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). Данные запреты являлись частью аскетического образа жизни старообрядцев и связанных с ним представлений (Шитова, 2011: 114). Одна из наших собеседниц-старообрядок (1951 г.р.) вспоминала: *«Мама говорила, сейчас носите серьги да бусы, потом змей да гнусов... Будешь плясать сейчас на полу – потом на гвоздях»* (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА). Интересно, что в других семьях в этих же населенных пунктах, иногда родственных, о таких представлениях ничего не слышали: *«Про лягушек вместо сережек не слышала. Старенька бабушка была, у ней дутые золотые сережки»*; *«Мама всегда бусы носила, черненьки бусы любила. Серьги никогда не запрещали»*. При этом наши собеседницы уточняют: *«В покаянии, скитском покаянии, есть про украшения»* (ПМА, 2022, с. Тихонькая, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА).

Причину подобных представлений наши информанты не могли объяснить, за редким исключением. Так, Анна Максимовна Болтовская (1938 г. р.) объясняла: *«Вот серьги носят. Я читала книгу, вот и там написано. Идет Господь по ряду, а женщина сидит вся в украшении: змеи все, лягушки все, голова. А Он и говорит: «О...какое украшение», – говорит. «Да, любила украшения»»*. В понимании нашей собеседницы, Господь Спаситель спустился в ад и ходил там «по рядам», среди мертвых. И он увидел грешную душу, «украшенную» хтоническими созданиями: серьги превратились в лягушек, золотые цепочки – в змей (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА).

На вопрос, почему именно змеи появляются на месте украшений, наша собеседница отвечала: *«А змеи любят золото»*. По мнению женщины, *«золото притягивает всю черноту»*. Анна Максимовна вспоминала: *«Я вот знаю, что золото носить это грех, это грех великий. Бабушка моя говорила... Я вот, например, кольца не ношу. Я носила, доча мне привезла кольцо, а у меня стал палец чернеть... Я говорю: «Палец чернеет. Значит, нельзя носить»* (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА). При этом простые, недорогие украшения наша собеседница не осуждала, в отличие от изготовленных из золота, серебра, платины. Как объясняет Анна Максимовна, запреты носить украшения нужны для облегчения участи в посмертном существовании: *«Это для души. Не будешь носить, душа не будет отвечать за это. Ты наденешь на себя украшение, и на душу твою наденут украшения, и они превратятся в другое»* (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА).

При некотором сходстве, а именно сюжете о наличии на теле грешницы в посмертном существовании хтонических существ на местах, где ранее при земной жизни находились украшения, отличие объяснения А. М. Болтовской из с. Мульта от нарратива из тетради А. Л. Милентьевой из с. Кебезень очевидно. В рассказе из Уймонской долины наказывается именно украшательство, в новелле из Великого Зеркала также и греховные блудливые связи, акцентируется внимание на исключительной важности искренности покаяния. В первой истории письменный христианский источник опосредован и забыт, во второй – назван конкретно.

Основанное на христианских письменных источниках отношение к хтоническим персонажам входило в мировоззрение, через него в повседневную культуру и быт. Как свидетельствуют полевые материалы, такие запрещаемые (греховные) явления у старообрядцев, как чай, самовар, ранее ассоциировались со змеей (Шитова, 2013: 289).

Змеиные образы олицетворяли и некоторые отрицательные человеческие качества, отношение к этим качествам. Последнее отчетливо проявляется в различных фольклорных жанрах. Например, в поговорках: «Змея кусает не для сытости, а ради лихости» (Материалы из архива И. П. Федотовой: Т. П. Головина, собиратель И. П. Федотова); «Пригрела змейку на свою шейку» (Материалы из архива И. П. Федотовой: собиратель Л. Ф. Швецова, с. Белое, Алтайский район, Алтайский край, 1970 г.). Ассоциации с хтоническими персонажами встречаются в текстах присушек: «Чтобы казалась ему (такая-то) змеей люттой, ненавистной. Ненавистной, как змея, холодной, как льдина. Чтобы видел ее – ненавидел ее»; «Чтобы была она змеей люттой, ненавистной, Холодной, как льдина. Чтобы видел ее – ненавидел ее» (Материалы из архива И. П. Федотовой: собиратель И. П. Федотова, 1970-е гг.).

В песенном фольклоре, частушках хтонические образы также могут иметь негативный оттенок. При этом происходит ассоциация отрицательного качества, поступка, например измены, неверности, с изучаемым образом:

*«Милый мой, я за тобой,
А ты все за злодейкою!
Как задумал изменить,
Извивался змейкою».*

(Материалы из архива И. П. Федотовой: Л. А. Рюмина, собиратель О. В. Евдокимова, 1999 г.);

Негатив может быть также заменен на скорее юмористические ассоциации с хтоническими образами:

*«Ты соперница моя –
Коротенькие ножки.
Голова как у змеи,
Голос, как у кошки».*

(Материалы из архива И. П. Федотовой: З. К. Бунькова, 1921 г.р., собиратель Л. Ф. Швецова, с. Ая, Алтайский район Алтайского края, 1970 г.)

Сказок с хтоническими персонажами в региональном материале не встретилось, хотя они и общеизвестны, например, о царевне лягушке. В с. Мульта старообрядцы рассказали анекдот об Иване-царевиче, который приехал во Францию и узнал, что лягушек едят, а не женятся на них (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА). Повсеместно было распространено представление о нежелательности брать лягушек в руки, в целом некомфортное эстетическое восприятие этих созданий: «Лягушки не берите, бородавки – это конечно было. Но они противные, особенно белобрюхие» (ПМА, 2022, с. Тихонья, Усть-Коксинский район РА). Лягушка скорее ассоциируется с некрасивостью или неповоротливостью:

*«У мово ли у милого,
У мово ли горюна,
Голова как у лягушки,
Ноги как у чугуна».*

(Материалы из архива И. П. Федотовой: М. Е. Бунькова, 1919 г.р., собиратель Н. А. Кудастбергенов, г. Горно-Алтайск, 1999 г.)

*«А ты, Таня, попляши,
Да хорошо ты пляшешь.
Как лягуша из болота,
Едва ноги тащишь».*

(Материалы из архива И. П. Федотовой: П. А. Булыгина, собиратель Т. С. Родионова, с. Турочак, Турочакский район РА, 1999 г.)

Основанное на христианских текстах восприятие хтонических образов, безусловно, продолжает бытование у носителей традиции. Например, при чтении молитвы «Живый в помощи» (псалом 90) в строках 12, 13: *«На руках возмут тя, да не когда преткнешии о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия»* (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА). Заметим, что были распространены и заговоры, основанные на данном тексте, включающие данные строки без изменения (Материалы из архива И. П. Федотовой: Т. П. Подболотова, 1921 г. р., собиратель И. П. Федотова, с. Ынырга, Чойский район РА). В душеполезном чтении, например в рукописных Четьях в житии Св. Симеона Столпника, можно прочесть историю о чудесном исцелении женщины, в организм которой с водой попала маленькая змейка и внутри начала расти: *«Изыйде из нея змия велика, и ползуши к столп, абие разсядся»* (т. е. приползши к столпу, змея распалась на части) (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА).

Сформировавшийся под влиянием христианства образ змея современные уймонские старообрядцы могут ассоциировать с современной техникой, такой как запущенные людьми в Космос спутники: *«Спутники сейчас запускают – это змей»* (ПМА, 2015 г., с. Усть-Кокса, Усть-Коксинский район РА). То есть изучаемые образы современные старообрядцы могут не отождествлять с природным проявлением хтонических созданий.

В природе в основном люди сталкивались с ужами и гадюками: *«Раньше на скалах пни, где лес сваленный свернутя. На покосе бесконечно было».* Вспоминают и про другие виды змей, которые встречались еще в детстве: *«Жуланка – змея»;* *«Огневки в детстве называли змей. Недлинные, толстенькие, оранжевые. Сворачивались и как катятся. Пару раз видела, они кусались»* (ПМА, 2022, с. Тихонья, Усть-Коксинский район РА).

Особое место в народных представлениях занимали народные способы, направленные на профилактику встречи со змеей, что было вызвано практической необходимостью. Крепкие в вере старожилы-старообрядцы могли использовать чтение молитвы, чтобы на пути не встретить змею, опасного для человека зверя: *«Если идти в лес – Непобедима молитва, чтоб никакой зверь не напал, никто не привязался, от всякой нечисти. Непобедима божественная сила животворящего креста господня не оставь меня грешную рабицу такую-то»* (ПМА, 2022, с. Тихонья, Усть-Коксинский район РА). Также считалось, что запах конского пота отпугивает змей, от них оберегались, окружив себя конскими путами: *«Ложатся спать в лесу, веревку, что пахнет конским потом, вокруг себя, и ложились в серединку»* (ПМА, 2022, с. Тихонья, Усть-Коксинский район РА).

Из заговоров, направленных на профилактику встречи со змеей, наиболее распространены формулы, направленные на разграничение пространства пребывания змеи и человека. Так, например, пастух Михаил Бочкарев (1964 г. р.) использовал такой заговор: *«Змея-змея, тебе пень да колода, мене конь да дорога»* (ПМА, 1998 г., с. Мульта, Усть-Коксинский район РА). При применении подобного заговора необходимо было повторить его трижды, при этом поворачиваясь вокруг три раза плюнуть в стороны: *«Змея, змея, змеища, серые глазищи, тебе – пень да колода, мне – путь да дорога»* (Материалы из архива И. П. Федотовой: Бунькова М. Ф., 1893 г.р., собиратель Л. Ф. Швецова, с. Ая, Алтайский район Алтайского края, 1970 г.). Реже использовали следующий заговор, который также

необходимо было повторить трижды: *«Идет раба божия (называется имя) в поле (в лес, в горы и т.д.), а змея из поля (из леса, с гор и т.д.)»* (Материалы из архива И. П. Федотовой: М. Т. Рогова, 1914 г.р., собиратель Л. Ф. Швецова, с. Белое, Алтайский район Алтайского края, 1970 г.).

Некоторые представители среднего поколения еще могут вспомнить, как старшие советовали при укусе змеи скорее бежать к воде, реке (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). Возможно, связь змеиных образов с водной стихией также прослеживается в заговоре от укуса ужа, который необходимо было при применении повторить 12 раз без передышки (ударение в слове «река» падает на первый слог): *«Твоя река далеко, моя река близко»* (Материалы из архива И. П. Федотовой: М. Т. Рогова, 1914 г. р., собиратель Л. Ф. Швецова, с. Белое, Алтайский район Алтайского края, 1970 г.).

Если змея уже укусила, были такие заговоры, которые мог использовать каждый. Например, пастух Михаил Бочкарев (1964 г. р.) поделился таким заговором: *«Змея-змея, вынь свое жало яровое, яловое, если не вынешь, я тебя буду жсахать [т. е. драть, поясняет информант – Н. Ш.] прутьями ивовыми, калеными. Во веки веков, аминь»*. Приговаривать следовало, водя безымянным пальцем вокруг ранки (ПМА, 1998 г., с. Мультя, Усть-Коксинский район РА).

В некоторых бытовавших в районе исследования еще в третьей четверти XX в. заговорах от укуса змеи, опираясь на работу Т. А. Агапкиной (Агапкина, 2013), можно распознать элементы старинных народных представлений о змеях. Например, о существовании различных видов змей в зависимости от цвета, выражающихся в прилагательных (черных, пестрых, желтых, огневок) (Материалы из архива И. П. Федотовой: М. Казанцева, собиратель С. М. Петенева, с. Верх-Уймон, Усть-Коксинский район РА) или именах собственных (Чернуха, Белуха, Буренак, Пестрена) или от мест обитания (огородных, подколодных, полевых, дворовых) (Материалы из архива И. П. Федотовой: К. И. Санарова, с. Тюдрала, Усть-Канский район РА, 1971 г.). Можно найти следы представлений об особой домашней змее: *«Домаха – змея, живущая под полом»*. Также о подчинении змей главной змее, «матушке змее Матрене» (Материалы из архива И. П. Федотовой: К. И. Санарова, с. Тюдрала, Усть-Канский район РА, 1971 г.) или «царице Елице»: *«На острове Буяне, на Тихом океане стоит столб. В столбу – царица Елица. Уйми свое стадо, чтоб не кусалось, не щипалось, Чернуха, Белуха, Крысена, Буренак, Пестрена, под закутьем Домаха»* (Материалы из архива И. П. Федотовой: М. Т. Рогова, 1914 г. р., собиратель Л. Ф. Швецова, с. Белое, Алтайский район Алтайского края, 1970 г.).

Если заговором, направленным на профилактику встречи со змеей, мог воспользоваться каждый по желанию, то змеиные укусы часто лечили «знаткие». Местные жители помнят, кто ранее мог помочь в случае укуса: *«Тетя Рая Никонова была, она от укусов змеиных лечила»* (ПМА, с. Тихонькая, 2022, Усть-Коксинский район РА). Сохранились единичные свидетельства о том, что, используя хтонических животных, или обращаясь к их образам, могли как «испортить», так и вылечить. В частности, упоминаемая выше Раиса Степановна Никонова (1934 г. р.), рассказывала фольклористу Е. В. Болтовской о том, что лягушку применяли для наведения порчи и также для ее излечения: *«Осердятся, девку изурочат, а живот растет. В бане роды вызывали, рожали лягушку»* (ПМА, 2022, г. Горно-Алтайск).

Среди православного населения (РПЦ) в Шебалинском районе Республики Алтай зафиксирован ряд записей, посвященных народным методам лечения, составленных занимавшейся народной медициной жительницей с. Ильинка З. И. Колпаковой, 1940 г. р. (ПМА, 2015, с. Ильинка, Шебалинский район РА). Среди этих материалов есть и один из народных способов лечения ангины, который применялся с использованием лягушки: *«Близко ко рту больного подносят лягушку и заставляют больного дышать прямо на нее. От этого сердце лягушки начинает учащенно биться, а больному через 7–10 минут становится лучше, даже*

если до этого он не только не мог кушать и пить, но и говорить, после этого лягушка делает 3 прыжка и умирает. Больной выздоравливает полностью» ([Фрагмент тетради...]: л. 2.). Заметим, что, судя по публикациям в сети Интернет, данный способ остается востребованным (см. например: Лечение ангины лягушкой).

Противоположное христианскому негативному восприятию содержание образа змеи прослеживается в следующем в заговоре из записей З. И. Колпаковой. Он обозначен как «Наговаривать на булавку». Из других публикаций данного текста следует, что он применялся для лечения «утиной», т. е. боли в пояснице (Зверев, Шишкова, 2009: 217). На булавку наговаривали: «Змея свернись вокруг раба (...), обернись. Ляг на пояс, стань подмогой, отвяжись дорогой, уподи, уползи, боль, хворобы унеси. Аминь.» ([Отдельные заговоры]: л. 26.) В данном случае змея ассоциируется с булавкой и поясом. Булавка традиционно используется как средство от сглаза, порчи. Например, старообрядки втыкали их в деталь сарафана – подбойку. Оберегом, сравнимым по силе и значению с нательным крестом, является пояс. Интересно, что ассоциации образа змеи с поясом прослеживаются также в загадке: «Под кустом, под ярусом лежит пояс гарусный» (Материалы из архива И. П. Федотовой).

Как рассказывали в с. Тихонькая, с. Мульта, на памяти наших информантов нет случаев, когда змея укусила человека: «Змея никого не кусала в Тихонькой, коров, овечек кусают» (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). Объясняют это тем, что в последние десятилетия змей в окружающей среде поубавилось: «Змей меньше стало – раньше поедешь за брусникой, на покосе валки начинаешь переворачивать, и они везде» (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). В настоящее время на вопрос о том, что делать, чтобы не укусила змея, чаще всего отвечают, что змей отпугивает шум, издаваемый людьми: «Обычно они, идешь, уползают... Змея услышала шорох, она ушла». Также посоветуют быть внимательными и использовать резиновые сапоги (ПМА, 2022, с. Тихонькая, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА).

При этом рассказывают, что в некоторых семьях змей было принято убивать: «Дядя Гоша Черепанов – они убивали их» (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). Мама говорила одной из наших собеседниц: «Змею убьешь – 40 грехов смоешь». Женщина вспоминает, что когда были детьми и жили на Маральнике, змей убивали: «Палочкой придавишь бошку, в коробочку сложишь, смотришь, как хвостик шевелится». После этого обязательно надо было умыться: «Маме скажешь: “Змею убил” – иди умойся, всегда умывались, руки мыли, лицо мыли» (ПМА, 2022, с. Мульта, Усть-Коксинский район РА). Мультинский старообрядец Т. Ф. Бочкарев так вспоминал про встречу со змеей: «В караулке лежала кольцом змея, я траву пошевелил, она растянула целый шаг. Поползла от караулки, отогнал на 5 шагов, голову ей растоптал. После убийства вымыл в озере руки» (Шитова, 2013: 176).

Заметим, что многие местные жители стараются бережно относиться к природе, лишний раз не убивать даже змей. Например, оказавшуюся на огороде змею могут вынести за пределы участка, находя объяснение ее появления на территории людей в объективных обстоятельствах, например, аномально сухой погоде (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА).

Ранее, как вспоминают, ящерок тоже было очень много. В отличие от змей, к ящерицам относились по-другому: «Ящерки хорошие, их не надо убивать» (ПМА, 2022, с. Тихонькая, Усть-Коксинский район РА). Нейтральное отношение к хтоническим образам как созданиям природы прослеживается в загадках: «И стучиха, и бренчиха, и четыре шумитихи, и хохол, и махор, и змея с хохлом (телега, колеса, лошадь)» (Материалы из архива И. П. Федотовой: П. Д. Киселева, 1926 г. р., собиратель Н. А. Поташова, с. Усть-Кан, Усть-Канский район РА, 1997 г.). Изучаемые образы без идеологической окраски проявляются и в прикладном народном творчестве. Например, старообрядка Капитолина Ивановна Молоткова (1938 г. р.)

изготовила серию поделок из природного материала для украшения своего участка, в том числе из найденного на берегу Катунь обточенного водой корешка смастерила змею (ПМА, 2015, с. Октябрьское, Усть-Коксинский район РА).

В результате проделанной работы можно сделать вывод о динамике и неоднородности, которые прослеживаются в бытовании хтонических образов на региональных материалах. Характер изучаемых образов может быть различным: в духе христианских традиций (лицетворение греха, посмертного наказания), также апотропейным (использование в заговорных формулах и для лечения) и идеологически нейтральным в качестве созданий природы (например, в фольклоре, народно-прикладном творчестве).

Имея в основе одну культуру, старообрядческие группы в условиях XX в. развивались в Горном Алтае неравномерно, выживая с различной степенью сохранности устной и письменной традиции. Это не могло не повлиять на бытование основных образов в рамках традиционной культуры, одними из которых являются хтонические. При очевидном преобладании христианского содержания образов вариации их бытования в разных локальных группах в разные временные периоды различны. Особенности семьи и отдельных личностей также имеют значение. В одной культурной традиции, даже у близких родственников, в настоящее время может фиксироваться как спокойное отношение к хтоническим животным как природным проявлениям, так и основанные на христианской традиции ассоциации их с грехом и посмертными наказаниями.

Следы более жесткого восприятия хтонических образов зафиксированы в прекратившей бытование традиции турочакских старообрядцев (проживавших в Турочакском районе). Старообрядческая традиция в уймонской группе, в условиях непрерывности при существенном сужении сферы бытования, равняется на основополагающие для верующих устои, основную богослужебную литературу. В современной традиции уймонских старообрядцев, бытование которой трансформировалось, но не прерывалось, хтонические образы отличаются большей мягкостью, при этом с очевидным стремлением соответствовать ортодоксальной христианской традиции.

Литература:

Агапкина Т. А. Восточнославянские заговоры от укуса змеи: темы и сюжеты, локальные особенности и славянские параллели // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации. М.: «Древле-хранилище», 2013. С. 434–466.

Антонов Д., Майзульс М. Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. М.: Форум; Неолит, 2013. 240 с.

Велецкая Н. Н. О генезисе древнерусских «змеевиков» // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 206–211.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Изд-во «Индрик», 1997. 912 с.

Голубкова О. В. Образ змеи в демонологических представлениях русских и коми (по полевым материалам 2000-х годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 383–387.

Данилко Е. С. Священная история и раскол в старообрядческих нарративах (по материалам полевых исследований среди старообрядцев Урало-Поволжья) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2005. М.: Наука, 2007. С. 58–74.

Зверев В. А., Шишкова Е. К. «Будьте, мои слова, крепки и лепки»: 120 заговоров из Верхнего Причулымья // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве / отв. ред. Н. Н. Родигина. Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 212–222.

Лечение ангины лягушкой. URL: <https://healthinfo.ua/articles/otkr/12671> (дата обращения 06.08.22).

Материалы из архива И. П. Федотовой. 1960–1990-е гг. Хранятся в архиве автора.

Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII – XVII веков. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1934. 170 с.

[Отдельные заговоры] Составитель З. И. Колпакова. Рукопись. С. Ильинка, б. г.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1996. 366 с.

Старообрядческие духовные стихи: сб. URL: <https://altaistarover.ru/articles> (дата обращения 06.08.22).

[**Тетрадь** А. Л. Милентьевой]. Рукопись. С. Кебезень, 1970-е гг. 6 л.

[**Фрагмент** тетради с рецептами]. Составитель З. И. Колпакова. Рукопись. С. Ильинка, б. г. 10 л.

Шитова Н. И. Рукописи старообрядца Т. Ф. Бочкарева в контексте истории и культуры старообрядцев Уймона (XVIII – XXI вв.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. 360 с.

Шитова Н. И. Яркость и аскетизм в одежде уймонских кержачек (XX – начало XXI вв.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011 № 2(46). С. 113–118.

Шитова Наталья Ивановна.

Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, 634090.

E-mail: natalja.sni2011@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 4 сентября 2022 г.

N. I. Shietova

CHTHONIC IMAGES IN TRADITIONAL CULTURE OF THE RUSSIANS OF GORNY ALTAI: TRANSFORMATION AND LOCAL FEATURES

This study explores the use and transformation of chthonic images, specifically snakes and frogs, in the Old Believer tradition of the Russians in Gorny Altai. The research combines folklore materials, field observations, and written sources, which had not previously been represented in the academic sphere, and utilizes historical and ethnographic methods. Snake images are often associated with negative human qualities in various folklore genres, while frog images are associated with ugliness or slowness. These images appear in folk practices for avoiding snakes, treating snake bites and illnesses such as tonsillitis and back pain, and in riddles and handicrafts. The Christian content of these images is prevalent, but the perception of them varies among different local groups and individuals. It can range from seeing them as personifications of sin and posthumous punishment to viewing them as neutral creatures of nature. In the modern tradition of the Uimon Old Believers, the perception of chthonic images is milder than in the now extinct tradition of the Turochak Old Believers. This study represents the first time that the features of using chthonic images and their transformation in the Old Believer tradition have been analyzed and documented in such detail.

Keywords: *Russians, Gorny Altai, Old Believers, images of a serpent and a frog, traditional culture, folklore.*

References:

Agapkina T. A. Vostochnoslavjanskije zagovory ot ukusa zmei: temy i syuzhety, lokal'nye osobennosti i slavyanskije paralleli [East Slavic spells from a snake bite: themes and storyline, local features and Slavic parallels] // Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskij narodov. Istorija slavistiki. XV Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov (Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.). Doklady rossijskoj delegacii. M.: «Drevlekhramilishche», 2013. S. 434–466 (In Russian).

Antonov D., Majzul's M. Anatomija ada: Putevoditel' po drevnerusskoj vizual'noj demonologii [Anatomy of Hell. Guide for Visual Demonology in Medieval Russia] M.: Forum; Neolit, 2013. 240 s. (In Russian).

Veleckaja N. N. O genezise drevnerusskich «zmeeviki» [On Ancient old Russian Zmeyevik amulets genesis] // Drevnosti slavyan i Rusi. M.: Nauka, 1988. S. 206–211 (In Russian).

Gura A. V. Simvolika zhivotnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. M.: Izd-vo «Indrik», 1997. 912 s. (In Russian).

Golubkova O. V. Obraz zmei v demonologicheskij predstavlenijah russkich i komi (po polevym materialam 2000-h godov) [The image of a serpent in the demonological picture of Russians and Komi (based on field materials of the 2000s)] // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. – Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2010. V. 16. S. 383–387. (In Russian).

Danilko E. S. Svyashchennaya istoriya i raskol v staroobryadcheskikh narrativah (po materialam polevyh issledovaniy sredi staroobryadcev Uralo-Povolzh'ya) [The Sacred History and the Schism in the Old Believer Narratives (based on field research among the Old Believers of the Ural-Volga Region)] // Polevye issledovaniya Instituta etnologii i antropologii. 2005. M.: Nauka, 2007. S. 58–74. (In Russian).

Zverev V. A., Shishkova E. K. «Bud'te, moi slova, krepki i lepki»: 120 zagovorov iz Verhnego Prichulya [May my words be strong and sculpting: 120 spells from the Upper Chulym region] // Sibiryaki: regional'noe soobshchestvo v istoricheskom i obrazovatel'nom prostranstve / otv. red. N. N. Rodigina. Novosibirsk: NGPU, 2009. S. 212–222. (In Russian).

Lechenie anginy lyagushkoj [Treatment of angina with a frog]. URL: <https://healthinfo.ua/articles/otkr/12671> (data obrashcheniya 06.08.22) (In Russian).

Materialy iz arhiva I. P. Fedotovoj. 1970–1990e gg. Hranyatsya v archive avtora (In Russian).

Orlov A. S. Perevodnye povesti feodal'noj Rusi i Moskovskogo gosudarstva XII – XVII vekov. [Translated stories of the Feudal Russia and the Muscovite state of the XII–XVII centuries]. – Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1934. 170 s. (In Russian).

[Otdel'nye zagovory] Sostavitel' Z. I. Kolpakova. Rukopis'. – S. Il'inka, b. g. (In Russian).

Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Historical Roots of the Wondertale]. SPb.: Izd-vo SPb. gos. un-ta, 1996. 366 s. (In Russian).

Staroobryadcheskie duhovnye stihy: sbornik [Old Believer spiritual poems: a collection]. URL: <https://altaistarover.ru/articles> (data obrashcheniya 06.08.22) (In Russian).

[Tetrad' A. L. Milent'evoj]. Rukopis'. S. Kebezen', 1970-e gg. 6 l (In Russian).

[Fragment tetradi s receptami]. Sostavitel' Z. I. Kolpakova. Rukopis'. S. Il'inka, b. g. 10 l (In Russian).

Shietova N. I. Rukopisi staroobryadca T.F. Bochkareva v kontekste istorii i kul'tury staroobryadcev Ujmona (XVIII – XXI vv.) [The manuscripts of an old believer T. F. Bochkaryov in the context of history and culture of the Old Believers from Uymon (XVIII – XXI 21 cc.)]. Gorno-Altajsk: RIO GAGU, 2013. 360 s. (In Russian).

Shietova N. I. Yarkost' i asketizm v odezhde ujmonskih kerzhachek (HKH – nachalo XXI vv.) [Brightness and ascetism in the clothing of the Uimon kerzhak women (20th and early 21st century)] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2011. № 2(46). S. 113–118. (In Russian).

Shietova Natalya Ivanovna.

Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher.

Institute of Archaeology and Ethnography of the RAS.

Academician Lavrentiev Av., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: natalja.sni2011@yandex.ru

СООБЩЕНИЯ

Т. Г. Боргоякова, А. В. Гусейнова

V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ»

V Международная научная конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» состоялась 19–20 мая 2022 г. в Абакане на объединенной базе Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова и Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Конференция была посвящена 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Николая Федоровича Катанова, что обусловило расширение традиционных направлений ее работы, состава и географии участников. В ней участвовало более 200 ученых, преподавателей, представителей органов власти и неправительственных организаций из 17 регионов России и четырех стран зарубежья. Основные цели конференции: обмен новыми подходами и результатами исследования наследия Н. Ф. Катанова по широкому кругу лингвистических, культурологических, этнографических и исторических аспектов; распространение знаний о новых тенденциях и инициативах, направленных на продвижение языков коренных народов на российском и международном уровне как ценного культурного наследия и ресурса устойчивого развития человечества; обсуждение новых научных знаний в области лингвокогнитивных, культурологических, литературоведческих, фольклорных и исторических исследований на материале тюркских и других урало-алтайских языков.

Конференция способствовала привлечению внимания к важности многостороннего исследования языков коренных народов, сохранению и поддержке языкового многообразия Сибири, других субъектов Российской Федерации и тюркоязычных регионов. Она позволила выявить тенденции, инновации и пути решения актуальных лингвоэкологических проблем, сформулировать рекомендации по совершенствованию языковой политики, воспитанию потребности в активном региональном и территориальном двуязычии с учетом международного опыта.

Ключевые слова: конференция, коренные народы Сибири, языковая политика, миноритарные языки.

19–20 мая 2022 г. на базе Научно-исследовательского института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова и Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории состоялась V Международная научная конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», посвященная 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова. Конференция, в которой приняли участие более 200 ученых, преподавателей, представителей органов власти и неправительственных организаций из 17 регионов России и 4 стран зарубежья, проходила при поддержке Правительства Республики Хакасия.

Научная программа конференции, с учетом докладов на пленарном и секционных заседаниях и дискуссионных площадках, охватывала следующие направления:

- Языки коренных народов в международном и российском законодательстве и в практике функционирования: опыт, инновации, перспективы;
- Научное наследие профессора Н. Ф. Катанова в системе гуманитарных исследований;
- Актуальные проблемы тюркологии: лингвистические, исторические и культурологические аспекты;
- Новые исследования языков и культур коренных народов Сибири в системе парадигм современного языкознания;
- Фольклор и литература коренных народов Сибири в условиях интеграции культур.

Доклады участников конференции опубликованы в сборнике «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы V Международной научной конференции, посвященной 160-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.)», вышедшем к началу работы конференции в Хакасском книжном издательстве.

В приветственной части конференции ректор ХГУ имени Н. Ф. Катанова **Т. Г. Краснова** отметила выдающийся вклад профессора Н. Ф. Катанова в изучение языков коренных народов Сибири и подчеркнула, что в Хакасском государственном университете, который с гордостью носит его имя, продолжают начатые им исследования. Глава Республики Хакасия – Председатель Правительства Республики Хакасия **В. О. Коновалов** также затронул тему высокой ценности научного наследия Н. Ф. Катанова и обратил внимание на то, что 160-летие ученого празднуется в Год культурного наследия народов России и открывает Международное десятилетие языков коренных народов в Республике Хакасия (2022–2032). Председатель Верховного Совета Республики Хакасия **В. Н. Штыгашев** отметил, что труды Н. Ф. Катанова стали фундаментом для последующего развития хакасского языкознания, легли в основу письменности хакасского языка на кириллической основе. Огромное значение научного наследия Н. Ф. Катанова для будущего хакасской науки подчеркнул и Председатель Совета старейшин хакасского народа, член Президиума Верховного Совета Республики Хакасия **П. И. Воронин**. Далее прозвучали приветствия представителей Татарстана – второй родины Н. Ф. Катанова: Президента Республики Татарстан **Р. Н. Минниханова**, и.о. ректора Казанского (Приволжского) федерального университета **Д. А. Таюрского**, Президента Академии наук Республики Татарстан **М. Х. Салахова**. В них подчеркивалась особая роль профессора Н. Ф. Катанова в развитии отечественной тюркологии и отмечались своевременность и большое значение проходящей в Хакасии конференции.

Пленарная часть конференции открылась докладом доктора исторических наук, профессора Казанского (Приволжского) федерального университета **Р. М. Валеева** (г. Казань) «Профессор Н. Ф. Катанов и отечественная университетская тюркология: Санкт-Петербург–Казань», в котором были обозначены основные вехи и достижения Н. Ф. Катанова в ведущих научных центрах России. В докладе **И. Л. Кызласова**, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института археологии РАН (г. Москва), было представлено убедительное изложение истоков тюркской филологии в период освоения и применения рунического письма. В следующем докладе профессор, доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов **У. М. Бахтикиреева** (г. Москва) аргументировала целесообразность переосмысления нормативного толкования термина *младописьменные языки* по отношению к тюркским языкам. **А. В. Дыбо**, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующая отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН (г. Москва), и **В. С. Мальцева**, младший научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва), посвятили совместный доклад особенностям репрезентации текстов Н. Ф. Катанова в Электронном корпусе хакасского языка. Далее прозвучал доклад доктора педагогических наук, ведущего аналитика Лаборатории развития содержания образования Российской академии образования **С. А. Боргоякова** (г. Москва), в котором был предложен анализ теории и практики развития этнокультурного образования в контексте реформ образования и национальной политики России. Ведущий научный сотрудник Центра национально-языковых отношений Института языкознания РАН, доктор филологических наук **А. Н. Биткеева** (г. Москва) представила доклад, в котором были рассмотрены языковые проблемы современной России, пути повышения эффективности языковой политики и ее планирования. Доклад доктора филологических наук, профессора, заведующей сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН **Е. Н. Кузьминой** (г. Новосибирск) «Роль стереотипов в сюжетостроении сибирского эпоса» был посвящен анализу особенностей типических мест в описании эпического мира и эпических персонажей в героическом эпосе народов Сибири. Завершилась пленарная часть конференции докладом доктора филологических наук, заведующей отделом фольклористики Уфимского федерального исследовательского центра РАН **Г. Р. Хусаиновой** (г. Уфа), посвященным наследию Н. Ф. Катанова в области языка, этнографии и фольклора башкирского народа.

Первый день конференции продолжился параллельной работой секций. В секции «Языки коренных народов России в социолингвистическом измерении» были обсуждены доклады, акцентирующие внимание на актуальности более активной поддержки миноритарных языков, обусловленной базовой потребностью их носителей в позитивной этнокультурной идентификации в конструктивном взаимодействии с другими народами и культурами. В своем докладе доктор филологических наук, профессор, директор – главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова **Т. Г. Боргоякова** (г. Абакан) подчеркнула важность осмысления стратегий и тактик в борьбе по остановке языкового сдвига и обязательности включения всех миноритарных языков и их носителей в процесс анализа и принятия решений в рамках глобального плана Международного десятилетия языков коренных народов. Доклад кандидата филологических наук, доцента Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова **Л. С. Заморицкой** (г. Якутск) был посвящен презентации международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», ее целям, задачам, решаемым научным проблемам и планам развития. В докладе доктора филологических наук, старшего научного сотрудника отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем коренных малочисленных народов Севера СО РАН **Н. И. Ивановой** (г. Якутск) был представлен системный подход к исследованию этносоциолингвистических, лингвистических и психолингвистических аспектов развития языковой ситуации в контексте общих этноязыковых процессов. В докладе доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Института языкознания РАН **Э. В. Хилхановой** (г. Москва) были изложены аргументы в пользу важности экономического фактора для перспектив миноритарных языков и рассмотрены различные направления экономики языка с акцентом на исследования коммодификации русского и миноритарных языков. В секции также прозвучали доклады, посвященные различным аспектам функционирования татарского, тувинского, тубаларского, тазовского, якутского, долганского, эвенского языков. Особое внимание было уделено языковой политике в Республике Хакасия. С докладом «Языковая политика в Республике Хакасия: проблемы и пути их решения» выступил заместитель министра национальной и территориальной политики Республики Хакасия **Ю. К. Чертыков** (г. Абакан), а активисты Общественного движения за сохранение и развитие хакасского языка **З. А. Чертыкова** и **С. А. Токояков** представили доклады, посвященные особенностям применения инновационных подходов для расширения сфер функционирования второго государственного языка Республики Хакасия.

Результаты исследований наследия Н. Ф. Катанова по широкому спектру лингвистических, культурологических, этнографических и исторических проблем были представлены в секции № 2 учеными из Казани, Уфы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Абакана, а также Китая и Турции. В докладе кандидата филологических наук, научного сотрудника Института филологии СО РАН **В. В. Миндибековой** (г. Новосибирск) была рассмотрена экспедиционная и исследовательская деятельность Н. Ф. Катанова и охарактеризован его вклад в сбор и изучение фольклорного материала в период с 1878 по 1892 г. Доклад доктора филологических наук, профессора Казанского (Приволжского) федерального университета **А. Ш. Юсуповой** (г. Казань) был посвящен лексикографической деятельности Н. Ф. Катанова, связанной с татарским языком. Материалом исследования послужили «Краткий татарско-русский словарь» (1912) и «Транскрипция и глоссарий к пословицам и рассказам первой части букваря Г. Н. Ахмарова “Тюркская азбука”» (1913). Тему продолжила доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН **Г. Н. Ягафарова** (г. Уфа), которая рассмотрела особенности упомянутого словаря и пришла к выводу о том, что принципы его составления стали одними из лучших в деле издания двуязычных словарей начала XX в.

Проблематика секции «Психолингвистические и семантические особенности языковой номинации» была связана с этнолингвистическими аспектами исследования разноструктурных языков. В докладе доктора филологических наук, профессора Сибирского федерального университета **А. В. Колмогоровой** и старшего преподавателя этого вуза **А. В. Маликовой** (г. Красноярск) была рассмотрена специфика распределения радикальных эмоциональных оценок по критерию доминирующего языка, что позволило предварительно подтвердить гипотезу о влиянии доминирующего языка на силу эмоционального восприятия текста. Кандидат филологических наук, доцент Иркутского государственного университета **В. И. Семёнова** (г. Иркутск) рассмотрела вторичные значения соматических терминов бурятского языка, которые в результате метафоризации становятся локусами, указателями определенных участков местности, территории, а затем могут попасть в онимическую систему языка. В докладе кандидата филологических наук, научного сотрудника отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук **Н. Ю. Ушницкой** (г. Якутск) были рассмотрены понятийная, образная и ценностная составляющие концепта «нулги/кочевье», отражающего кочевой образ жизни эвенков и включающего в себя оленеводство как неотъемлемую часть номадного образа жизни.

Национально-культурная специфика языковой картины мира стала ведущей темой докладов секции «Актуальные проблемы исследования языковой картины мира в семантической структуре языков коренных народов Сибири и других регионов». В докладах были раскрыты универсальные и специфические способы осмысления и вербализации на разных уровнях языковой системы и в разных типах дискурса. В докладе кандидата филологических наук, доцента Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова **М. А. Ахматовой** и доктора филологических наук, профессора этого университета **М. Б. Кетенчиева** (г. Нальчик) была описана межъязыковая аналогия в карачаево-балкарских, кумыкских и крымско-татарских паремиях в плане полного и частичного совпадения семантики и лексико-грамматической структуры. Различные аспекты изучения башкирской языковой картины мира были исследованы в докладах **Г. Г. Кульсаринной, Л. Х. и Р. И. Самситовых** (г. Уфа), **Л. Б. Абдуллиной** (г. Стерлитамак). Доклады ученых Тувинского государственного университета, кандидатов филологических наук, доцентов **Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, А. М. Соян** (г. Кызыл) были посвящены исследованию малых жанров устного народного творчества тувинцев. На секции были также представлены доклады, посвященные структурно-семантическим особенностям хакасского, алтайского, якутского и других языков народов Сибири.

Результаты лингвистических исследований в области фонетических и грамматических особенностей были представлены в секции «Современные парадигмы грамматического и фонетического исследования языков народов Сибири и других регионов» на материале почти 20 языков алтайской языковой семьи. Доклад доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Института филологии СО РАН **Н. С. Уртегешева** (г. Новосибирск) и кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН **П. Е. Прокопьевой** (г. Якутск) был посвящен фонетике юкагирского языка, доклад доктора филологических наук, доцента, заведующей кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета **О. Н. Морозовой** (г. Благовещенск) – фонетике эвенкийского. На заседании секции прозвучало несколько докладов, посвященных вопросам словообразования. Так, в докладе кандидата филологических наук, доцента Кемеровского государственного университета **А. В. Проскуриной** (г. Кемерово) были рассмотрены особенности словообразовательной системы телеутского языка. В докладе научного сотрудника международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного феде-

рального университета им. М. К. Аммосова **А. М. Захаровой** (г. Якутск) было установлено, что уступительные полипредикативные конструкции с послелогом *иһин* в якутском языке допускают замену другими формами конструкций без существенного ущерба в синтаксической семантике первых. В докладе кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований **Н. Ч. Серээдар** (г. Кызыл) были представлены результаты изучения языковых свойств синонимов во взаимообусловленности их словообразовательных и синтаксических особенностей. Теоретические вопросы соотношения моделей простого предложения на материале тюрко-монгольских языков были рассмотрены в докладе аспиранта Кыргызского Национального университет им. Ж. Баласагына (г. Бишкек) **Г. С. Абдуллаевой**.

В секции «Исследование литературы и фольклора как основы этнокультурного наследия тюркских народов» были рассмотрены вопросы истории изучения, перевода и возрождения тюркского эпического наследия, а также актуальные проблемы развития национальных литератур, поэтики фольклорных текстов, их жанрово-стилистические особенности. В докладе кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН **В. Е. Васильева** (г. Якутск) «“Люди-деревья”: обычай принятия смерти у воинов саха» была рассмотрена мифологическая основа данного обряда, представленная в самоотождествлении воинов с деревьями: богатыри в ходе инициации как бы рождались из деревьев, и после смерти их душа – кут – возвращалась в лоно священного дерева. В докладе кандидата филологических наук, доцента Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского **А. А. Джемилевой** и магистранта этого университета **В. А. Ельяшевича** (г. Симферополь) был представлен обзор караимской драматургии XIX – начала XX в., рассмотрены исторические и культурные предпосылки ее возникновения, а также предложен сравнительный анализ караимских драматических произведений и их жанровых особенностей.

Опыт и инновации в преподавании родных языков и культур в системе образования были представлены в седьмой секции конференции «Родные языки в поликультурном образовательном пространстве: современные подходы и актуальные практики». Доклады были посвящены вопросам сохранения и развития родных языков и культур в системе билингвального образования Республики Хакасия и затрагивали проблемы, связанные с разработкой новых учебных пособий, цифровизации обучения хакасскому языку, использованием интерактивных форм и методов работы на уроках хакасского языка и литературы, реализацией этнокультурных потребностей учащихся в образовательных учреждениях. Второй день конференции был организован в виде выездных заседаний в Аскизском районе Республики Хакасия, где состоялась дискуссионная площадка «Живое наследие Николая Федоровича Катанова», а также мастер-класс «Хакасское этнолингвокультурное наследие в традициях и инновациях (на площадке районного праздника «Детский Тун Пайрам»)».

Основным результатом мероприятия стал обмен новыми результатами исследований и опытом практической деятельности между представителями научных и образовательных центров России и зарубежья по вопросам эффективности сохранения языков и культур коренных народов, проблемным вопросам, существующим в сфере тюркологии и этнокультурного образования. Конференция способствовала привлечению внимания к важности сохранения и поддержки языкового многообразия в субъектах Сибирского региона РФ и в других тюркоязычных регионах, позволив выявить тенденции, инновации и пути решения актуальных лингвоэкологических проблем, сформулировать рекомендации по совершенствованию языковой политики, воспитанию потребности в активном региональном и территориальном двуязычии.

Боргоякова Тамара Герасимовна.

Доктор филологических наук, профессор, директор.

Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова.

Пр. Ленина 92, г. Абакан, 655017.

E-mail: tamarabee@mail.ru

Гусейнова Аурика Вагифовна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова.

Пр. Ленина 92, г. Абакан, 655017.

E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24 июля 2022 г.

T. G. Borgoïakova, A. V. Guseinova

THE 5TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF SIBERIAN INDIGENOUS LANGUAGES AND CULTURES"

The Vth International Scientific Conference "Preservation and Development of Languages and Cultures of the Indigenous Peoples of Siberia" was held in Abakan on May 19–20, 2022. The conference was dedicated to the 160th anniversary of the orientalist and turkologist Nikolai Fedorovich Katanov and brought together over 200 scientists, teachers, and representatives of authorities and of non-governmental organizations from 17 regions of Russia and 4 foreign countries. The main objectives of the conference were to exchange new approaches and results on a wide range of linguistic, cultural, ethnographic, and historical aspects related to N. F. Katanov's heritage; to disseminate knowledge about new trends and initiatives aimed at promoting the languages of indigenous peoples at the Russian and international levels as a valuable cultural heritage and a resource for sustainable development; and to discuss new scientific knowledge in the field of lingual-cognitive, cultural, folklore, and historical research on the material of Turkic and other Ural-Altaic languages. The conference emphasized the importance of researching, preserving, and supporting the linguistic diversity of Siberia and other regions, and discussed trends, innovations, and ways to address pressing linguistic and ecological issues. Recommendations were made for improving language policy and promoting active regional and territorial bilingualism based on international experience.

Keywords: *conference, minority languages, indigenous peoples of Siberia, language policy.*

Borgoiakova Tamara Gerasimovna.

Doctor of science (philology), professor, director.

Research Institute of Humanities and Sayan-Altay Turcology (Katanov Khakass State University).

Lenina st., 92, Abakan, Russia, 655017.

E-mail: tamarabee@mail.ru

Guseinova Aurika Vagifovna.

Candidate of philology, senior research fellow.

Research Institute of Humanities and Sayan-Altay Turcology (Katanov Khakass State University).

Lenina st., 92, Abakan, Russia, 655017.

E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

НАШИ АВТОРЫ

- Агранат Т. Б. — Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, г. Москва, 125009.
E-mail: tatiana.agranat@iling-ran.ru
- Барсуков Е. В. — Научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.
Пр. Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, 630090.
E-mail: barsukovevg@mail.ru
- Боргоякова Т. Г. — Доктор филологических наук, профессор, директор.
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова.
Пр. Ленина, 92, г. Абакан, 655017.
E-mail: tamarabee@mail.ru
- Галиева Ф. Г. — Доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент, зав. отделом этнографии.
Институт этнологических исследований РАН.
Ул. К. Маркса, 6, г. Уфа, 450077.
E-mail: afg18@mail.ru
- Головнева Е. В. — Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии СПбГУ, старший научный сотрудник Центра Арктических исследований МАЭ РАН.
Санкт-Петербургский государственный университет.
ул. Смольного, 1/3, г. Санкт-Петербург, 191060.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.
Университетская набережная, 3, г. Санкт-Петербург, 199034.
E-mail: golovneva.elena@gmail.com
- Головнев И. А. — Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра Арктических исследований МАЭ РАН.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.
Университетская набережная, 3, г. Санкт-Петербург, 199034.
E-mail: golovnev.ivan@gmail.com
- Гусейнова А. В. — Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова.
Пр. Ленина, 92, г. Абакан, 655017.
E-mail: aurika_guseynova@mail.ru
- Данилова Н. И. — Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Федерального исследовательского центра ЯНЦ СО РАН.
Ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027.
E-mail: nadiv2008@mail.ru
- Додыхудоева Л. Р. — Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, г. Москва, 125009
E-mail: leiladod@yahoo.com
- Дьячковский Ф. Н. — Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Федерального исследовательского центра ЯНЦ СО РАН.
Ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027.
E-mail: fedjatschkov0801@mail.ru
- Жамсаранова Р. Г. — Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка.
Забайкальский государственный университет.
Ул. Александро-Заводская, 30, г. Чита, 672039.
E-mail: rebeca_zab@mail.ru

- Куцаева М. В. — Кандидат филологических наук, научный сотрудник группы финно-угорских языков
отдела урало-алтайских языков.
Институт языкознания РАН.
Пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, г. Москва, 125009.
E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru
- Медведев В. В. — Кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник центра этноистории.
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
Ул. С. Ковалевской, 16, г. Екатеринбург, 620108.
Доцент кафедры социально-гуманитарного образования.
Сургутский государственный педагогический университет.
Ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, г. Сургут, 628400.
E-mail: vlad.etno@mail.ru.
- Мордашова Д. Д. — Младший научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Б. Кисловский, 1, стр. 1, г. Москва, 125009.
Аспирант.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Ленинские горы, 1, г. Москва, 119991.
E-mail: mordashova.d@yandex.ru
- Муратова Р. Т. — Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.
пр. Октября, 71, г. Уфа, 450054.
E-mail: bairima@yandex.ru
- Сагалаев К. А. — Младший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.
E-mail: bigbeatle@inbox.ru
- Тазранова А. Р. — Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.
E-mail: atazranova@mail.ru
- Цыбикова Б.-Х. Б. — Кандидат филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики.
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.
ул. Сахьяновой, 6, г. Улан-Удэ, 670047.
E-mail: bch58@yandex.ru
- Шитова Н. И. — Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии СО РАН.
Пр. Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, 634090.
E-mail: natalja.sni2011@yandex.ru

AUTHORS

- Agranat T. B. — Doctor of philology, leading researcher.
Institute of Linguistics RAS.
B. Kislovskij lane, 1, build.1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: tatiana.agranat@iling-ran.ru
- Barsukov E. V. — Researcher.
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS.
Academician Lavrentiev Av., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: barsukovevg@mail.ru
- Borgoiakova T. G. — Doctor of science (philology), professor, director.
Research Institute of Humanities and Sayan-Altay Turcology Katanov Khakass State University.
Lenina st., 92, Abakan, Russia, 655017.
E-mail: tamarabee@mail.ru
- Danilova N. I. — Doctor of philology, senior research fellow.
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the RAS.
Petrovsky st., 1, Yakutsk, Russia, 677027.
E-mail: nadiv2008@mail.ru
- Dodykhudoeva L. R. — Candidate of philology, senior research fellow.
Institute of Linguistics RAS.
B. Kislovskij lane, 1, build. 1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: leiladod@yahoo.com
- Diachkovskiy F. N. — Candidate of philology, senior research fellow.
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the RAS.
Petrovsky st., 1, Yakutsk, Russia, 677027.
E-mail: fedjatschkov0801@mail.ru
- Galieva F. G. — Doctor of Philology, candidate of historical Sciences, associate Professor,
Head of the Department of Ethnography.
Institute for Ethnological Studies RAS.
K. Marx St., 6, Ufa, Russia. 450077.
E-mail: afg18@mail.ru
- Golovneva E. V. — Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology,
St. Petersburg State University, Senior Researcher at the Center for Arctic Studies
of the MAE (Kunstkamera) RAS.
St. Petersburg State University.
Smolny st., 1/3 (entrance 9), St. Petersburg, Russia, 191060.
Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) RAS
Universitetskaya embankment, 3, St. Petersburg, 199034.
E-mail: golovneva.elena@gmail.com
- Golovnev I. A. — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Arctic Studies
of the MAE (Kunstkamera) RAS.
Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great RAS.
Universitetskaya embankment, 3, St. Petersburg, 199034.
E-mail: golovnev.ivan@gmail.com
- Guseynova A. V. — Candidate of philology, senior research fellow.
Research Institute of Humanities and Sayan-Altay Turcology Katanov Khakass State University.
Lenina st., 92, Abakan, Russia, 655017.
E-mail: aurika_guseynova@mail.ru
- Kutsaeva M. V. — Candidate of philological sciences, research fellow (group for Finno-Ugric languages,
department of Ural-Altaic languages) RAS.
Institute of Linguistics.
B. Kislovskij lane, 1, build.1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

- Medvedev V. V. — Candidate of historical sciences, associate professor, research fellow center for ethnohistory.
Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS.
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.
Associate professor of Social and Humanities Study Department.
Surgut State Pedagogical University.
50 years of VLKSM st., 10/2, Surgut, Russia, 628400.
E-mail: vlad.etno@mail.ru.
- Mordashova D. D. — Junior researcher.
Institute of Linguistics RAS.
B. Kislovski per., 1. str. 1., Moscow, Russia, 125009.
Graduate student.
Lomonosov Moscow State University.
Leninskie gory, 1, Moscow, Russia, 119991.
E-mail: mordashova.d@yandex.ru
- Muratova R. T. — PhD, senior researcher.
Institute for History, Language and Literature Ufa Federal Research Centre of the RAS.
Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.
E-mail: bairima@yandex.ru
- Sagalaev K. A. — Junior researcher
Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS.
Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia. 630090.
E-mail: bigbeatle@inbox.ru
- Shietova N. I. — Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher.
Institute of Archaeology and Ethnography of the RAS.
Academician Lavrentiev Av., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: natalja.sni2011@yandex.ru
- Tazranova A. R. — Candidate of Philological Sciences, senior research fellow.
Institute of Philology of the Siberian branch of the RAS.
Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: atazranova@mail.ru
- Tsybikova B.-Kh. B. — PhD (Philology), associate professor,
Leading researcher of Department Of Literature And Folklore.
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS.
Sakhyanova St., 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.
E-mail: bch58@yandex.ru
- Zhamsaranova R. G. — PhD of Philology, assistant of Professor, professor.
Transbaikalian State University.
Aleksandro-Zavodskaya Av., 30, Chita, Russia, 672039.
E-mail: rebecca_zab@mail.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.edu.ru

Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (**docx/doc и pdf**).

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на русском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле:

- (на английском языке)
- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на русском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке – **источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла. Для статей на английском языке:

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на английском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);

- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке (**источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**);
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле (на русском языке):

- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на английском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла.

Текст статьи объемом не менее 12 и не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон. Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи в алфавитном порядке (**источники на русском языке представляются в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**). Ссылки на цитируемые источники приводятся в круглых скобках: (Hajdu, 1970: 136).

REQUIREMENTS FOR THE SUBMISSION TO THE “TOMSK JOURNAL OF LINGUISTICS AND ANTHROPOLOGY”

Submissions for publication are accepted electronically in two formats (MS.DOC and Adobe.PDF) at tjla@tspu.edu.ru

For the submissions in Russian:

- **the 1st file**
- (in Russian)
- Last Name and initials of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- The text of the paper (language examples should be presented in a glossed format using Leipzig glossing rules; it is recommended that either Charis SIL or Doulos SIL fonts are used for notation);
- Bibliography (List of Sources given alphabetically);
- Full Name of the author(s);
- Degree, academic title, position;
- Affiliation of the author(s);
- Work address;
- E-mail address.

In the same file and immediately following the Russian language version:

- (in English)
- Last Name of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words of high quality translation of the Russian abstract and reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- References (List of sources, with original sources in Russian to be given in transliteration and followed by the English translation of the titles given [in square brackets]);
- Full Name(s) of the author(s);
- Academic degree, title and position;
- Affiliation(s) of the author(s);
- Work address;
- E-mail of the author(s).

The 2nd file has to be duplicate the content of the 1st file in the Adobe PDF format.

For the submissions in English:

- **the 1st file**
- (in English)
- Last Name and initials of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- The text of the paper (language examples should be presented in a glossed format using Leipzig glossing rules; it is recommended that either Charis SIL or Doulos SIL fonts are used for notation);
- Bibliography (List of Sources given alphabetically, and with original sources in Russian to be given in transliteration and followed by the English translation of the titles given [in square brackets]);
- Full Name of the author(s);

- Degree, academic title, position;
- Affiliation of the author(s);
- Work address;
- E-mail address.

In the same file and immediately following the English language version:

- (in Russian)
- Last Name of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words of high quality translation of the English abstract and reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- References (List of sources given alphabetically);
- Full Name(s) of the author(s);
- Academic degree, title and position;
- Affiliation(s) of the author(s);
- Work address;
- E-mail of the author(s).

The 2nd file has to be duplicate the content of the 1st file in the Adobe PDF format.

The volume of the submission generally should be over 12 A4 pages but not to exceed 16 A4 pages (including Bibliography, Graphs, Tables, etc) and has to be formatted (Times New Roman, 14 pt, line spacing 1,5, all margins 2 cm), and saved as MS.DOC and Adobe.PDF files. Graphs, Figures are to be either in JPEG or TIFF formats, while Diagrams may be in MS Excel format, all submitted as separate attached files. Cited bibliography and sources are to be listed alphabetically (Russian sources are to be accompanied by Latin transliteration and English translation of the titles given in [square brackets]). References in the text are to show in parentheses (e.g. (Hajdu, 1970: 136)).

ISSN 2307-6119

9 772307 611005

